

П. МУРАТОВ
ГЕРОЙ
и
ГЕРОИНЯ

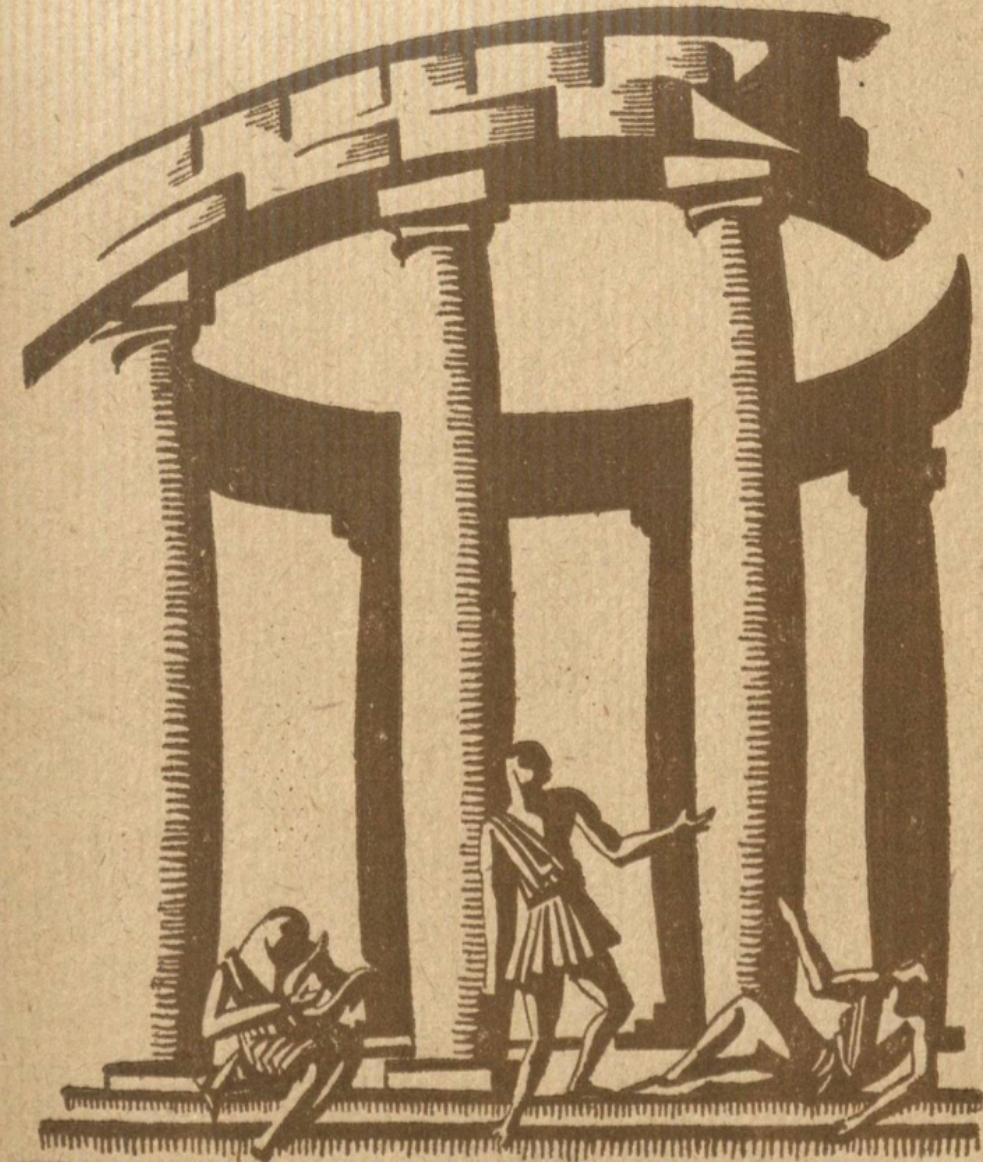
84 P5

M 91

68359.

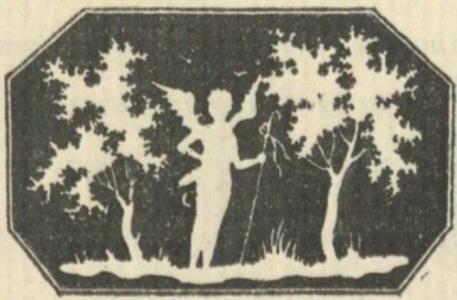
PK 5

П.МУРАТОВЪ.
ГЕРОИ
и
ГЕРОИНИ

КН-ВО-ГЕЛИКОНЪ-М.1918

*Отпечатано въ Москвѣ
въ типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
для книгоиздательства
„ГЕЛИКОНЪ“*

[Пречистенка, Мансуровскій пер., д. № 6, кв. № 3. Тел. 4-69-63]
въ іюнѣ 1918 года.

П. Муратовъ.

ГЕРОИ и ГЕРОИННИ.

МОСКВА,
Книгоиздательство „ГЕЛИКОНЪ“.
1918.

ПРОВЕРено 2014

Фонд редкой книги
ТУРГЕНЬЯНА

68359

ПРОВЕРено 2009

ЧИТАЛЬНЯ
имени
ТУРГЕНЕВА

To Sweet Katherine.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вымысел и дѣйствительность, составляющіе основу этихъ двѣнадцати повѣстей, какъ и всякихъ другихъ, перемѣшаны здѣсь въ нѣсколько иной мѣрѣ и чередуются въ нѣсколько иной послѣдовательности, чѣмъ то обычно встрѣчается. Немногіе изъ описанныхъ мною героевъ и героинь существовали въ дѣйствительности; большинство—лишь тѣни существъ, не познавшихъ никогда бытія. Тѣ и другіе, однако, въ малой мѣрѣ отвѣтственны за приписанныя имъ здѣсь дѣянія. Никто никогда не видѣлъ разсказанныхъ ниже картинъ исторического Морт-да-Фельтре, такъ же какъ никто никогда не слыхалъ шотландскихъ пѣсенокъ вымышленной Модъ Кемронъ.

Но, быть можетъ, если иныхъ героевъ и героинь въ дѣйствительности не было, то они могли быть? Убѣждаетъ ли въ томъ окружающая ихъ обстановка разнообразныхъ странъ и столѣтій? Подобной задачи не было вовсе поставлено въ этой книгѣ. Время и мѣсто дѣйствія всѣхъ совершающихся въ ней драмъ уступлены цѣликомъ преро-

гативамъ вымысла. Дѣйствительностью порождены, напротивъ, мысли и чувства, опредѣляющія поступки и слагающія судьбы двѣнадцати героевъ и героинь. Ихъ можно легко упрекнуть за безжизненность историческую, но кто рѣшился бы утверждать, что въ нихъ совсѣмъ нѣть вѣяній жизни дѣйствительной, столь тѣсно насы всѣхъ окружающей.

Въ этой жизни вотъ уже нѣсколько лѣтъ слышится непрестанный шумъ войны. Войнѣ естественно отведены многія страницы книги. Не является ли война самымъ законнымъ поводомъ для героическихъ дѣлъ, и если тщетно искать въ порождаемомъ войной героизмѣ разгадку ея исторической цѣлесообразности, то не утѣшительно ли видѣть въ немъ хоть по крайней мѣрѣ ея оправданіе! Немногіе впрочемъ согласятся назвать героическими дѣйствія всѣхъ моихъ героевъ и героинь. Они зачастую весьма и весьма далеки отъ тѣхъ подвиговъ, о которыхъ рассказываютъ намъ другія книги. Значить ли это, что они недостойны быть занесены на страницы даже вымышленной исторіи и что они ничего не раскрываютъ намъ въ таинственной сущности героизма?

Скромный замыселъ книги не идетъ далѣе границъ героического. Прослѣдить эти границы въ сложномъ лабиринтѣ человѣческихъ мыслей, чувствъ и свершеній — дѣло нелегкое. Тотъ, кому показались бы онѣ здѣсь невѣрно очерченными, тѣмъ съ большей вѣрностью проведеть ихъ въ своей душѣ.

Герои и Героини.

ЛЕРОССКІЙ ЗМѢЙ.

По утрамъ я оставлялъ маленький городокъ, дремлющій у бѣлой полосы прибоя, и поднимался на вершину острова. Красноватая земля и камешки сыпались у меня изъ подъ ногъ. Я придерживался рукой за теплые отъ солнца, узловатые стволы оливокъ, и иногда изъ серебристой листвы на меня падаль сухой и сморщеный плодъ, забытый послѣднимъ сборомъ. На верхушкѣ горы вѣтеръ колебалъ пепельныя, горько-ароматныя травы. Я садился подъ древней стелы и глядѣлъ на нее. Баснословный герой и покровитель Лероса быль изображенъ на ней въ видѣ змѣя свивавшагося тремя кольцами. Я вновь читалъ надпись, начертанную мудрецомъ Филоменомъ много лѣтъ тому назадъ.—„Побѣди себя”—повторялъ я и глядѣлъ въ сторону Іоніи, гдѣ разрывались пелены утренняго тумана на синихъ берегахъ.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ. Мысли философъ и дѣла міра были для меня тайной. Ложась около Леросскаго памятника я грезилъ о высѣченныхъ на немъ словахъ смутно и благоговѣйно.

Мнѣ слышались голоса и жалобы въ скрипѣ горной сосны, въ шумѣ морского вѣтра, но смыслъ ихъ не достигалъ до моего разума. Однажды, встрепенувшись и вставъ на колѣни, я со священнымъ ужасомъ разсматривалъ небольшую змѣю съ изумрудной головкой, выползшую изъ-подъ погребального камня. Я видѣлъ ея раздвоенный языкъ, но тщетно ждалъ услышать изъ этихъ устъ откровенія полубога или рѣчи философа.

Я многое увидѣлъ и узналъ съ тѣхъ поръ. Безчисленное множество разъ весло и парусъ увлекали меня въ неизвѣстность ночного моря, послѣ той первой ночи, когда отецъ взялъ меня съ собою на Родось. Я учился усердно и счастливо. Портики многихъ школъ и сады многихъ академій слышали похвалы, расточаемыя мнѣ логиками и софистами. Познаніе опьяняло меня, и крѣпче старого вина была для меня свѣжая вода, которую я пилъ въ тѣ годы молодости и бѣдности.

Мнѣ не исполнилось и тридцати лѣтъ, когда я началъ учить другихъ. Молодой знатный римлянинъ, проживавшій на Родосѣ, Анній Регилль сдѣлался моимъ ученикомъ, моимъ другомъ, моимъ покровителемъ. Вмѣстѣ съ нимъ я посѣтилъ Аѳины, гдѣ онъ скучалъ на моихъ диспутахъ и на своихъ обѣдахъ. Въ Римѣ я сталъ членомъ его высокой фамиліи. Мы были сверстниками; умѣя глядѣть сквозь общественные преграды, я любилъ Аннія Регилла и какъ никто другой видѣлъ его душу.

Какъ тѣни облаковъ, проходили въ этой душѣ помыслы созерцательные и побужденія къ дѣйствію. Не разъ, возвратившись съ Форума, Анній Регилль запирался на нѣсколько дней въ нашей виллѣ на склонахъ Яникула, и тогда въ настоящаго Цербера

превращался мозаичный песь на нашемъ порогѣ. Не разъ во время тихой бесѣды со мной о поэмѣ Лукреція онъ прерывалъ меня, схвативъ за руку и жадно прислушиваясь къ далекому шуму взволнованнаго Рима.

Въ тѣ дни городъ кипѣлъ раздороми, и громко раздавалась на его площадяхъ крикливая рѣчъ демагоговъ. Жажда власти туманила умъ народа и кружила головы его вожакамъ. Любовь и ненависть, надежды и разочарованія, поклоненіе и презрѣніе слѣпой толпы всыхивали мгновенно, какъ зажженная углемъ солома, и такъ же мгновенно гасли. И все же эти дары, не имѣющіе никакой цѣнности, привлекали достойнѣйшихъ. Анній Регилль искалъ ихъ наравнѣ съ другими. Я видѣлъ его болѣющимъ лихорадкой выборовъ и борьбой партій. Я встрѣчалъ теперь въ нашемъ домѣ искусства и мысли низкихъ льстецовъ, завѣдомыхъ корыстолюбцевъ и невѣжественныхъ пролетаріевъ. Мнѣ приходилось быть гостемъ безстыдной Фавсты, свивавшей въ одинъ нераспутываемый клубокъ всѣ нити заговоровъ, клеветъ, подкуповъ и покушеній. И, что еще хуже того, мнѣ приходилось говорить съ моимъ другомъ о политикѣ, которую я считалъ преступнѣйшимъ изъ вымысловъ человѣка и видѣлъ всегда въ образѣ Фавсты — съ лицомъ мертвымъ и блѣдымъ, съ глазами египетской кошки, съ устами кровавыми, какъ цветокъ граната.

Мнѣ пришлось вскорѣ послѣ того узнать опасности бѣгства, горечь изгнанія и суровую правильность походной жизни. Послѣ ряда противорѣчивыхъ поступковъ, не удивлявшихъ впрочемъ ни его самого, ни меня, Анній Регилль бѣжалъ въ лагерь Помпея Магна. Я послѣдовалъ за нимъ и раздѣ-

лиль его участь. Въ качествѣ эллина, философа и хилага тѣломъ, я не надѣль доспѣховъ и не опоясался мечомъ. Единственнымъ оружіемъ моего нападенія и моей обороны оставалась попрежнему мысль. Подъ защитой ея я былъ спокойнѣе, чѣмъ всѣ эти тысячи воиновъ, прикрытыхъ щитами и латами. И ея стрѣлы — насколько же были онѣ гибче, острѣе и опереннѣе, чѣмъ всѣ тѣ тучи стрѣлъ, которыя затмили солнце въ день Фарсала.

Анній Регилль не былъ убитъ въ этотъ ужасный день. Я увидѣлъ его вновь и обнялъ покрытаго пылью и кровью. Затѣмъ мы бѣжали. На ночлегѣ въ маленькомъ горномъ городкѣ онъ приподнялся съ деревянной скамьи, служившей ему ложемъ, и сказалъ:—„Я могъ бы завтра же быть принятимъ съ почетомъ и лаской въ лагерь Юлія. Но мы побѣждены, Ксенократъ, а я не начиналь въ жизни ни одной игры, изъ которой не вышелъ бы побѣдителемъ“.—Мнѣ вспомнилась тогда древняя правда Леросской надписи, но я любилъ Аннія и зналъ, какой жгучей отравой для человѣческаго сердца является иногда чистѣйшая истина и какимъ цѣлителемъ — худшее безразсудство. Я ничего не отвѣтилъ ему и притворился спящимъ послѣ дней, полныхъ усталости.

Мы переправились въ Африку. Въ Киренаикѣ, погруженной въ сладостную лѣнъ, мы должны были зажечь пламя гражданской войны. Города, замкнувшись въ сказочно-тѣнистыхъ садахъ, принимали сторонниковъ Кнея Помпея безъ сопротивленія, но и не оказывали имъ помощи. Анній Регилль могъ снять здѣсь свои военные доспѣхи и позабыть о мечѣ. Среди обитателей Африки мы встрѣчали не-

мало философовъ и поэтовъ, познавшихъ единственныя и глубокія радости покоя и созерцанія. Мы проводили ночи въ бесѣдахъ съ ними на плоскихъ крышахъ роскошныхъ домовъ, подъ небомъ, пылавшимъ огнями крупныхъ и близкихъ звѣздъ. Женщины окружали насъ, подобныя стройнымъ и хрупкимъ амфорамъ, изваяннымъ рукой искуснѣйшаго художника, и Анній любилъ вдыхать дикій ароматъ ихъ кожи, золотистой, какъ смола горной сосны.

— „Не единственныя ли то побѣды, которыя суждено одержать Аннію Региллу?“—говориль онъ мнѣ съ безпощадной насмѣшливостью и добавляль:—„О чемъ спорить? Къ чему бороться? Я вижу ясно, что господство Юлія надъ міромъ предначертано въ вѣкахъ. Мы существуемъ лишь для того, чтобы увеличить собой въ исторіи длинный рядъ его тріумфовъ“.

Пока наши и безъ того слабыя силы таяли въ изнѣженной Киренаикѣ, иные легіоны стекались подъ знамя борьбы въ суровой Нумидіи и воинственной Испаніи. Наши единомышленники переселялись на западъ одинъ за другимъ. И одинъ за другимъ для всѣхъ гостепріимные города побережья принимали посланцевъ Цезаря. Встревоженный нашимъ одиночествомъ и молчаніемъ Аннія, я рѣшился склонить его къ дѣйствію. Я засталъ его съ гречанкой Каллироє, которая удалилась при моемъ появлениі, едва удостоивъ набросить ткань на сверкающее красотою тѣло. Бронзовая лампа тускло горѣла у потолка, освѣща блѣдное лицо моего друга, цыновки прохладнаго ложа, драгоценный столикъ изъ золота и слоновой кости и на немъ грубую деревянную чашу съ пальмовымъ

виномъ, въ какихъ пьють его негры-носильщики на рынкахъ Кирены и Птолемаиды.

— „Сядь, Ксенократъ“,—сказалъ онъ мнѣ.—„Я знаю, зачѣмъ ты пришелъ. Мой добрый и снисходительный учитель, я не поѣду никуда; я рѣшилъ не трогаться съ мѣста. Здѣсь только что я подводилъ итоги всему: деньгамъ, любви, жданіямъ, надеждамъ. Эти итоги неутѣшительны, о Ксенократъ! Все на исходѣ, и я первый разъ въ жизни испыталъ страхъ, боясь найти на исходѣ и мужество. Чтобы этого не случилось, я попрошу тебя о послѣдней услугѣ“...

Онъ еще долго говорилъ мнѣ въ тотъ вечеръ, взявъ меня за руку и гладя ее время отъ времени и расширенными глазами вглядываясь мнѣ въ лицо, какъ ребенокъ, разбуженный среди ночи дурными снами. Я вышелъ отъ него сильно взволнованный и, не считая своихъ шаговъ, прошелъ весь городъ къ морскому берегу. Дуль сильный горячій вѣтеръ, неся съ собой тонкій песокъ пустыни. Я сѣлъ на камень, прикрывъ плащомъ голову. Не находя въ смятенномъ разумѣ совѣтовъ испытанной мудрости, я безпомощно прислушивался къ таинственнымъ многоглаголаніямъ стихіи. Мнѣ вспомнились далекіе и тихіе дни дѣтства, и вдругъ, въ лунномъ свѣтѣ памяти, передъ моимъ душевнымъ взоромъ возникли слова Леросского монумента. Во имя высшей цѣнности этой жизни, съ которой судьба соединила мою жизнь, я долженъ былъ не допустить ее перейти за назначенный ей предѣль. Я, Ксенократъ съ Лероса долженъ былъ преодолѣніемъ себя исполнить заповѣдь Леросского Змѣя, и я исполнилъ ее.

Своей рукой я далъ моему другу ядъ въ той

грубой деревянной чашъ, которую капризъ присоединилъ къ изысканному убранству его дома. „Я хотѣлъ бы еще однажды увидѣть Римъ и наши сады на Яникулѣ“, — сказалъ онъ въ минуту послѣдняго колебанія. Вслѣдъ затѣмъ онъ покорно принялъ напитокъ. Холодный потъ боли мелкими капельками выступилъ на его лицъ, и его глаза закрылись.

— „Съ улыбкой на устахъ, Ксенократъ... съ улыбкой на устахъ...“ прошепталъ онъ едва слышно. Но этой улыбки не было на бѣдномъ скорбномъ лицѣ, къ которому я припалъ въ прощальномъ поцѣлуѣ.

Мы похоронили Аннія Регилла тайно, въ ночное время, при свѣтѣ факеловъ. И тайно покинулъ я городъ на зарѣ слѣдующаго дня, когда съ другого конца въ него входила конница враговъ. Безвѣстный и одинокій, среди распрай гражданской войны, я безъ помѣхъ достигнулъ Родоса. Ученикамъ, становящимся учителями другихъ, я преподаю здѣсь мудрость, въ которую умѣю теперь не всегда вѣрить. Мои волосы рано посѣдѣли, и слабое здоровье позволяетъ мнѣ рѣдко удаляться за предѣлы маленькаго сада, гдѣ цвѣтутъ всѣ сорта розъ, известные на Родосѣ.

Но иногда попутный вѣтеръ уносить меня въ сторону отеческаго Лероса. Я оставляю маленький городокъ, дремлющий у бѣлой полосы прибоя, и поднимаюсь на вершину острова. Я снова вижу стелу, гдѣ змѣй извивается тремя кольцами, и читаю надпись древняго философа. Ея мудрость оставляетъ меня холоднымъ, но сердце мое жжетъ раскаленный уголь воспоминаній. Я ложусь подлѣ надгробнаго камня и закрываю глаза. Отнынѣ

тайный языкъ стихій мнѣ понятенъ. Я различаю предсмертныя слова Аннія Регилла въ скрипѣ сосны, и въ пѣніи вѣтра мнѣ слышатся флейты мелодіи, неисполненной надъ его поспѣшной могилой. Когда склоняется къ закату солнце, я спускаюсь внизъ сквозь оливковыя рощи, наполненные мѣднымъ отблескомъ, и читаю молитву страданію.

МОРТО ДА ФЕЛЬТРЕ.

Приготовленія Италіи къ возможнымъ превратностямъ военного счастья, повлекшія за собой тысячи изобрѣтательныхъ мѣръ предохраненія, о которыхъ разсказываетъ въ своей интересной книгѣ Уго Ойетти, уже успѣли привести къ нѣсколькимъ художественнымъ открытиямъ. Сотни старыхъ и темныхъ, но все еще сіяющихъ золотомъ и славой Возрожденія полотенъ покинули мѣста, на которыхъ столько вѣковъ привыкъ ихъ искать взглядъ разнообразныхъ пилигримовъ Венеції. Плафоны Веронеза, спустившіеся съ потолковъ Палаццо Дукале, впервые сдѣлались доступными для близкаго и внимательного изслѣдованія. Впервые при полномъ дневномъ освѣщеніи стало возможно видѣть „Святую Варвару“ Пальмы или „Распятіе“ Тинторетто, не дожидаясь больше тѣхъ рѣдкихъ часовъ, когда сторожъ, отодвигая занавѣску, могъ пропустить скучный свѣтъ въ окно Санта Марія Формоза или Санъ Кассіано.

„Сборъ Манны“ Тинторетто, гдѣ сквозь его обычные бури прорвались пятна такой чистѣйшей си-

невы, также сошелъ со своей стѣны въ Санъ Джорджіо Маджоре, и это обстоятельство дало случай совершить счастливую и неожиданную находку. За огромной картиной и примыкавшей къ ней снизу деревянной панелью оказалась наглухо забитая дверь, ведущая въ небольшое темное помѣщеніе. Среди беспорядочно нагроможденныхъ, покрытыхъ пылью скамей „хора“ здѣсь были обнаружены четыре картины безъ рамъ, прислоненные лицомъ къ стѣнѣ, изъ которыхъ одна, писанная на доскѣ, по своей удлиненной формѣ несомнѣнно относилась къ типу „кассонэ“.

Съ первого же взгляда было ясно, что найденные картины принадлежать къ циклу искусства Джорджоне. Было вполнѣ очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, если и не съ самимъ мастеромъ, то съ какимъ-то очень значительнымъ giorgionesco. Дальше мнѣнія раздѣлились, и открылась область художественныхъ споровъ. Не безъ возраженій было встрѣчено въ началѣ, получившее впрочемъ теперь всеобщее признаніе, объясненіе того, какимъ образомъ могли эти картины попасть въ темный чуланъ между „хоромъ“ и ризницей Санъ Джорджіо Маджоре. Внѣ всякихъ сомнѣній онъ составляли часть художественныхъ коллекцій одного изъ первыхъ настоителей великоколѣпнаго храма на островѣ, отца Бьянджіо Нава, о страсти кото-раго къ собиранию древностей и искусствъ сохра-нились воспоминанія въ описаніяхъ венеціанскихъ достопримѣчательностей XVII вѣка. Повидимому почтенный каноникъ, несмотря на всю свою любовь къ живописи, не находилъ возможнымъ держать столь странныя во многихъ отношеніяхъ ве-щи ни въ своемъ широко открытомъ для dilettanti

домъ, ни, тѣмъ болѣе, въ своей ризницѣ, и въ то же время не имѣлъ мужества съ ними разстаться.

Что же касается вопроса объ авторствѣ, то всѣ споры умолкли, когда молодому итальянскому ученому, Энціо Бонги удалось доказать неопровергимо, что картины, скрывавшіяся въ Санъ Джорджіо Маджоре написалъ тотъ таинственный Мортада Фельтре, о которомъ до сихъ поръ мы почти ничего не знали и который сыгралъ такую роковую роль въ преждевременной смерти Джорджоне. Сопоставляя терпѣливыя разысканія г. Энціо Бонги съ данными анонимной Тревизской хроники и съ рассказомъ одного забытаго венецианскаго новеллиста, мы попытаемся возстановить здѣсь весь этотъ романтическій эпизодъ Чинквеченто.

„Въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ Далматіи“, разсказываетъ новеллистъ, „скончалась внезапно девушка рѣдкой красоты, дочь именитаго и известнаго купца. И такъ велико было сожалѣніе о ней въ томъ городѣ, что не только отецъ и мать, братья и сестры, но и всѣ жители, мужчины и женщины, старые и молодые, горько плакали тогда, когда видѣли ее въ гробу, одѣтую въ дорогое платье изъ парчи и разубранную прекраснѣйшимъ жемчугомъ, и тогда, когда сопровождали ее на кладбище. Одинъ же изъ самыхъ смѣлыхъ и пылкихъ молодыхъ людей того города, по имени Лоренцо, сказалъ, что отъ огорченія онъ не хочетъ больше оставаться въ числѣ живыхъ и готовъ

заживо лечь въ гробъ по сосѣству съ умершой дѣвушкой, чтобы вырвать ее изъ рукъ смерти, когда та за ней явится. И такъ какъ онъ сказалъ это въ кругу друзей, послѣ веселаго ужина, то они рѣшили подщутить надъ нимъ, достали для него гробъ, положили его туда и съ превеликимъ плачомъ и пѣніемъ, при свѣтѣ многихъ факеловъ, отнесли его на кладбище съ тѣмъ, чтобы положить рядомъ со склепомъ умершей, а при крикѣ утреннихъ пѣтуховъ возвратиться за нимъ и послушать его разсказъ, какъ онъ боролся со смертью. Но случилось такъ, что послѣ того какъ молодые люди провели ночь за виномъ и пріятной бесѣдой и передъ восходомъ солнца отправились на кладбище, они застали тамъ разбойниковъ, которые взломали дверь склепа, подняли крышку гроба и снимали съ умершей жемчугъ и золото. И тогда, испугавшись, они подняли шумъ и прогнали злодѣевъ, но боясь сознаться въ продѣлкѣ, объяснили прибывшимъ властямъ свое присутствіе ночью на кладбищѣ тѣмъ, что дѣйствительно пришли хоронить своего внезапно скончавшагося отъ любви и отъ жалости друга, и при этомъ наткнулись на воровъ. Услышавъ о томъ отецъ дѣвушки началь снова вздыхать и плакать и повелѣлъ немедленно перенести въ свой склепъ гробъ несчастнаго молодого человѣка, какимъ онъ считалъ Лоренцо.

Тотъ же, тѣмъ временемъ, пребывалъ въ самомъ глубокомъ и самомъ удивительномъ снѣ послѣ обильныхъ возліяній вина, которымъ предавался онъ вмѣстѣ съ друзьями, чтобы набраться духу передъ своимъ безразсуднымъ предпріятіемъ. Пробудившись черезъ нѣсколько часовъ, онъ откинуль крышку гроба и увидѣлъ себя запертымъ на за-

мокъ въ склепъ и рядомъ саркофагъ прекрасной дѣвушки, и отъ сильного испуга сдѣлался сѣдымъ въ одно мгновеніе. И сколько ни стучаль онъ, ни кричаль и ни царапаль стѣны и двери, никто не услышалъ его и не пришелъ къ нему на помощь. Лишь на третій вечеръ явились снова грабители и съ помощью ломовъ приступили къ своей работе, стараясь добраться до золота и жемчуга умершей. Но когда открылась дверь, вмѣсто богатого саркофага увидѣли они человѣка въ изорванныхъ одеждахъ съ окровавленными руками, который кинулся ихъ обнимать; они же, думая, что то сама смерть, разбѣжались въ величайшемъ ужасѣ и смятѣніи.

Послѣ чего Лоренцо направился въ городъ и постучался въ дверь своего дома, но мать, выглянувшая на стукъ въ окошко, увидѣвъ его, сдѣлалась отъ страха глухая и нѣмая. И куда онъ ни стучался въ ту ночь, нигдѣ не хотѣли впустить его, и даже тѣ самые друзья, которые пили съ нимъ вино и несли его на кладбище, считали его теперь мертвецомъ, вырвавшимся изъ могилы. На крики его собралось много народа, и одни говорили, что надо его окропить святой водой, другие — побить камнями, треты — отнести снова на кладбище и тамъ силой положить въ могилу. И такъ навѣрное поступили бы съ нимъ, если бы на шумъ не явилось нѣсколько копейщиковъ изъ роты, проходившей тогда черезъ городъ на службу къ одному знаменитому капитану. Смѣясь, они заявили, что видѣли столько мертвецовъ на поляхъ сражений, что вовсе перестали бояться ихъ и предложили Лоренцо идти съ ними, на что, выбирая изъ худого лучшее, онъ далъ согласіе. И такъ, противъ

своей воли и желанія, удалился изъ родного города и, будучи еще живымъ, сталъ для всѣхъ какъ бы мертвымъ“.

Нѣчто подобное, какъ мы знаемъ теперь, произошло въ 1498 году, только отнюдь не въ Далмациі, а въ тихомъ горномъ Фельтре, и героемъ этого трагикомического происшествія былъ молодой живописецъ, Лоренцо Луццо. Оно вполнѣ объясняетъ его странное прозвище — „Мортон да Фельтре“. Въ анонимной Тревизской хроникѣ подъ тѣмъ же годомъ читаемъ:

„Вмѣстѣ съ нѣмецкими копейщиками, шедшими въ войско Яснѣйшей, прибыль въ Ивановъ день и остался у мастера Якопо живописецъ Лоренцо, называемый также Мортон да Фельтре, человѣкъ наиболѣе беспорядочнаго нрава (чото il piu disordinato), какой только можно себѣ представить. Велъ дурную жизнь и вступалъ въ ссоры въ теченіе цѣлаго лѣта, и уговорившись съ мессеромъ Пьетро Солиго расписать фресками фасадъ его дома близъ Санъ Никколо, написалъ тамъ такія вольныя и языческія картины, что мессеръ Пьетро долженъ былъ много дней удалять ихъ прочь, при смѣхѣ всего города и большой уплатѣ работницамъ“.

Мы никогда не узнаемъ къ сожалѣнію, что именно написалъ Мортон да Фельтре на стѣнѣ дома Солиго въ Тревизо. На послѣдующій, венецианскій періодъ его дѣятельности проливаются свѣтъ картины найденные въ Санъ Джорджіо Маджоре. Одна

изъ нихъ—„кассонэ“, написанная для какой-нибудь дружеской свадьбы—показываетъ во всякомъ случаѣ, что удивительное приключение его юности не было имъ забыто. На длинной доскѣ мы видимъ рядъ сценъ, теперь вполнѣ понятныхъ намъ: молодую девушку въ золотомъ платьѣ, покоящуюся въ открытомъ саркофагѣ подъ мраморнымъ навѣсомъ причудливой формы на тонкихъ колонкахъ, приближающихся къ ней людей съ длинными бородами, въ чалмахъ и восточныхъ одеждахъ, какъ заблагоразсудилось Лоренцо изобразить своихъ разбойниковъ, а по другую сторону—юношей съ тѣсно обтянутыми ногами, несущихъ на плечахъ закрытый гробъ, и еще дальше группу ландскнехтовъ съ копьями, среди которыхъ шествуетъ нѣкто въ образѣ скелета. Все это, на фонѣ пейзажа сърыхъ скалъ съ безлистовыми деревьями, за которыми виднѣются голубые горы, усыпанные далекими замками.

Въ манерѣ живописца мы узнаемъ здѣсь рядъ общихъ чертъ съ также достаточно туманнымъ пока Якопо ди Барбари; нервная бѣглость и нетвердость отдельныхъ фигуръ заставляетъ вспомнить о рисункахъ Якопо Беллини. Другія двѣ картины Морто да Фельтрѣ свидѣтельствуютъ о близости, существовавшей одно время между нимъ и Джованни Беллини, — Беллини послѣднихъ лѣтъ, эпохи венецианскихъ аллегорій и знаменитой флорентійской картины. Не разъ приходило въ голову многимъ изслѣдователямъ, что эта послѣдняя и интереснѣйшая струя въ творчествѣ великаго мастера не нашла себѣ выхода и продолженія въ работахъ его многочисленныхъ учениковъ. Джорджо-не оказался для того слишкомъ усердно припав-

шимъ къ клокочущему ключу жизни, Катена—слишкомъ робкимъ и безхитростнымъ. Понадобилась нѣсколько мрачная дерзость „Морт“^о, и его чисто сѣверная безудержность, чтобы такъ тревожно воспріять зеркальность этихъ раздумій Беллини и нарушить глубокій покой этихъ сновъ наяву.

Аллегорію Уффицій напоминаетъ своимъ колоритомъ, пейзажемъ и нѣкоторыми частностями маленькая картина Морт да Фельтре, смыслъ которой пока еще не вполнѣ ясенъ. Мы видимъ здѣсь молодую, обнаженную женщину, крѣпко привязанную веревками къ каменному столбу, на верхушкѣ котораго сидить воронъ. Ея глаза завязаны, ея лицо искалено гримасой боли и страха, оттого что зловѣщая птица уже опускаеть къ нему свой клювъ и еще оттого, что два стрѣлка въ пестрыхъ одеждахъ и варварскихъ мѣховыхъ шапкахъ натягиваютъ луки, готовые пустить въ нее стрѣлы. Справа вѣется дорога, на которой, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоитъ кентавръ съ пѣгимъ крупомъ, полуобратившій свой коричневый торсъ и темное бородатое лицо въ сторону происходящаго, взирая на дѣйствія стрѣлковъ изъ лука, повидимому, съ удовлетвореніемъ. Слѣва полоса тихихъ водъ отражаетъ небо и бѣлые дома на противоположномъ берегу, гдѣ поднимаются конусообразныя горы.

Композиція здѣсь, какъ мы видѣли, напоминаетъ обычную композицію мученичества Святого Себастіана, но врядъ ли мы узнаемъ когда-нибудь въ точности, за что терпить мученичество эта свѣтловолосая плѣнница „Морт“, едва прикрытая концомъ падающихъ съ ея плечь вишневыхъ и серебристо-синихъ одеждъ. Понятнѣе и очевиднѣе намѣренія художника въ другой аллегоріи, вѣро-

ятно не мало смущавшей въ свое время почтенаго настоятеля Санъ Джорджіо Маджоре. За парапетомъ, тянущимся по нижнему обрѣзу картины, видна до пояса фигура величественнаго старца въ темно-красной шубѣ съ мѣховымъ воротникомъ. Важное лицо его, обращенное къ зрителю, окаймлено сѣдой бородой; взоръ полонъ раздумія, на предметъ котораго указываютъ циркули, линейки, круги, стеклянная сфера и фоліанты, съ надписью на корешкахъ „Геометрія“, „Философія“, „Теология“—находящіеся передъ нимъ на парапетѣ, а также рядъ книгъ на полкахъ за его спиной, гдѣ видимъ мы еще высокій рабочій столъ съ манускриптами и свитками, усыпанными треугольниками и пентаграммами, съ чернильницей, откуда торчитъ гусиное перо. И мы были бы готовы преисполниться уваженіемъ и симпатіей къ этому эрудиту Возрожденія, если бы Мортон да Фельтрѣ не украсилъ его внушительной головы длинными ослиными ушами и если бы маленькая обезьяна, сидящая на стеклянной сфере, не обращала бы наше вниманіе на это обстоятельство указующимъ жестомъ своей тоненькой волосатой руки.

Послѣ описанныхъ двухъ аллегорій, если только онъ серьезно заслуживаются такого наименованія, мы немного лучше знаемъ нашего Мортон да Фельтрѣ. Мы немного болѣе подготовлены теперь увидѣть его въ роли ни передъ чѣмъ не остановившагося похитителя любовныхъ радостей Джорджоне и, тѣмъ самымъ, виновника его смерти. Былъ ли „Мортон“ ученикомъ Джорджоне? Хотя онъ и былъ на нѣсколько лѣтъ старше венеціанскаго мастера, мы должны отвѣтить на этотъ вопросъ

утвердительно при видѣ четвертой изъ найденныхъ картинъ. Морто да Фельтрѣ написалъ ее, находясь въ тѣсномъ соприкосновеніи съ искусствомъ Джорджоне незадолго до его смерти. Мало того, послѣдняя и замѣчательнѣйшая изъ недавнихъ находокъ имѣеть прямое отношеніе къ этой трагической смерти или вѣрнѣе къ тому вторженію Морто да Фельтрѣ въ судьбу его великаго учителя, которое непосредственно предшествовало ей.

Въ изображеніи молодого богато одѣтаго венецианца съ мягкимъ контуромъ лица, оттѣненного небольшой кругловатой бородой, съ женственной влажностью взгляда, съ тонкимъ вѣнкомъ изъ блѣдныхъ листьевъ плюща на волосахъ и съ лютней въ правой руцѣ, мы узнаемъ здѣсь того, кто по словамъ Вазари „*dilettosi continualmente delle cose d'Amore*“. Лѣвая рука этой поколѣнной фигуры вольнымъ движеніемъ охватываетъ бедра и спускается ниже талии помѣщенной рядомъ женской фигуры — фигуры венецианской красавицы Чинквеченто: широкоплечей, золотоволосой, одѣтой въ зеленовато-желтый атласъ, стянутый на груди крупной камеей съ изображеніемъ Актеона разрываемаго псами Охотницы. Лицо ея мы видимъ лишь въ профиль, потому что оно обращено не къ возлюбленному съ лютней, но влево и отчасти назадъ, туда, гдѣ за ея спиной, въ оливково-рыжей мглѣ фона вырисовывается фигура скелета, уже положившаго три костяныхъ пальца на полное обнаженное плечо женщины. У края картины фонъ прерывается четыреугольнымъ окномъ, въ которое виденъ венецианскій пейзажъ, написанный съ тѣмъ любопытствомъ, какое необыкновенный городъ и его обычай могли внушить только

чужестранцу. Мы видимъ каналъ, обставленный розовыми и перламутровыми дворцами въ стилѣ Ломбарди, кусочекъ блѣдно-зеленаго шелка неба вверху, а на каналѣ гондолу съ краснымъ гробомъ на ней и серпообразно изогнутыми фигурками двухъ гондольеровъ.

Можно различно истолковывать знаменитую отнынѣ картину, которой суждено сдѣлаться повидимому одной изъ главныхъ приманокъ Академіи, когда пронесутся грозы войны. Нельзя отрицать только, что мы видимъ здѣсь подлинные портреты Джорджоне и его послѣдней возлюбленной. Историки считаютъ доказаннымъ, что великий мастеръ скончался въ 1510 году отъ чумы. Легенда говоритъ, что причиной смерти было огорченіе отъ любви, вѣроломно похищенной у него Мортой да Фельтре. Найденная картина можетъ какъ будто примирить обѣ эти версіи. Не была ли возлюбленная Джорджоне похищена у него смертью, и не видимъ ли мы сквозь окно на каналѣ ея красный гробъ, за которымъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать другой?

Но какова была во всемъ этомъ роль Морты да Фельтре, кто былъ онъ и куда дѣлся онъ послѣ смерти Джорджоне? Венецианская трагедія, на которую лишь намекаютъ приведенные здѣсь скучные отрывки дѣйствительности, вдохновить вѣроятно немало воображеній, способныхъ выткать на грубой исторической канвѣ искусственные узоры повѣсти или драмы. Оставаясь въ предѣлахъ этой канвы, мы должны сказать, что не знаемъ решительно ничего точнаго о дальнѣйшей судьбѣ Морты да Фельтре. Въ бѣдствіяхъ чумы 1510 года онъ пропадаетъ изъ глазъ, чтобы появиться на мигъ

въ Римъ, первымъ искателемъ „гротесковъ“ среди мрака и холода античныхъ подземелій, и чтобы мирно окончить потомъ свои дни въ какомъ-нибудь городкѣ Венето или вовсе исчезнуть изъ числа живыхъ, мелькнувъ передъ нашимъ взоромъ, какъ нѣкій фантомъ Возрожденія.

КОНКВИСТАДОРЫ.

Стоя на плоскомъ пустынномъ берегу, Антолинесъ глядѣлъ въ море, гдѣ удалялись, пользуясь вѣтромъ, два небольшихъ корабля, высадившіе конкистадоровъ. Клубокъ бѣлаго дыма повисъ на мгновеніе у борта „Санть-Фелипе“; долетѣлъ слабый гулъ прощальной пушки. Антолинесъ перекрестился и поцѣловалъ висѣвшую у него на шее медаль Иммаколаты. Всльдѣ затѣмъ его пальцы потрогали спрятанный за пазухой слитокъ блѣднаго сѣвернаго золота.

Предпріятіе насчитывало трехъ конныхъ, монаха верхомъ на мулѣ, одиннадцать пѣшихъ солдатъ, караванъ туземцевъ, замѣнявшихъ выочныхъ животныхъ, и плѣннаго индѣйца, который на смутномъ своемъ языкѣ впервые разсказалъ о величественной сѣверной рѣкѣ, катившей волны мимо обширныхъ городовъ, богатыхъ блѣднымъ золотомъ. Отличавшійся отъ другихъ высокимъ ростомъ и мѣдной окраской кожи, онъ шелъ среди носильщиковъ, согбенныхъ подъ тяжестью ноши, легко влача короткую цѣпь связывавшую ему ноги. Онъ откликался на имя Норте, которое ему дали солдаты. Нѣчто въ родѣ улыбки мелькнуло у него на лицѣ, и ноздри его приплюснутаго носа расширились, когда онъ окинулъ взоромъ горизонтъ, за-

мкнутый голубыми и кристаллическими пиками дальнихъ горъ.

Послѣ недолгихъ сборовъ на морскомъ берегу Антолинесь подаль знакъ къ путешествію вглубь страны, въ поискахъ Rio Гранде дель Норте. На крупной каталонской лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ отъ морского переѣзда, онъ вѣхалъ впереди, погруженный въ размышенія. Онъ былъ суровъ и неразговорчивъ. Никто никогда не слышалъ отъ него подробностей Noche Triste, пережитой имъ вмѣстѣ съ великимъ Кортесомъ. Его племянникъ Хуанито, покинувшій ученую скуку Саламанки ради опасностей Индіи, прислушивался къ розсказнямъ словоохотливаго авантюриста Луиса Варехо, три раза искавшаго Эльдорадо въ пустыняхъ внутренняго Перу. Позади ихъ слышалось фырканье мула и сопѣніе Фра Диэго, впавшаго въ дремоту подъ быстро всходившимъ къ зениту солнцемъ.

Переходъ былъ тяжелъ и длиненъ. Ночью всѣ спали мертвымъ сномъ, кромѣ начальника, снѣдаемаго скрытыми сомнѣніями, да караульного солдата, запѣвавшаго кастильскую пѣсню, сливавшуюся съ рокотомъ близкаго океана. На утро молодой Хуанито убилъ нѣсколько крупныхъ, неповоротливыхъ птицъ; ихъ мясо оказалось жесткимъ и невкуснымъ. Солдаты, собравшіеся вокругъ котла, проклинали языческую страну и ея негодную дичь. На третій день два заболѣвшихъ носильщика свалились и были предоставлены своей участіи. Тусклые глаза ихъ посмотрѣли равнодушно вслѣдъ уходящимъ. Зной сдѣлался нестерпимымъ; Антолинесь съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ наблюдалъ самолично за боченками съ прѣсной водой. Къ вечеру впереди блеснула полоса озера.

До него не успѣли дойти прежде наступленія ночи, но предвкушеніе свѣжести и отдыха охватило иска-
телей. Слышались смѣхъ и шутки солдатъ: у костра Фра Діэго и Луисъ Вареко соперничали въ небы-
лицахъ; Антолинесъ сидѣлъ въ отдаленіи, и лицо его, освѣщенное пламенемъ, казалось менѣе сурово.

На зарѣ слѣдующаго дня тысячи голосовъ, гдѣ смѣшивались хоры радости, вопли страданія, дѣт-
скій плачъ и нечеловѣческій хохотъ, подняли на
ноги весь лагерь. Схвативъ изготовленное оружіе испанцы устремились къ озеру. За скрывавшимъ близкую часть его пригоркомъ ихъ взорамъ открылись мириады птицъ, населявшихъ мелкія воды, окрашенныя радугой тропической зари. Безсчетныя стаи ихъ не испугались приближенія человѣка; лишь морскія чайки поднялись въ воздухъ и стали описывать тревожные круги, испуская пронзительные крики. Кто-то выстрѣлилъ: кровь брызнула на бѣлые перья фламинго и изумрудные отливы индѣйскихъ гусей. Замелькали сабли, дубины, началось избіеніе; жертвы падали тысячами; опьянившіе отъ крови солдаты топтали ихъ ногами, душили пальцами.

Антолинесъ, нахмурившись, провелъ среди нихъ коня, который жадно тянулся къ водѣ, но, омочивъ въ ней губы, фыркнулъ и поднялъ голову. Конкви-
стадоръ наклонился, зачерпнулъ воду ладонью; она оказалась горька, солоновата и плохо утоляла жажду. Источники прѣсной воды смѣшивались здѣсь съ далеко вдававшейся въ сушу океанской лагуной. Антолинесъ приказалъ привести Норте. Долго обдумывая, онъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ черезъ переводчика. Индѣецъ стоялъ передъ нимъ, высоко поднявъ голову и позякивая

цѣпью. Отвѣты его были кратки и гортанны. Медленный гнѣвъ постепенно искажалъ лицо испанца. Онъ схватилъ наконецъ бичъ изъ воловьей жилы и осыпалъ бѣшенными ударами голову и грудь плѣнника. Носильщики, окружавшіе его, въ страхѣ попадали на колѣни и закрыли глаза руками. Норте стоялъ неподвижно, его тѣло вздрагивало; мѣдная кожа посѣрѣла, и струи крови ползли по ней, стекая въ песокъ. Въ припадкѣ ярости Антолинесъ схватился за пистолетъ. Фра Діэго тронулъ его за локоть, заставивъ одуматься и спрятать оружіе. Солнце едва успѣло взойти, но его лучи уже были губительны, и отложенія соли уже блистали повсюду по берегамъ мертвыхъ водъ.

Въ послѣдующіе дни искатели, измѣнивъ путь, направились къ горамъ. Незамѣтныя складки скрыли отъ нихъ видъ океана. Они углубились въ лабиринтъ котловинъ, дробившихъ пологія предгорья. Земли здѣсь были каменисты, покрыты скучной травой и колючими искривленными кустарниками; ложа потоковъ оказались сухи въ то время года. Глубокое безмолвіе царило надъ этой страной. Исчезли птицы; самое тонкое ухо не могло различить здѣсь осторожный скокъ дикой козы или далекій лай койота. Лишь большія ящерицы скользили безшумно по каменнымъ розсыпямъ. Индѣйцы ловили ихъ и пожирали съ жадностью.

Умерло еще трое носильщиковъ. Лошади Хуанито и Варехо пали, Антолинесъ вель за поводъ свою, заботливо минуя острые кристаллы, усѣивавшіе почву. Съ грустью вспоминаль онъ о побѣдахъ надъ полчищами враговъ, вооруженныхъ стрѣлами и копьями съ наконечниками изъ обсидіана. Судьбы сказочныхъ царствъ и несмѣтныхъ сокро-

вищъ рѣшались тогда въ одинъ день, и этого дня тщетно ждалъ онъ теперь со своими солдатами, роптавшими на трудности предпріятія, на тяжесть могущественного и безсильного оружія.

Кровавыя ссоры ежеминутно могли возникнуть изъ-за воды. Антолинесь и Варехо не спали но-чей, сторожа единственный боченокъ, довѣренный теперь спинѣ мула Фра Діэго. Безуміе охватило лагерь въ одно раскаленное утро, не развѣявшее ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтерка тяжкаго, какъ свинецъ, оцѣпенѣнія глубокой впадины. Старый испытанный солдатъ Лукасъ замахнулся ножомъ на Варехо. Авантурістъ разсѣкъ ему саблей голову, но другіе сбили его съ ногъ и овладѣли боченкомъ съ прѣсной водой. Позабывъ страхъ, туземцы требовали своей доли, и когда одинъ изъ нихъ получилъ въ отвѣтъ на это ударъ кинжаломъ, другіе набросились на него, ловя жадными губами кровь, хлынувшую изъ его раны.

Увѣрившись въ тщетности всякихъ усилій, Антолинесь сѣлъ на камень, опустилъ голову и закрылъ глаза. Судорожно искала его рука за пазухой слитокъ блѣднаго золота. Кто-то тронунъ его за плечо; онъ оглянулся и увидѣлъ Норте. Лицо индѣйца было безстрастно, и конквистадоръ не понималъ его рѣчи. Но среди странныхъ звуковъ ея онъ уловилъ настойчивыя повторенія, похожія на журчанье воды. Плѣнникъ тянулъ его и показывалъ куда-то въ сторону. Антолинесь вскочилъ на ноги съ крикомъ:— „вода, вода!“

Руководимые вѣрнымъ инстинктомъ Норте, они нашли въ тотъ день источникъ и разрыли его, иступивъ о камень свои ножи и окровавивъ пальцы. Холодныя, чистыя капли, сочившіяся сквозь пласти,

наполнили однихъ дѣтской радостью и вызвали у другихъ слезы. Фра Діэго, вставь на колѣни, молился, повѣривъ въ Бога въ первый разъ въ своей жизни. Варехо обнялся съ солдатомъ, котораго ранилъ. Антолинесъ приказалъ снять щѣпи съ ногъ плѣнника.

Спустя пять дней искатели подошли вплотную къ высокой, казавшейся отвѣсною, каменной грядѣ. Съ огромными трудностями взобрались они на нее по разсѣлинамъ, замѣтнымъ лишь зоркому глазу Норте. Послѣдняя лошадь была убита передъ этимъ и разрублена на куски; изъ кожи застрѣленного мула сдѣлали мѣхъ для воды. Странная увѣренность овладѣла солдатами теперь, когда плѣнникъ ихъ превратился въ водителя. Они взирали на него съ суевѣрной надеждой.

На вершинѣ гряды они нашли болѣе свѣжій и легкій воздухъ; ихъ сожженныхъ лицъ коснулся вѣтеръ. Но то, чего достигли они послѣ всѣхъ подвиговъ восхожденія, оказалось узкой террасой,— карнизомъ, надъ которымъ поднималась еще болѣе высокая, неприступная съ виду каменная стѣна. Испытанія этого второго подъема были еще болѣе ужасны. Двое солдатъ погибли во время него, довѣрившись плохо державшейся глыбѣ. Половина снабженія была брошена. Одинъ изъ носильщиковъ въ отчаяніи изнеможенія всплеснулъ надъ головой руками и самъ кинулся въ пропасть.

Обширное плоскогорье открылось имъ наверху. Всюду, куда хваталъ глазъ, вставали за нимъ осль-пительно сверкающіе снѣга невѣдомыхъ вершинъ. Позади небо сливалось съ миражемъ далекаго океана. Дуль сильный сѣверный вѣтеръ, несшій съ собой, казалось, иглы льда. Испанцы кутались въ свои одѣяла, туземцы-носильщики жалобно стонали

и дрожали всѣмъ тѣломъ. Уже на второмъ переходѣ молниеносное воспаленіе легкихъ поразило пришельцевъ. Индѣйцы юга умирали одинъ за другимъ. Въ числѣ ихъ заболѣлъ и умеръ тотъ единственный человѣкъ, который понималъ рѣчи испанцевъ и языкъ Норте. Болѣзнь унесла также половину солдатъ и молодого Хуанито. Антолинесъ долго не могъ разстаться съ его тѣломъ. Лицо конквистадора было обращено назадъ, въ сторону океана, мысли его катились медленно и тяжко, и когда настало время уходить, онъ отразились во вздохѣ: „слишкомъ поздно!“

Лишь семеро испанцевъ, Норте и трое случайно уцѣльвшихъ индѣйцевъ пережили страшные дни ледяного вѣтра на плоскогорье. Послѣ одного изъ самыхъ печальныхъ ночлеговъ Антолинесъ пробудился съ изумленіемъ, не слыша болѣе воя и гудѣнія сѣверной бури. Въ молчаніи золотило солнце все столь же далекіе кристаллы вѣчныхъ снѣговъ. Норте сѣль рядомъ съ нимъ и съ настойчивостью показывалъ ему на ухо, сперва на одно, потомъ на другое. Антолинесъ понялъ его и сталъ прислушиваться. Онъ ясно различилъ черезъ мгновеніе непрерывный и ровный, будто исходившій изъ-подъ земли, гулъ. Индѣецъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ если бы черпалъ воду. Сомнѣній не оставалось: великая сѣверная рѣка была близка.

Весь слѣдующій переходъ искатели готовились къ бою. Оружіе ихъ было mightственно и находилось въ полной исправности. Съ помощью этихъ пороховыхъ громовъ семеро рѣшительныхъ людей смѣло могли брать города, завоевывать царства и покорять народы. Ихъ лица преобразились. Съ великой радостью вступалъ Антолинесъ въ это

дѣственное пале военныхъ трудовъ, и Фра Діэго заранѣе благословлялъ кровь язычниковъ, которая должна была пролиться въ такомъ изобиліи и напоить дикую землю.

На двадцать второй день пути конквистадоры достигли краевъ глубочайшаго каньона, на днѣ которого бурлила и гремѣла рѣка, невидимая, но угадываемая по высоко вздымающимся вверхъ столбамъ водяной пыли. Въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ, на томъ же берегу, на которомъ они находились, громоздились красныя скалы причудливой формы, образуя свисающіе другъ надъ другомъ этажи, террасы, лѣстницы, подобія стѣнъ и столбовъ, контуры башень, обелисковъ и пирамидъ. Фантастические дворцы эти и храмы казались въ равной мѣрѣ игрой природы и дѣломъ человѣческихъ рукъ, но о присутствії человѣка ясно свидѣтельствовали без счетныхъ усѣивавшія ихъ отверстія оконъ и дверей. Городъ скаль, занимавшій огромное протяженіе, пропадалъ изъ глазъ за поворотомъ рѣки.

Пробираясь тропой, вившейся по краю ущелья, завоеватели приблизились къ входу, зіявшему какъ обширный проломъ въ скалѣ. Боясь засады, они вступили въ него съ крайней осторожностью. Ни здѣсь, ни выйдя вновь на солнечный свѣтъ, они не встрѣтили ни одного живого существа. Узкій искусственный карнизъ лѣпился теперь надъ пропастью вдоль отвесной каменной стѣны, мимо чернѣющихъ входовъ въ пещеры, обходя выступы, взбираясь на кубической глыбы, взбѣгая на скалы, торчащія какъ башни.

Передъ ближайшимъ входомъ въ пещеру испанцы остановились въ нерѣшительности, взведя курки и обнаживъ сабли. Норте отдѣлился отъ нихъ и

всталъ на порогъ свѣта и тѣни. Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе онъ исчезъ во тьмѣ. Его спутники стояли и ждали въ неясной тревогѣ. Свалившійся сверху камень заставилъ ихъ поднять головы. Они увидѣли индѣйца, пробиравшагося по незамѣтному имъ выступу, вдоль верхняго ряда отверстій. Въ одномъ изъ нихъ онъ скоро исчезъ и черезъ нѣкоторое время вновь появился, еще выше, скользя легкимъ очеркомъ вдоль красноватыхъ скалъ, сливавшихся съ цвѣтомъ его кожи. Слабый крикъ его долетѣлъ внизъ, прозвучавъ какъ вызовъ. Въ отвѣтъ на него раздались вопли ярости, загремѣли выстрѣлы, нарушившіе очарованіе великой тишины, отдавшіеся въ скалахъ тысячекратнымъ эхомъ. И когда разсѣялся пороховой дымъ, смолкло эхо,— индѣецъ пропалъ изъ виду, и ни съ чѣмъ не сравнимое молчаніе воцарилось вновь въ городѣ скаль, ибо то былъ городъ мертвыхъ.

Весь день беспорядочно и алчно врывались пришельцы въ пещеры исполнинскаго Некрополиса. Во мракѣ подземелій ворошили они кости умершихъ, развѣивали въ прахъ истлѣвшія ткани, разбивали священные глиняные сосуды. То блѣдное сѣверное золото, котораго они такъ долго жаждали, они нашли здѣсь въ изобиліи. Ихъ руки угадывали въ темнотѣ его холодное прикосновеніе на изсохшемъ запястьѣ былой красавицы, на гладкомъ черепѣ былого жреца. Въ одной богато украшенной гробницѣ они узнали его въ плиткахъ, покрывавшихъ полъ. Упавъ ничкомъ, два солдата пытались разъединить ихъ ударами кинжаловъ, нанося другъ другу въ темнотѣ раны. Позабывъ о цѣли ударовъ, они сѣѣпились въ смертельной схваткѣ, истекая кровью на золотомъ полу. Послѣ ужасныхъ лише-

ній путешествія, при видѣ всѣхъ этихъ сокровищъ, не оспариваемыхъ ни однимъ живымъ человѣкомъ, конквистадоры впали въ безуміе. Разсудокъ ихъ помутился, они забыли объ осторожности. Оружіе, сѣстные припасы, вода—все было брошено и потеряно среди пещеръ. Фра Діэго, нагруженный такимъ количествомъ золота, котораго не могъ бы поднять его мулъ, свалился съ одного изъ верхнихъ карнизовъ и сломалъ себѣ шею. Луисъ Вареко исчезъ безслѣдно во тьмѣ переходовъ и лѣстницъ.

Когда заходило солнце двадцать второго дня, Антолинесъ вышелъ на выступъ скалы, подобной башнѣ. Онъ оглядѣлся кругомъ и громко позвалъ нѣсколько разъ. Ущелье быстро погружалось въ тѣнь, рѣка внизу ревѣла яростнѣе. Антолинесъ взялъ пистолетъ и два раза выстрѣлилъ. Переходавъ эхо, онъ прислушался. Никто не отвѣтилъ ему. Ночь быстро надвигалась. Вынувъ изъ-за пазухи кусокъ блѣднаго золота, конквистадоръ кинулъ его въ пропасть, затѣмъ сѣлъ и прислонился къ скалѣ. Въ немъ такъ же мало осталось жизни, какъ въ томъ камнѣ города мертвыхъ, съ которымъ слила его наступившая темнота.

ПОЭТЬ ВЪ ИЗГНАНИИ.

Свою трагедію — „Поэтъ въ изгнаніи“ (ей не нашлось пока еще мѣста ни въ одномъ изъ самыхъ полныхъ и тщательныхъ изданий современниковъ Шекспира) — Джонъ Эйли сочинялъ въ свѣжихъ лугахъ Темзы, въ молодыхъ итальянскихъ садахъ Орстона, въ дымныхъ тавернахъ грязной столицы и въ кулисахъ ея наскоро сколоченныхъ, дощатыхъ театровъ. Въ одномъ изъ нихъ, подъ знакомъ „Лебедя“, былъ онъ актеромъ, дѣля участъ пестрой, полуоголодной и шумливой труппы, съ тѣхъ поръ какъ прогналъ его изъ дома отецъ, второй садовникъ лорда Орстона. Лишь украдкой появлялся онъ въ тотъ часъ, когда наступалъ отдыхъ въ садахъ и вечерняя звѣзда восходила на западѣ, у зеленої калитки родного дома. Мать выносила ему серебряную монету, поблескивавшую въ свѣтѣ звѣзды, и онъ, обнявъ старуху, углублялся въ только что проложенные аллеи круто подстриженныхъ буксусовъ, спотыкаясь о трубы безмолствовавшихъ еще фонтановъ.

Въ одну лунную ночь, проходя по окутаннымъ рѣчнымъ туманомъ садамъ Орстона, онъ замѣтилъ новую статую, привезенную днемъ и прислоненную къ ожидающему ее цоколю. Луна рѣзко чер-

тила мраморныя складки ея тоги, натянутой движеньемъ согнутой въ локть лѣвой руки. Высокій лобъ бѣлѣль чистотой и прохладой надъ черными впадинами глазъ; грустная усмѣшка изгибала тонкія линіи рта. Жестомъ широко открытой правой руки, исполненнымъ паѳоса, ироніи и безпомощности, статуя указывала на лежащія у ея ногъ разбитую лиру и огромную шляпу пустынника. Джонъ Эйли наклонился и прочиталъ на цоколѣ: Овидій.

Въ тавернѣ Бэна Джонсона онъ узналъ объ Овидіи больше, чѣмъ если бы прочелъ всѣ томы и всѣ манускрипты, собранные лордомъ Орстономъ въ своей библіотекѣ. Изъ-за тяжелаго дубоваго стола и оловянной кружки съ элемъ авторъ „Вольпоне“ гремѣлъ ему въ продолженіи часа о превратностяхъ судьбы поэта, мѣшая латинскія цитаты, ученые комментаріи, чудовищныя проклятія и непристойныя выдумки. Съ кружашеюся отъ мыслей и напитковъ головой, шатаясь, открылъ Джонъ Эйли дверь таверны и въ полосѣ свѣта, брошенной ею, увидѣлъ кружевницу Джесси Берчъ, увлекаемую въ сосѣдній притонъ двумя неизвѣстными.—„Эй! Кошелекъ для всякой монеты!“—крикнула онъ ей хриплымъ голосомъ и два разаступилъ въ грязь и тьму. Смѣхъ женщины и ворчанье мужчинъ было ему отвѣтомъ; дверь громко хлопнула и закрылась за ними. Онъ провелъ дрожащей рукой по лбу и побѣжалъ въ свой театръ, а оттуда въ каморку, служившую ему жилищемъ, гдѣ долго горѣла свѣча въ ту ночь нераздѣленной любви, столь благопріятной для поэтическаго творчества.

И все-таки Джесси Берчъ съ косыми зелеными глазами и стройнымъ тѣломъ рѣчной нимфы была

первымъ судьей его трагедіи, когда миновала весна, и тѣсно обнявшіяся пары горожанъ и горожанокъ всякаго состоянія праздновали Духовъ день въ зеленыхъ лугахъ Темзы. Здѣсь, въ серебристыхъ кустахъ ивняка, онъ долго и безмолвно сжималъ ея плечи и грудь, цѣлуя лукавый ротъ и опущенные глаза. Послѣ чего, оставивъ подругу лежать на пескѣ и глядѣть въ проплывающія облака, досталь изъ-за пазухи рукопись.

Поэтъ въ изгнаніи, глухонѣмая Филлида, дочь суроваго Геронта, короля сарматовъ, волшебница Медора—ея мачеха, Алкестъ—ея женихъ, блестательный и несчастный герцогъ Тавриды и его острый на языкъ шутъ Бритва, придворные, поселяне и дріады длинной чередой возникали изъ небытія передъ загадочной полуулыбкой кружевницы и равнодушнымъ ея слухомъ. Пожиравемый авторскимъ волненіемъ, ея возлюбленный читаль сцену за сценой: гореваль неутѣшный Геронть, глядя по волосамъ колѣнопреклоненную Филлиду; кипѣла злобой на дерзкаго шута коварная Медора, лишившая падчерицу человѣческой рѣчи; перекликались лѣсныя дріады о недобрѣхъ дѣлахъ въ королевствѣ, и слова ихъ были понятны вѣщему слуху Овидія, бесѣдовавшаго въ тишинѣ съ прибрежными камнями и волнами Понта. Джонъ Эйли вскочилъ на ноги, собираясь приступить къ патетической встрѣчѣ Овидія съ благороднымъ Алкестомъ, молившимъ вернуть слухъ и голосъ невѣстѣ того, кому внимали и отвѣтствовали сами камни. Минуя выученные наизусть строфы рукописи, его взглядъ упалъ на лицо Джесси, и чтеніе прервалось на полусловѣ, ибо живая и призывающая улыбка сверкала теперь со всей откровен-

ностью на этомъ лицѣ; широко открытые глаза смыялись весело въ сторону рѣки. Джонъ взглянуль туда и увидѣль въ недалекомъ разстояніи человѣка среднихъ лѣтъ съ остроконечной бородкой и длинными усами, въ изящномъ черномъ нарядѣ съ кружевнымъ воротникомъ. Облокотясь о дерево и поворотивъ къ нимъ голову, незнакомецъ, казалось, былъ радъ доставить себѣ двойное удовольствіе—при помощи зрѣнія и при помощи слуха, мало заботясь о томъ, что для другой стороны оно не было вполнѣ обояднымъ.

Онъ сняль, впрочемъ, шляпу и назвалъ себя съ такой вѣжливостью, которая не позволила Джону разсердиться. Втроемъ возвращались они, прежде чѣмъ Джонъ Эйли успѣль понять, какъ это случилось, изъ міра трагедіи въ міръ жизни, шумѣвшій въ пыли, пронизанной ставшимися по землѣ лучами солнца, вокругъ палатокъ, балагановъ, подмостковъ и лотковъ всякаго рода, раскинутыхъ вдоль дороги. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на Джесси, неизвѣстный отрекомендовался пріѣзжимъ архитекторомъ и выказалъ себя большимъ знатокомъ древности, удѣливъ много похвалъ трагедіи, которую онъ только что слышалъ урывками, но надѣялся услышать всю цѣликомъ. Пока Джесси протягивала руку сморщенной гадалкѣ, новые знакомцы были поглощены сравненіемъ судьбы Орфея съ судьбой Овидія, и Джонъ Эйли уже былъ готовъ пожалѣть, что не вставилъ въ свою трагедію бесѣды поэта въ изгнаніи съ тѣнью великаго миѳического пѣвца.

Джесси прервала ихъ разговоръ, попросивъ принести кружку имбирнаго пива; исполняя ея желаніе, Джонъ Эйли углубился въ толпу, особенно

густую вокругъ палатки, куда тянулись пересохшія глотки и нетерпѣливыя руки, сжимавшія въ пальцахъ мѣдныя монеты. Едва выбравшись, до половины расплескавъ напитокъ, онъ не нашелъ своихъ спутниковъ на прежнемъ мѣстѣ. Опустившееся солнце свѣтило ему прямо въ глаза; пыль мѣшалась съ подымавшимся отъ рѣки туманомъ. Его толкали и оттѣсняли въ сторону. Рослый солдатъ наступилъ ему на ногу; растерзанная женщина охватила его рукой за шею и, смѣясь, выплеснула его пиво. На мгновеніе онъ увидѣлъ Джесси у палатки ювелира: наклонившись къ ней и осклабившись, незнакомецъ въ черномъ нарядѣ надѣвалъ ей на палецъ золотое кольцо съ рубиномъ. Джонъ сдѣлалъ отчаянное усиленіе и рванулся впередъ. Но въ ту же минуту толпа, валившая изъ палатки великана, отбросила его назадъ, а женщины, спасавшіяся, визжа и поднимая юбки, отъ змѣи уползшей у индійского фокусника, едва не сбили его съ ногъ. Въ сумятицѣ онъ потерялъ шляпу и когда выбрался изъ толпы, оказался въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ еще долго и растерянно бродилъ, взглядываясь, ища, изрыгая угрозы землѣ и небу, пока не потемнѣли луга и не прорылъ взошедший мѣсяцъ свой блѣдный свѣтъ на усѣявшія ихъ тѣла любовныхъ паръ и одинокихъ пьяницъ.

Играя на слѣдующій день Деметрія „Сна Лѣтней Ночи“, съ какимъ чувствомъ произносилъ онъ:—„ты надо мнай смѣешься, но дорого заплатишь ты за то, когда тебя при свѣтѣ дня я встрѣчу.“—И однако не только къ отмщенію были направлены его лихорадочные мысли, но и къ успѣху, а такъ какъ успѣхъ во всѣ времена означалъ деньги, то съ понятной настойчивостью взгляду актера обращался

къ надѣтымъ ему на ноги башмакамъ съ серебряными пряжками, къ алымъ шелкамъ Елены, къ діадемѣ Титаніи, къ золотому плащу Оберона и даже къ ослиной головѣ Ткача. Такимъ-то образомъ, несмотря на бдительнѣйшій надзоръ хозяина, плащъ Оберона и діадема Титаніи оказались на слѣдующій день, вмѣстѣ съ башмаками влюбленнаго Деметрія, въ каменномъ мѣшкѣ закладчика, гдѣ долго стоялъ Джонъ Эйли и колеблясь взвѣшивалъ на ладони до удивительности малое число монетъ, выражавшихъ цѣнность всѣхъ этихъ блестящихъ, но эфемерныхъ вещей. Вздохнувъ, онъ вышелъ наконецъ и, потолкавшись безразульнатно у двухъ или трехъ ювелировъ, принялъ рѣшеніе попытать счастья у матери.

Необыкновенное движеніе экипажей разнаго рода и верховыхъ, предшествуемыхъ слугами, державшими факелы, которые спѣшили по направленію къ Орстону, удивило его. Онъ понялъ причину этого, только когда занесъ ногу, чтобы перелѣзть черезъ ограду и проникнуть окольнымъ путемъ въ сады, и когда первая ракета взвилась и, слабо хлопнувъ, повисла на мгновеніе въ темной бирюзѣ неба. Вслѣдъ затѣмъ завертѣлись колеса, хлынули каскады искръ, взлетѣли сонмы разноцвѣтныхъ звѣздъ, выброшенныхъ римскими свѣчами. Начался фейерверкъ, на который взирало избранное общество, созванное лордомъ Орстономъ на главной террасѣ замка. Какъ очарованный, глядѣль на него Джонъ Эйли, скрываясь во тьмѣ аллей, еще болѣе непроницаемой рядомъ съ огнями фейерверка. Одна за другой возникали теперь огненные аллегорическія фигуры: Преуспѣяніе, сыпавшее золотой дождь изъ рога изобилия, Побѣда, кущая огненный мечъ

въ кузницѣ хромого Вулкана. Нѣжная музыка скрытаго гдѣ-то оркестра сопровождала появленіе слѣдующей картины, изображавшей двухъ персонажей съ вѣнками на головахъ и лирами въ рукахъ, и на террасѣ замка ученые кавалеры объясняли своимъ дамамъ смыслъ этой „Встрѣчи Овидія съ Орфеемъ“.

Но Джону нечего было здѣсь объяснять: волнуемый смутнымъ предчувствіемъ, задыхаясь въ пороховомъ дыму, клубившемся въ аллеяхъ, онъ уже спѣшилъ туда, гдѣ бурное „Изверженіе Везувія“ смѣнило минуту лирической прихоти. Среди ослаѣпительныхъ вспышекъ бѣлаго и краснаго огня, среди шипѣнія, треска и стрѣльбы фейерверка, среди лабиринта подмостковъ, шестовъ, колесъ, среди запутанныхъ узоровъ проволоки, онъ увидѣлъ въ этомъ новомъ аду фигуры существъ, мертвавшихся въ непонятныхъ ему заботахъ, и въ числѣ ихъ фигуру того, кто коварно увелъ отъ него Джесси въ Духовъ день. Онъ казался здѣсь хозяиномъ: размахивая короткой магической палочкой, бѣсновался онъ въ таинственныхъ усиляхъ, какъ черная тѣнь на фонѣ боскета, мертво освѣщенаго заревомъ. Схвативъ деревянный брусь, Джонъ съ крикомъ устремился на него. Но въ ту же минуту „Везувій“ погасъ, все исчезло въ необыкновенной тьмѣ, и вслѣдъ затѣмъ два дюжихъ работника повлекли Джона къ воротамъ и вытолкали его вонъ. За собой онъ услышалъ презрительный хохотъ и нѣсколько бранныхъ словъ на чужомъ языке.

На слѣдующее утро Джонъ Эйли поднялся рано, полный мрачной решимости и сосредоточенности. Весь этотъ день ушелъ на поиски, не чернаго не-

знакомца, котораго искать все равно было бы тщетно, но Джесси Берчъ. Лишь къ вечеру нашелъ ее Джонъ въ одной тавернѣ Рэвнъ Корта, гдѣ, сидя вмѣстѣ съ двумя подругами въ закоулкѣ, изображавшемъ садъ, она ёла жареную рыбу прямо съ шипящей сковороды. При видѣ Джона она расширила свои скошенные глаза и облизала пальцы. Онъ съ угрожающимъ видомъ придвигнулся къ столу, и одна изъ дѣвушекъ встала, уперевъ руки въ бока, готовая защитить свою подругу. Она, впрочемъ, тотчасъ же успокоилась, потому что Джонъ заговорилъ о своей любви къ Джесси и о ненависти къ проклятому чужестранцу. Невѣрность возлюбленной вызвала слезы въ его глазахъ и дрожь въ голосѣ. Его упреки, нѣжные вначалѣ, становились страстными и яростными. Джесси слушала ихъ молча, поглядывая съ сожалѣніемъ то на него, то на стынившую въ сковородѣ рыбу.

— „Молчишь, молчишь!“ — крикнулъ Джонъ Эйли, разгорячившись, и ударилъ кулакомъ по столу. Вдругъ точно его осѣнило что-то, онъ отскочилъ назадъ и заговорилъ, ломая руки:

„Молчишь, какъ тополь въ ночь безъ вѣтра,
Нѣма — какъ надъ могилой изваянье.
Весь пыль мольбы, вся сила убѣженія
Бессильны звукъ любви изъ усть исторгнуть
И блескъ у взора. О, наважденіе!
О, власть коварныхъ чаръ,
Навѣянныхъ преступною рукою,
Разсѣйся, сгинь передъ лицомъ поэта!..“

Неожиданный взрывъ аплодисментовъ закончилъ этотъ монологъ Алкеста изъ трагедіи „Поэтъ въ из-

гнанії", столь счастливо пришедши на умъ ея автору въ трагическую минуту его собственной жизни. Джонъ оглянулся. Позади его собралась значительная кучка слушателей, въ которой онъ замѣтилъ хозяина въ фартукѣ, двухъ поварятъ, торговку рыбой, пьяного клерка съ очками на носу и одного, особенно неистовствовавшаго въ руко-плесканіяхъ, человѣка въ кожаной курткѣ съ краснымъ лицомъ. Его окружили, ему жали руки; человѣкъ въ кожаной курткѣ предложилъ выпить за его здоровье. Улыбаясь, какъ тріумфаторъ, Джонъ крикнулъ Джесси, что сейчасъ возвратится, и направился къ стойкѣ въ сопровожденіи новыхъ друзей, уже затянувшихъ пѣсню, нимало не похожую на тѣ, которыя пѣлъ Овидій на берегахъ Понта.

Передъ каждымъ новымъ стаканомъ вспоминаль онъ о своей подругѣ, оставшейся въ его воображеніи все еще за столомъ, на которомъ въ сковородѣ стыла жареная рыба. Его удерживали всякий разъ чи-либо дружескія руки, притягивавшія за рукавъ къ скамьѣ. Удерживала его и жгучая тема завязавшейся вокругъ стойки бесѣды. На этотъ разъ то не была ученая рѣчъ Бэна Джонсона, пересыпанная бранью и цитатами, то не были миѳологические экскурсы пріѣзжаго архитектора. Рѣчъ шла о несправедливостяхъ судьбы и людей, и Богъ знаетъ сколько примѣровъ нашлось въ запасѣ у каждого изъ посѣтителей таверны, сливавшихся въ нѣчто единое и рокотавшее вокругъ Джона глухимъ водоворотомъ. Всѣ иные несправедливости, однако, стерлись съ лица земли, когда, послѣ восьмого стакана, Джонъ выбросилъ на столъ послѣднія монеты, прятавшіяся по его карманамъ, и, позабывъ окончательно Джесси, сталь жаловаться на

корыстолюбіе директоровъ, звистъ актеровъ и невѣжество публики, соединившіяся вмѣстъ для того, чтобы его трагедія „Поэтъ въ изгнаніи“ не увидѣла тусклый свѣтъ театра.

Можетъ быть, оттого, что уже было время запирать таверну, или отъ природной склонности къ буйству и приключенію, часть новыхъ друзей Джона горячо поддержала предложеніе хозяина теперь же отправиться къ содержателю театра и, выразивъ ему восторгъ передъ трагедіей, потребовать отъ него возстановленія справедливости. Въ числѣ шести смутныхъ фигуръ, изъ которыхъ онъ различалъ явственно лишь человѣка въ кожаной курткѣ, совершилъ Джонъ эту ночную экспедицію. Дверь импресаріо задрожала подъ ударами пьяницъ, но какъ только вверху открылось окно, инстинктъ подсказалъ спутникамъ Джона спрятаться за угломъ.

„—Будь проклять, кто бы тамъ ни былъ!“ спросилъ сонный голосъ.

„—Это я, Джонъ Эйли“ послѣдовалъ отвѣтъ. „Отоприте, дядя Сайлесъ, я принесъ вамъ что-то“.

Состояніе разсудка помѣшало Джону удивиться, что старый Сайлесъ не сказалъ ни слова и черезъ короткое время отворилъ дверь, потянувъ ее за веревку. Нетвердыми шагами Джонъ и его свита стали подыматься по узкой лѣстницѣ. Содержатель „Лебедя“ стоялъ наверху, высоко поднявъ фонарь въ лѣвой рукѣ и глядываясь въ идущихъ. Когда Джонъ Эйли приблизился къ нему на нѣсколько ступеней, — „а, воръ!“ — сказалъ онъ негромко. — „Гдѣ плащъ Оберона, гдѣ башмаки, гдѣ діадема? Вонъ, разъ навсегда вонъ, пока я не позвалъ стражу!“ — „Стойте, дядя Сайлесъ,“ пробормоталъ Джонъ и полѣзъ за пазуху, чтобы достать руко-

пись. Истолковавъ иначе это движение, видя за спиной актера какія-то темные лица, старикъ поднялъ правой рукой пистолетъ и выпалилъ. Позади себя Джонъ услышалъ грохотъ тѣль, катившихся кубаремъ по узкой лѣстницѣ. Повинуясь чувству испуга, онъ выскочилъ на улицу; въ ушахъ у него звенѣло отъ выстрѣла, и запахъ пороха напомнилъ ему фейерверкъ въ садахъ Орстона.

Пуста и печальна показалась ему улица. Его новые друзья исчезли. Осторожность заставила его удалиться отъ мѣста происшествія со всей поспѣшностью, которую дозволяли опутанныя хмелемъ ноги. Одиночество тяготило его, какъ нѣчто дѣйствительно спускавшееся съ низкаго неба пасмурной ночи и съ крыши домовъ. Онъ вспомнилъ Джесси. Чего бы не даль онъ теперь, чтобы увидѣть ее и почувствовать рукой ея горячій бокъ, какъ тогда, въ Духовъ день, у рѣки! Со стыдомъ подумалъ онъ, что оставилъ ее въ саду таверны за сковородкой съ остывшей рыбой.—„Прости, о прости!“—воскликнулъ онъ въ экстазѣ раскаянія и опустился на колѣни посреди улицы.

Щелканье бича и окрикъ кучера быстро подняли его на ноги. Изъ темноты надвигалась прямо на него пара рослыхъ коней, тащившихъ тяжелую дорожную карету. Онъ едва успѣлъ отскочить въ сторону и прижаться къ стѣнѣ узкой кривой улицы. И тогда, при свѣтѣ слабо мерцавшаго фонаря, онъ увидѣлъ въ окнѣ кареты ту, о комъ мечталъ только что, сливавшуюся съ чернымъ незнакомцемъ въ безстыдномъ и нѣжномъ объятіи, сладость котораго увеличивалъ каждый толчокъ колеса по неровной мостовой.

Карета была уже далеко, равнодушно катясь къ

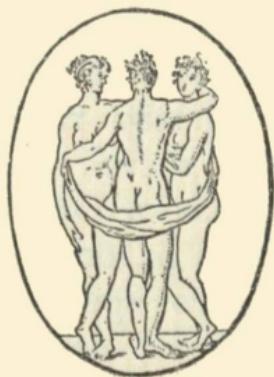
невѣдомой цѣли этого ночного путешествія, когда Джонъ Эйли опомнился и, собравшись съ силами, громко закричалъ. Никто не откликнулся ему, кромѣ блѣднаго городского эхо, ютящагося въ нишѣ дворца и у закопченныхъ трубъ бѣднаго жилища. Спотыкаясь и падая, онъ побѣжалъ за каретой и хотя скоро потерялъ ее изъ виду, еще долго преслѣдоваль свою химеру по ночныхъ улицамъ, пугая крысъ, ворочающихся въ сточныхъ канавахъ, и котовъ, блуждающихъ въ поискахъ любви и славы.

Неожиданно для себя онъ вышелъ на Блекфрайерскій мостъ. Черная рѣка заставила его остановиться и задуматься. Горечь новыхъ изгнаній внушила ему желаніе смерти, и онъ готовъ уже былъ мгновенно погасить сжигавшую его лихорадку отчаянія въ холодныхъ водахъ Темзы—онъ уже занесъ ногу на парапетъ моста, когда вспомнилъ, что у него нѣтъ даже и той единственной монеты, которая необходима вся кому отправляющемуся въ послѣднее путешествіе, чтобы ею заплатить за перевозъ Харону.

Эту монету онъ могъ бы достать у матери; его мысли и вслѣдъ за ними шаги направились къ садамъ Орстона. Когда онъ добрель туда, начинался влажный разсвѣтъ. Туманъ обивалъ верхушки липъ, и безчисленныя капельки воды усѣивали кусты буксуса. Статуя поэта въ изгнаніи была холодна и безпріютна въ тотъ ранній часъ. Движеніемъ, полнымъ ироніи и безпомощности, она указывала на лежащую у ея ногъ разбитую лиру. Джонъ Эйли обошелъ ее кругомъ и вздохнулъ; сердце его заныло еще разъ и утѣшилось.

Восходящее солнце уже окрасило розовымъ цвѣтомъ песокъ аллей и неподвижную воду бассей-

новъ, когда онъ прильнулъ къ зеленой калиткѣ и началъ прислушиваться. Пѣтухъ громко закричалъ надъ самymъ его ухомъ; гдѣ-то хлопнула дверь, послышался озабоченный голосъ матери и глухой кашель отца. Джонъ Эйли разорвалъ воротъ своей рубахи и принялъ покорную позу возвратившагося блуднаго сына.

ОСАДА ЛЕВЕЛЛИНА.

Четвертая осада Левеллина оказалась столь же безрезультатной, какъ и другія три, о которыхъ сохранила намъ память исторія. Маленький фландрскій городокъ, укрывшійся въ своихъ толстыхъ розовыхъ стѣнахъ и влажно-зеленыхъ густыхъ садахъ, сохранилъ по праву гордый девизъ „Urbs invicta“. Между тѣмъ днемъ, когда колоколь *befroi* сообщилъ гражданамъ о приближеніи непріятеля, и тѣмъ, когда онъ радостно возвѣстилъ освобожденіе, прошло всего три недолгихъ осеннихъ мѣсяца. Не весь скотъ, согнанный окрестными крестьянами на городскія площади и жалобно мычавшій тамъ дни и ночи, былъ съѣденъ солдатами, не весь порохъ былъ разстрѣлянъ пушками, бомбардами и кулевринами. Осаждавшіе не дождались даже раннихъ морозовъ, которые могли бы покрыть стекломъ льда водныя пространства, образовавшіяся на лугахъ вокругъ Левеллина въ первый же день осады, какъ только были открыты традиціонныя плотины на рѣкѣ Ись.

Исторія приписала этотъ счастливый для фландрской крѣпостцы исходъ особымъ талантамъ ея военачальника, шевалье де-Сентъ-Эльма. Окончив-

шій вскорѣ послѣ осады вполнѣ мирно здѣсь свои дни, онъ покоится нынѣ въ соборной церкви святого Сатурнина, подъ скромной плитой, украшенной лишь нѣсколько загадочной эпитафіей: „Грезиль бодрствуя, спить безъ сновъ“. Такая странная увѣренность въ послѣднемъ снѣ шевалье де-Сентъ-Эльма могла быть выражена только человѣкомъ, который хорошо зналъ его при жизни. Дѣйствительно, эпитафія была составлена его близкимъ другомъ, небезызвѣстнымъ въ свое время астрономомъ Палюсомъ,—второй и, кажется, послѣдней знаменитостью Левеллина. Въ словахъ этой эпитафіи чудится вѣяніе уже скептическаго ума, неожиданное для той эпохи и для цвѣтного сумрака готической фландрской церкви.

Палюсъ раздѣлилъ съ шевалье де-Сентъ-Эльмомъ невеликіе впрочемъ труды и опасности осады Левеллина. Стоя на городскихъ валахъ, онъ слѣдилъ въ трубу за движеніемъ непріятельской арміи такъ же усердно, какъ наблюдалъ онъ за теченіемъ звѣздъ и бѣгомъ планетъ. Ночью ракеты и бомбы чертили для него фигуры новыхъ невиданныхъ созвѣздій, а раскаленныя ядра казались кометами, которымъ было бы такъ заманчиво дать имя Палюса. Слушая ихъ тяжкій, шуршащій полетъ, онъ думалъ о мудрыхъ законахъ баллистики, и одно ядро, едва не задѣвшее удивительные часы на городской ратушѣ, заставило его просидѣть потомъ всю ночь съ перомъ въ рукѣ, покрывая листы бумаги знаками и цифрами баллистическихъ вычислений.

Съ этими листами цифръ и чертежей оказался онъ на другое утро у двери шевалье де-Сентъ-Эльма. Часовой отсалютовалъ ему мушкетомъ,

дверь отворилась. Шевалье стоялъ среди комнаты съ улыбкой на своемъ бритомъ, тонкомъ, молодомъ и старомъ лицѣ. Голубые глаза смотрѣли ясно подъ высокимъ, сильно откинутымъ лбомъ, увѣнчаннымъ свѣтлымъ парикомъ съ крупными прядями. Сухой извилистый ротъ привѣтливо двинулся, небольшая желтоватая рука указала на кресло. Высокая, худая фигура шевалье напомнила маленькому круглому астроному циркуль, который онъ передвигалъ вчера съ такой осторожностью въ своихъ вычисленихъ.

Сентъ-Эльмъ сѣлъ и, сложивъ близко отъ своего лица руки, глядѣлъ на нихъ, слушая разсужденія своего гостя вѣжливо и равнодушно. Выстрѣлы не прерывали рѣчи ученаго: былъ тихій, туманный день, и лишь слабо рисовались въ окнѣ очертанія высокихъ красныхъ крышъ и формы начавшихъ желтѣть деревьевъ. Однако Палюсь внезапно остановился и замолчалъ. Сентъ-Эльмъ понялъ его и, не мѣняя позы, сталъ говорить: „Вамъ кажется, мой добрый Палюсь, что я слушаю васъ съ недостаточнымъ вниманіемъ. Я разсѣянъ сегодня, но вы должны быть ко мнѣ снисходительны. Въ то время, когда вашъ умъ поглощенъ законами дѣйствія слѣпыхъ механическихъ силъ и движеніемъ мертвыхъ неодушевленныхъ тѣлъ, меня волнуетъ нарушеніе законовъ человѣчества и обычаевъ великаго искусства войны, которому мы всѣ служимъ. Вчера слѣпое ядро едва не разрушило удивительные часы на нашей ратушѣ, произведеніе мастера Жилля, поставившаго ихъ тамъ собственными руками въ 1602 году. Что сказали бы вы, если бы грубая и случайная сила ядра изуродовала бронзовыя фигуры двухъ рыцарей, которые

вотъ уже сколько лѣтъ, ровно въ полдень, выходятъ изъ своихъ нишъ и поочередно бываютъ въ колоколъ, заставляя васъ вскочить изъ-за стола, заваленного книгами, и, хлопнувъ въ ладоши, заказать слугѣ устрицы и бѣлое вино? Я сегодня же пошлю съ парламентеромъ письмо генералу графу Сольнъ, командующему непріятельскими силами, съ указаніемъ на ту опасность, какой подвергаютъ нашу городскую достопримѣчательность и его собственную военную репутацію его слишкомъ беззаботные канониры“.

Палюсь сдѣлалъ движеніе, но Сентъ-Эльмъ, какъ бы желая предупредить его, всталъ и началъходить по комнатѣ, иногда останавливаясь и продолжая говорить: „Мы возвращаемся къ предмету нашихъ обычныхъ споровъ. Война становится разрушительной, военное искусство падаетъ. Я знаю ваше мнѣніе объ этомъ, мой глубоко уважаемый другъ, но что можетъ прибавить оно къ опыту моихъ восемнадцати кампаній и къ выводамъ этихъ безчисленныхъ сочиненій по теоріи и исторіи искусства войны, гдѣ вы найдете разсказъ о всѣхъ битвахъ отъ Мараэона до Мальплаке и о всѣхъ полководцахъ отъ Эпамионда до Тюрення и принца Евгения Савойского!“ Шевалье обратился къ выстроившимся вдоль стѣны книжнымъ шкафамъ, гдѣ бѣлѣль пергаментъ, краснѣль сафьянъ и блестѣло золото переплетовъ.

„Я вѣрю въ военное искусство, — продолжалъ онъ.— Тамъ, гдѣ невѣжественный и косный умъ видить лишь кровопролитіе, не имѣющее никакого оправданія или оправдываемое ложными вѣрованіями, низменными побужденіями и грубыми интересами, я вижу игру творческаго гenія, пусть еще

несовершенную пока, но которая въ своеи приближеніи къ совершенству сдѣлаетъ всякое кропотливое немыслимымъ и ненужнымъ. Убитые и раненые на войнѣ, это — случайность, никако не большая, чѣмъ утонувшіе въ мореплаваніи. Съ теченіемъ времени человѣкъ все болѣе и болѣе укрощаетъ дикую стихію моря. Не полагаете же вы, что море людское, состоящее изъ разумныхъ и крещеныхъ существъ, всегда останется болѣе дикимъ и неукротимымъ? Неужели вы думаете, что побѣда состоить въ нагроможденіи возможно большаго числа труповъ, въ произведеніи на свѣтъ возможно большаго числа калѣкъ! Побѣда, великая побѣда заключается въ искусномъ маневрѣ, выигрывающемъ флангъ противника, въ молниеносномъ маршѣ, выводящемъ въ его тылъ и прерывающемъ его коммуникаціи, въ предусмотрительномъ занятіи позицій, составляющихъ ключъ даннаго стратегического положенія. Сопротивленіе во всѣхъ этихъ случаяхъ становится нелѣпымъ, безцѣльнымъ. Грубая сила покорно преклоняетъ колѣни передъ магической палочкой полководца. Сколько знаемъ мы ненужныхъ сраженій, которыя, какъ заранѣе было видно, не могли привести ни къ чему! Скажу прямо: всякое сраженіе съ точки зрењія идеального военного искусства уже есть ненужность, ошибка. Оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что совершенство военной игры и на этотъ разъ не было достигнуто. Величайшей побѣдой была бы побѣда, одержанная безъ единой жертвы; искуснейшей кампаніей была бы кампанія, выигранная безъ единой битвы“...

Звукъ пушечнаго выстрѣла напомнилъ Сентъ-Эльму, что туманъ разсѣялся. Онъ поглядѣлъ въ

окно и презрительно усмѣхнулся: „Осада!— воскликнулъ онъ.— Не безсмыслена ли всякая попытка взять силой то, что должно упасть въ руки, какъ спѣлый плодъ, въ результатѣ искусствъ замысловъ и непостижимыхъ для простого смертнаго намѣреній. Между нами будь сказано, генераль графъ Сольнь — плохой стратегъ. Я наблюдалъ вчера распределеніе его войскъ и нахожу, что онъ не имѣть никакого понятія о военномъ искусствѣ. Ахъ, милый Палюсь, почему мы не можемъ встрѣтиться съ этимъ заносчивымъ имперскимъ графомъ вотъ здѣсь, въ кабинетѣ, гдѣ я доказалъ бы ему въ полчаса неопровергимо, какъ Святое Писаніе, что его партія уже проиграна? Въ мечтахъ я вижу, какъ черезъ сто или двѣsti лѣтъ вожди будущихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ решаютъ свои побѣды или пораженія именно такимъ образомъ“. Шевалье де-Сентъ-Эльмъ остановился у шкафа съ книгами. „Не кажутся ли вамъ золотыми слѣдующія слова Жоли де-Мезеруа,—продолжалъ онъ, доставая изъ шкафаувѣсистый томъ.— Вотъ что говорить этотъ великий теоретикъ войны: „Искусство войны состоить не столько въ томъ, чтобы умѣть драться, сколько въ томъ, какъ избѣгать боя, избирая свои позиціи и направляя свои марши такимъ образомъ, что цѣль оказывается достигнутой безъ всякой возможности риска“. Не воспѣваетъ ли другой авторъ, известный Массенбахъ, принца Генриха, „болѣе счастливаго, чѣмъ Цезарь при Диррахіумѣ, болѣе великаго, чѣмъ Конде при Рокруа, ибо онъ, подобно безсмертному Бервику, одержалъ побѣду безъ битвы!“ Не сказалъ ли, наконецъ, самъ маршалъ Саксонскій: „я убѣждень, что искусный генераль можетъ вести войну всю

свою жизнь, не будучи ни разу принужденъ дать сраженіе”...

Имперская бомба разорвалась неподалеку; за ней послѣдовала другая, третья. Нѣсколько стеколъ упало со звономъ на полъ, и ворвавшійся вѣтеръ сбросилъ со стола записки и чертежи Палюса. Съ сожалѣніемъ поставилъ на мѣсто Жоли де-Мезера и Массенбаха, шевалье де-Сентъ Эльмъ взялъ въ углу трость и надѣлъ шляпу. Маленька-го астронома уже не было въ комнатѣ, и его табачнаго цвѣта кафтанъ мелькалъ на лѣстницѣ, уносимый менѣе страхомъ, чѣмъ любопытствомъ его обладателя.

Бомбардировка прекратилась такъ же внезапно, какъ началась; потери, о которыхъ донесли шевалье де-Сентъ-Эльму, были ничтожны,—нѣсколько крестьянъ отправилось съ городской площади на кладбище или въ госпиталь и нѣсколько телятъ—въ солдатскіе котлы. Къ вечеру шевалье узналъ и о причинахъ бомбардировки: непріятельскій лагерь посѣтилъ молодой эрцгерцогъ, изучавшій на практикѣ благородное ремесло королей, сопровождаемый на этотъ разъ капризной принцессой Бефи. Принцесса пожелала увидѣть стрѣльбу, но черезъ нѣсколько минутъ потребовала ее прекратить, боясь напугать до смерти свою любимую обезьянку.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ не упомянуль, разумѣется, ни слова генераль графъ Сольнъ въ своемъ вѣжливомъ и благосклонномъ отвѣтѣ шевалье де-Сентъ-Эльму, содержавшемъ торжественное обѣщаніе щадить отнынѣ удивительные часы на ратушѣ Левеллина. Но непріятельскій военачальникъ не скрылъ отъ шевалье прїѣзда

высокихъ гостей. Напротивъ, именно этимъ и объяснялась нѣсколько странная просьба, которой заканчивалось письмо. Графъ Сольнъ не скрывалъ капризного нрава принцессы Бефи и подчеркивалъ ея крайнюю разборчивость въ столѣ, сообщая съ грустью, что какъ разъ наканунѣ лишился своего лучшаго повара, упившагося виномъ до бѣлой горячки. „Единственная надежда для меня въ такой короткій срокъ можетъ таиться,—заканчивалъ свое письмо графъ,— въ стѣнахъ Левеллина — увы! — навсегда для меня закрытыхъ военнымъ искусствомъ вашего превосходительства“.

Повторяя съ гордой улыбкой эти лестныя слова, шевалье шелъ вечеромъ по темной и узкой улицѣ маленькаго и старого Левеллина. Узнававшіе его силуэтъ прохожіе сторонились и кланялись. Шевалье отвѣчалъ имъ привѣтливо, но вдругъ нахмурился, остановился и поглядѣлъ кругомъ. Онъ вспомнилъ просьбу непріятельскаго военачальника и ясно увидѣлъ невозможность ее исполнить. Легкая краска стыда залила его щеки; Левеллинъ показался ему жалкимъ, ничтожнымъ. Крестьянскіе гуси загоготали и овцы заблеяли на городской площасти. Сентъ-Эльмъ съ раздраженіемъ, круто повернувшись направо, перешелъ мостики черезъ узкій каналъ и постучался у садовой калитки.

Ему открыла служанка; пройдя низкій цвѣтникъ, онъ оказался у двери небольшого дома, укрытаго въ зелени. Толкнувъ дверь и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вошелъ въ просторную комнату съ узорнымъ каменнымъ поломъ. Въ ней жарко горѣлъ каминъ, отблескивая въ фарфорѣ и серебрѣ на массивномъ буфетѣ, въ хрусталѣ и фаянсѣ двухъ приборовъ, приготовленныхъ на столѣ, накрытомъ

бълоснѣжной скатертью. Черная кошка привѣтствовала шевалье, выгибая спину и удивляясь длинной колеблющейся тѣни, отброшенной имъ на гладкій полъ. Мадамъ Хооте, вдова зажиточнаго купца, по обычаю вставала навстрѣчу ему отъ огня, сіяя своимъ круглымъ лицомъ, великолѣпной шеей и желтымъ атласомъ своей отдѣланной лебяжьимъ пухомъ душегрѣйки. При видѣ ея шевалье пересталъ хмуриться. Минуту спустя безчисленныя тонкія морщинки его лица излучились въ улыбку: ему пришла въ голову прекрасная мысль.

На другое утро съ разсвѣтомъ мадамъ Хооте выѣхала за городскія ворота въ сопровожденіи офицера, трубача и двухъ равнодушныхъ пѣхотинцевъ съ короткими мушкетами. Въ лучшую трубу своего друга Палюса шевалье де-Сентъ-Эльмъ видѣлъ, какъ вызванный звукомъ парламентерской трубы непріятельскій офицеръ съ аванпостовъ встрѣтилъ посланницу и вѣжливо завязалъ ей глаза. Затѣмъ она исчезла за ивами ближайшей плотины, и охранявши€ ее пѣхотинцы поплелись обратно, провожаемые шутками непріятельскихъ солдатъ.

Весь тотъ день шевалье былъ крайне взволнованъ. Онъ не разъ самъ себѣ улыбался и, держа близко отъ своего лица маленькия, сухія руки, крѣпко и радостно потиралъ ихъ. Въ часъ обычной бесѣды съ Палюсомъ онъ даже оставилъ излюбленную тему,—искусство войны,—прославивъ въ нѣсколькоихъ энергичныхъ словахъ искусство изысканной кухни. Но на этотъ разъ разсѣяннымъ былъ Палюсь: онъ не обратилъ вниманія на странныя слова Сентъ-Эльма. „Чѣмъ больше я думаю,—говорилъ онъ,— тѣмъ больше я убѣженъ, что тѣ могущественные механическія силы, которыя съ

такимъ презрѣніемъ вы называете слѣпымъ, смѣтутъ всѣ ваши теоріи военной игры. Я вижу мысленнымъ взоромъ ружье, стрѣляющее на три тысячи шаговъ, и пушку, выбрасывающую снарядъ вѣсомъ съ быка. Я вижу многостотысячныя арміи, выставленныя одна противъ другой поголовнымъ вооруженіемъ цѣлыхъ народовъ на этихъ самыхъ поляхъ нашей Фландріи“.

Палюсь прерваль свою рѣчь, удивленный скрипучимъ, идущимъ какъ будто издалека звукомъ. Шевалье де-Сентъ-Эльмъ смеялся. „Ахъ, мой бѣдный Палюсь!—воскликнулъ онъ.—Какого низкаго вы мнѣнія о нась, жителяхъ планеты Земля! Небесная механика, примѣненная къ истребленію себѣ подобныхъ, народы, вступающіе въ поголовную драку между собой изъ-за того, что могло бы решить соревнованіе двухъ небольшихъ армій, составленныхъ изъ людей, всецѣло посвятившихъ себя военному ремеслу или военному искусству,—нѣть, помилуй Богъ, я лучшаго мнѣнія о человѣчествѣ! Двадцатый вѣкъ не будетъ знать, что такое выстрѣлы, подобные тѣмъ, которые такъ взволновали васъ вчера, и однако совсѣмъ не оттого, что тогда пушки будутъ стрѣлять безъ звука или безъ дыма. Будущая война рѣшится совсѣмъ иными средствами и совсѣмъ особыми стратегемами. И я лично ничего не буду имѣть противъ,—прибавилъ Сентъ-Эльмъ съ довольной и хитрой улыбкой,—если эти стратегемы будутъ подобны той, которая рѣшаетъ, быть можетъ, въ данную минуту судьбу Левеллина“.

Шевалье де-Сентъ-Эльмъ вполнѣ вѣрно истолковалъ смыслъ просьбы, которую ему удалось такъ блестательно удовлетворить съ помощью

искусныхъ въ кулинарномъ дѣлѣ рукъ мадамъ Хооте. Принцесса Бефи была всѣмъ и всѣми довольна, и имперскій генераль могъ не бояться отнынѣ послѣдствій веденной имъ безславной и безрезультатной осады. Унылая осенняя равнина Фландріи достаточно прискутила ему; не прошло и недѣли, какъ онъ поспѣшилъ уѣхать, приказавъ своимъ войскамъ снимать лагерь и переходить на зимнія квартиры. Левеллинъ былъ освобожденъ.

Видя съ крѣпостныхъ стѣнъ дымъ зажженныхъ уходящимъ непріятелемъ окрестныхъ мельницъ и деревень, граждане Левеллина восторженно прославляли Сентъ-Эльма. Биль колоколь *beffroi*, стрѣляли салютно пушки, мычаль крестьянскій скотъ, толпившійся въ ожиданіи у еще запертыхъ городскихъ воротъ. Сентъ-Эльмъ и Палюсь упали другъ другу въ объятія. А вечеромъ шевелье поспѣтиль домъ на узкомъ каналѣ. Мадамъ Хооте встала на встрѣчу ему отъ ярко пылавшаго камина. Ея открытую и величественную шею Сентъ-Эльмъ украсимъ золотымъ медальономъ, на которомъ былъ выгравированъ девизъ: *Amore et arte vinco*.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КАЗАНОВЫ, НЕРАЗСКАЗАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

Было ли пріятно встрѣтиться въ жизни съ Казановой? Не будучи ни старикомъ, наклоннымъ къ магіи, ни неопытнымъ игрокомъ, ни дамой, мало увѣренной въ своей нравственности, кажется, можно отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Впрочемъ, мы мало знаемъ о томъ впечатлѣніе, какое Казанова производилъ на своихъ безчисленныхъ знакомыхъ. Де Линь описалъ его, когда онъ былъ старъ и беспомощенъ какъ дитя. Намъ не вполнѣ даже ясна наружность великаго авантюриста. Она во всякомъ случаѣ была далека отъ того, чтобы называться особенно красивой. Казанова былъ высокъ ростомъ и широкъ въ плечахъ; съ годами признаки тучности стали явственно обозначаться въ немъ. Лицо его изобличало не слишкомъ блистательное происхожденіе; правильный носъ итальянца раздѣлялъ на этомъ лицѣ глаза, выражавшіе умъ и проницательность. Подвижный живой ротъ легко изображалъ беззлобную усмѣшку или откровенную чувственность. Низкій лобъ не выдавалъ его обладателя ни за честолюбца, ни за мыслителя. Въ рукахъ Казановы, непропорціонально длинныхъ,

съ цѣпкими, змѣистыми пальцами скрывалось нѣчто важное для всего его существа. Нервная сила, таившаяся въ нихъ, легче всего могла бы объяснить его власть надъ женщинами.

Этого, можетъ быть, недостаточно, чтобы вѣрно судить о незабвенномъ авторѣ „Мемуаровъ“. Инымъ мы не располагаемъ пока, и тѣмъ любопытнѣе для насъ всякое упоминаніе о Казановѣ, встрѣчающемся у его современниковъ. Значительный интересъ представляетъ эпизодъ, разсказанный венеціанцемъ Маринъ Фазано въ его неопубликованныхъ запискахъ. Записки посвящены цѣликомъ музыкальной жизни того времени. Будучи страстнымъ *dilettanto*, Фазано является живой хроникой Венеціи, сходившей съ ума отъ вокальныхъ и музыкальныхъ знаменитостей всякаго рода. Въ этомъ отношеніи запискамъ его нѣть цѣны. Но онъ рисуютъ иной разъ и цѣлья картины венеціанской жизни — зимой въ концертныхъ залахъ, театрахъ и „консерваторіяхъ“, лѣтомъ на виллахъ Силе и Бренты, куда гостепріимные хозяева наперевѣ приглашали сопрано и *mezza-voce*, не спасавшихъ ихъ отъ москитовъ, но избавлявшихъ отъ картъ и лѣтней скуки.

Фазано былъ не прочь разсказать мимоходомъ и анекдотъ. Одинъ такой анекдотъ, неожиданно врывающейся среди монотонныхъ и восторженныхъ изліяній по поводу Пакьеротти или Рубини, имѣть всяческое основаніе называться „приключеніемъ Казановы, не рассказаннымъ имъ самимъ“.

— Пакьеротти уѣхалъ,—вздыхаетъ меланхолически Фазано,—и за отсутствіе его насъ не могло воз-

наградить прибытие другого гостя, столь же смѣло изъѣздившаго весь свѣтъ и столь же неудержимо привлеченного пріятностями жизни на виллѣ Капаеръ, прелестю ея владѣлицы и блескомъ собравшагося на ней общества. Джакомо Казанова, прославленный въ молодости своимъ побѣгомъ изъ Пьомби, жилъ среди насы одну недѣлю и прожилъ бы вѣроятно три или шесть, если бы его не заставило внезапно удалиться забавное происшествіе, о которомъ я хочу разсказать, скрывъ дѣйствительныя имена другихъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе.

Лишившись несравненного Пакьеротти, мы оказались упавшими съ неба на землю. Любители, самаго ужаснаго рода изъ числа встрѣчающихся между Мирой и Доло, терзали нашъ слухъ. Иные изъ насы предались картамъ, и сами свѣчи жалостно роняли свои восковыя слезы, принужденныя сгорать не ради божественныхъ мелодій, но ради музыки презрѣннаго золота. Позвякивая выигранными цехинами въ своихъ обширныхъ карманахъ, синьоръ Джакомо утѣшалъ насы за ужиномъ рассказами. Дважды или трижды пришлось ему повѣствовать о знаменитомъ побѣгѣ, о казни Даміана, о встрѣчахъ съ великой Помпадуръ и маленькою О'Морфи. Нравы холодной Голландіи или глупыхъ нѣмецкихъ княжествъ вызывали не одинъ разъ громовой хохотъ за круглымъ столомъ Капаеръ.

Въ этомъ хохотѣ голоса нашихъ дамъ слышались особенно звонко и отчетливо. Онѣ не утомлялись слушать подвиги синьора Джакомо, соединившаго въ себѣ новаго Улисса и новаго Геркулеса. Многія изъ нихъ знали наизусть всѣ перипетіи его

любовныхъ исторій съ патриціанкой на Корфу, съ переодѣтой мальчикомъ пѣвицей въ Анконской Маркѣ, съ таинственной бѣглянкой въ Пармѣ, съ дочкой банкира въ Амстердамѣ и со швейцарскими служанками въ Бернской купальне. Разгоряченныя виномъ, онѣ требовали новыхъ, все болѣе смѣлыхъ исповѣдей. Казанова разсказывалъ. Тарелка минутами оставалась передъ нимъ наполненной; правая рука его сжимала ножъ или вилку, какъ стиль готовый занести для вѣчности ненаписанныя еще воспоминанія, въ то время какъ пальцы лѣвой шевелились передъ самымъ носомъ ближайшаго сѣда, изображая ему сладость непередаваемыхъ прикосновеній. Широкое лицо рассказчика багровѣло, капельки пота выступали у него на лбу, глаза тускнѣли, уставъ загораться блескомъ, и голосъ прерывался въ мѣстахъ слишкомъ патетическихъ или вольныхъ. Время отъ времени онъ отпивалъ огромными глотками вино изъ стоявшаго передъ нимъ стакана или удалялся безъ малѣйшей церемоніи облегчить желудокъ.

Къ концу этихъ памятныхъ ужиновъ не оставалось ни одной женщины ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, которая не была бы побѣждена имъ и не принадлежала ему въ дѣйствительности или въ возможности. „Что же намъ остается дѣлать, чтобы спастись отъ васъ?“—спросила его одна изъ участницъ ужиновъ на виллѣ Капаеръ. „Не дышать со мной однимъ воздухомъ“, отвѣтилъ ей съ крайней любезностью Аттила прекраснаго пола при шумномъ одобрѣніи всѣхъ присутствующихъ.

Я помню, какъ при этомъ отвѣтѣ двинулся стуль и зазвенѣлъ упавшій бокаль на противоположной

сторонъ стола. Одна изъ дамъ встала и отошла къ окну, выходившему въ садъ. По слабости, приступившей вся кому, кто прожилъ бы нѣсколько недѣль подъ одной кровлей съ той, кого назову я здѣсь опернымъ именемъ Церлины, я слѣдилъ за ней тщательнѣе, чѣмъ за любой партитурой, и не упускалъ случая къ ней приблизиться. Я всталъ и направился къ окну. Моя Церлина встрѣтила меня съ несличкомъ обычной для нея ласковостью. „Мой дорогой Фазано,—сказала она,—у меня къ вамъ большая просьба“. Я низко поклонился, изображая полное подчиненіе. Не сомнѣваясь въ немъ она продолжала.—„Правда ли это, что вы ночуете въ одной комнатѣ съ синьоромъ Джакомо?“ Я отвѣтилъ новымъ, молчаливымъ поклономъ, ибо то было истинной правдой, что вотъ уже недѣлю я дѣлилъ вмѣстѣ съ Джакомо Казановой комнату, выходящую въ лоджію, которая соединяла главный залъ съ боковыми павильонами.

— „Бѣдный Фазано,—начала послѣ нѣкотораго колебанія та, кого я назвалъ здѣсь Церлиной,—на одну ночь, на сегодняшнюю ночь я хочу лишить его мягкой постели и сама занять ее, съ тѣмъ, чтобы онъ легъ у дверей комнаты на същеніе москитамъ и дурнымъ мыслямъ. Я хочу, чтобы онъ сдѣлалъ это, когда всѣ улягутся спать, и чтобы до тѣхъ поръ онъ ни о чёмъ меня не разспрашивалъ“.

Каждый легко пойметъ, въ какое сильное волненіе привела меня эта странная просьба. Итакъ, моя Церлина попалась первая въ сѣти, раскинутыя исторіями великаго совратителя! Звучавшую въ ея просьбѣ ласковость, лукавый смѣхъ ея глазъ, я считалъ не болѣе какъ уловками. Одно мгнове-

ніе я былъ готовъ осыпать ее упреками и даже выдать ея тайну на публичный позоръ. Но природная кротость моего характера превозмогла и въ этомъ случаѣ. Я въ третій разъ молча отвѣсилъ низкій поклонъ и поспѣшилъ отойти отъ капризницы, мысленно кляня и ненавидя ее. Подойдя къ столу, я выпилъ подрядъ нѣсколько стакановъ вина, не разбирая ни сорта его, ни качества.

Не могу описать, съ какими терзаніями въ душѣ провелъ я остатокъ того вечера. Внимательно разглядывалъ я Казанову. На его красномъ большомъ лицѣ я не могъ прочитать предвкушенія ожидавшаго его блаженства. Губы его вяло шевелились, рассказывая конецъ какой-то любовной исторіи; въ рукахъ онъ держалъ персикъ, и при взгляде на эти длинные пальцы, осязавшіе нѣжную кожу плода, несказанное содроганіе прошло по мнѣ. Я выбѣжалъ въ садъ и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по аллеѣ низенькихъ лавровъ, дожидаясь часа испытаній.

Мнѣ пришлось ждать немало. Еще долго смѣхъ и отдѣльные голоса доносились изъ залы. Потомъ вилла Капаеръ стала утихать и успокаиваться. На лоджіи и въ павильонахъ замелькали огни: слуги со свѣчами въ рукахъ провожали гостей по комнатамъ. Проколебались на бѣлыхъ стѣнахъ огромныя тѣни кавалеровъ и дамъ, женскій смѣхъ зазвучалъ гдѣ-то и прервался шопотомъ. Хлопнули, запираясь, двѣ или три двери. Я выждалъ еще нѣкоторое время, потомъ направился къ мѣсту своего ночлега.

Дверь въ мою комнату оказалась прикрытоей. Руководимый жгучимъ любопытствомъ, я осторожно толкнулъ ее. Съ удивленіемъ я услышалъ мѣрное дыханіе Казановы. Сомнѣній не было: онъ

спаль. На разстоянії протянутой руки отъ него бѣла въ темнотѣ моя откинутая постель. Съ какимъ ужасомъ, проваливаясь куда-то въ преисподнюю, измѣрило мое сердце всю роковую незначительность этого разстоянія! Но я едва успѣлъ предаться ужасу, какъ на лоджіи послышались шаги. Ступая на цыпочки, я выскочилъ за дверь. Бѣлое видѣніе мелькнуло передо мной на порогѣ. Я не попытался удержать его ни словомъ, ни дѣйствіемъ. Церлина исчезла въ темнотѣ комнаты, прижимая палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія и другой рукой повелительно указывая на предназначеннное мнѣ мѣсто ночлега. Дверь мягко стукнула, закрывшись за ней, и я, какъ безжизненное тѣло, повалился прямо на кирпичный полъ, не подумавъ разстелить на немъ хотя бы свой плащъ.

Церлина была права, когда говорила, что обрекаетъ меня на съѣденіе москитамъ, но она не угадала и сотой доли пожиравшихъ меня въ ту ночь волненій. Тысячу разъ осуждалъ я свое малодушіе и былъ готовъ съ кинжаломъ въ рукѣ ворваться въ комнату, чтобы совершить правосудіе любви и мести. Самая фантастическая надежды проносились въ моей головѣ: мнѣ представлялся внезапный пожаръ на виллѣ Капаеръ, нападеніе разбойниковъ, землетрясеніе. Мнѣ чудились гости и хозяева, слуги и гондольеры, сосѣди и сосѣдки, сбывающіеся во множествѣ съ фонарями къ дверямъ моей комнаты. Мнѣ грезились всесвѣтный позоръ, всемирный шумъ, изобличающіе безстыдство гой, кого я назвалъ Церлиной. По странному противорѣчію, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся пошевельнуться, боялся произвести малѣйший звукъ и такъ долго избѣгалъ перевернуться съ лѣваго бока на

правый, что отлежалъ себѣ ногу, руку и даже голову.

Сырая прохлада ночи надъ Брентой слегка отрезвила меня. Придя въ нѣкоторое равновѣсіе, я сталъ прислушиваться. Проклятыя лягушки въ болотахъ оглушали меня своимъ кваканьемъ. Уставъ напрягать слухъ, я впалъ въ легкую дремоту. Голосъ, ясно разслышанный мною голосъ Джакомо Казановы, заставилъ меня проснуться и привскочить. Я не разбиралъ словъ, они были безсвязны и мало интересовали меня, ибо я не могъ ошибаться въ ихъ интонаціяхъ: эти интонаціи выражали страсть, самозабвеніе. Лихорадка овладѣла мной, я весь дрожалъ.

Я положительно оледенѣлъ, когда услышалъ женскій шопотъ, присоединившійся вскорѣ къ страстнымъ рѣчамъ счастливца. Спустя мгновеніе я различилъ, что то былъ не шопотъ, но тихій смѣхъ. Долгое время журчалъ онъ, какъ журчитъ струя фонтана, становясь однако все громче и громче. Церлина смѣялась, и не было никакихъ силъ удержать ее, когда она смѣялась. Смѣхъ ея перешелъ въ звонкій хохотъ. Мужской голосъ внезапно пресекся, затѣмъ что-то упало въ комнатѣ, распахнулась дверь и та, кто причинила мнѣ столько страданій, легко перешагнула черезъ меня. Продолжая неудержимо смѣяться, въ изнеможеніи своей странной веселости прислонилась она на минуту къ тонкой колонкѣ лоджіи. Начиналось утро, небо свѣтлѣло за садомъ, и на этомъ свѣтломъ небѣ, сквозь легкую ночную одежду вырисовывались со всемъ совершенствомъ божественные формы моей Церлины. Аврора венеціанскихъ лагунъ золотила и румянила ея плечи и бедра. Это мгновеніе возна-

градило меня съ избыткомъ за всѣ терзанія ночи, ибо инстинктъ уже подсказывалъ мнѣ, что то были терзанія напрасныя.

Церлина уже успѣла исчезнуть, и я занялъ ея мѣсто у тонкой колонки, когда изъ комнаты показался главный герой всего этого происшествія. Лицо синьора Джакомо выражало гнѣвъ и негодованіе. „Cospetto!—кричалъ онъ.—Онъ не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью“. Съ удивленіемъ глядѣлъ я на странный костюмъ, въ которомъ заставало его поднимавшееся среди испареній солнце. Короткая рубаха не достигала ему до колѣнь, открывая мускулистыя волосатыя ноги; голова его была повязана цветнымъ платкомъ, концы котораго торчали въ разныя стороны. „Гдѣ она? Что вы здѣсь дѣлаете?“—проворчалъ онъ, увидѣвъ меня. Лицо его приняло болѣе спокойное выраженіе. „Шутка?“—спросилъ онъ, и не дождавшись отвѣта, въ который я былъ намѣренъ вложить надлежащія извиненія, добавилъ: „Я могъ бы вамъ разсказать, молодой человѣкъ, многія умнѣе этой и лучшаго вкуса. Дайте вашъ плащъ, мнѣ холодно“. Набросивъ его на плечи, онъ сталъ у бѣлой колонки и нѣкоторое время глядѣлъ на красный дискъ восходившаго солнца. Затѣмъ лицо его исказилось, ротъ широко раскрылся, послышались странные звуки. Казанова зѣвалъ. Онъ зѣвалъ еще и еще, безъ конца, оглашая окрестность львинымъ рыканьемъ. Собака отозвалась на него во дворѣ, за ней другая, третья на сосѣднихъ виллахъ, и такъ до самаго Доло. Пѣніе пѣтуховъ присоединилось къ лаю собакъ, и этотъ концертъ смѣнилъ solo синьора Джакомо въ честь новорожденнаго венецианскаго дня.

Тотъ день не засталъ его больше въ числѣ гостей прекрасной виллы Капаеръ. Внезапное отсутствіе его было замѣчено: одни думали о пришедшей ему въ голову фантазіи поискать счастья за болѣе обильными золотомъ карточными столами, другіе предполагали любовную интригу. Та, кого я выше назвалъ Церлиной, хранила молчаніе и явно избѣгала встрѣчаться со мной.

Лиши вечеромъ, послѣ нѣсколько монотоннаго ужина за круглымъ столомъ и высказанныхъ многими сожалѣній объ увлекательныхъ исторіяхъ отсутствующаго, мы услышали ея голосъ. Съ отвагой, дѣлающей честь дамъ, рассказала она о своей отчаянной выдумкѣ. Не только дышать съ Казановой воздухомъ одной спальни, но провести всю ночь на разстояніи протянутой руки отъ его постели рѣшилась она, чтобы доказать торжество женщины. Она описала страхъ, охватившій ее, когда легкомысленное рѣшеніе было ей принято. Не желая уступить благоразумію, она проникла все же въ львиное логово и, пользуясь темнотой, скользнула въ мою пустую постель. Первое время она боялась перевести дыханіе, и тѣло ея было холодно какъ мраморъ. Понемногу она ожила и успокоилась: Казанова крѣпко спаль, ничего не подозрѣвая. Она осмѣлѣла до того, что приподнялась на локтѣ и стала разглядывать въ свѣтлѣвшей съ разсвѣтомъ комнатѣ его лицо. Это лицо выражало во снѣ мало естественное напряженіе. Вдругъ губы спящаго зашевелились и онъ заговорилъ хриплымъ голосомъ что то невнятное и безсмысленное. Женскія имена всѣхъ странъ и народовъ перемѣшивались въ его говорѣ съ воскликаніями мольбы, угрозы и благодарности. Казанова

упрашивалъ, требовалъ, бранился и ласкалъ. Было нѣчто невыразимо комическое въ этомъ ночномъ монологѣ, сопровождаемомъ мимикой длинныхъ рукъ и цѣпкихъ пальцевъ. Ей стало смѣшно, смѣхъ ея превратился въ громкій хохотъ и разбудилъ Казанову. Не давъ ему опомниться, она вскочила съ постели и выбѣжала вонъ. За собой она услышала грохотъ опрокинутаго стула и выразительнѣйшія пожеланія синьора Джакомо, обращенные къ ней, къ призракамъ его сновъ и ко всѣмъ женщинамъ—настоящимъ, прошедшемъ и будущимъ.

КАРЬЕРА РУСКА.

Подобно многимъ другимъ героямъ итальянской легенды Кекко Руска пасъ козъ въ дни своей юности,—въ день 22-го жерминаля 1796 года въ горахъ Гаргаро, близъ Савоны, на генуэзскомъ побережье. Въ тотъ день его увѣли солдаты проходившей мимо колонны гражданина-генерала Лагарпа, потребовавшіе, чтобы онъ вывелъ ихъ горными тропинками къ позиціямъ австрійцевъ у Монте-нотте. Кекко ушелъ съ ними охотно. Онъ ненавидѣлъ австрійцевъ: нѣсколько дней тому назадъ они увѣли у него половину его комунального стада; когда онъ призывалъ на ихъ головы гиѣвъ всѣхъ святыхъ, усатый кроатъ сбилъ его съ ногъ ударомъ ружья при громкомъ смѣхѣ товарищѣй.

Эти бѣлые мундиры слились въ умѣ Кекко съ жандармами, которыхъ онъ привыкъ считать врагами давно, какъ сынъ доброго и всѣми уважаемаго бандита Маттео Руска. Старый Руска не убилъ впрочемъ, кажется, ни одного человѣка за всю свою долгую жизнь. Онъ снискивалъ пропитаніе однимъ своимъ воинственнымъ видомъ, безпечностью властей и болѣе всего расположениемъ безчисленныхъ женщинъ и дѣвушекъ въ безчисленныхъ горныхъ

селеніяхъ. Франческо былъ однимъ изъ его сыновей. Когда умерла его мать, жившая вдовой въ бѣдномъ домикѣ на окраинѣ Гаргаро, и когда умеръ гдѣ-то въ горахъ старый Руска, испустившій духъ на рукахъ священника, поспѣшившаго прїѣхать къ нему верхомъ на мулѣ, Франческо остался на иждивеніи комуны и сдѣлался ея пастухомъ. Тѣнь героического происхожденія лежала на немъ, и ради воспоминанія о самомъ прославленномъ изъ своихъ пасомыхъ мѣстный священникъ донъ Феличе обучилъ его грамотѣ и даже преподалъ ему первые начатки латыни.

То, что услышалъ Кекко отъ дона Феличе о бандитахъ, которыхъ онъ самъ никогда не видалъ, явилось ему въ живомъ образѣ войскъ Лагарпа, входившихъ въ составъ арміи гражданина-генерала Бонапарта. Солдаты, которые увлекли его съ собой, были одѣты бѣдно, пестро и причудливо; у многихъ изъ нихъ были на головахъ красные фригійскіе колпаки; синіе разорванные мундиры съ большими пуговицами спускались на бѣлые холщевые штаны, изъ-подъ которыхъ торчали у иныхъ босыя ноги. Трехцвѣтные шарфы, перетягивавшіе тонкія таліи, были единственнымъ явнымъ отличиемъ офицеровъ. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, съ лицомъ молодымъ, красивымъ, загорѣлымъ и решительнымъ, неотступно слѣдовалъ за легкими шагами одѣтыхъ въ козы шкуры ногъ проводника; въ нѣкоторомъ отдаленіи за ними двигалась вся колонна.

Кекко исполнилъ все то, что отъ него требовалось. Онъ видѣлъ захваченный врасплохъ бивакъ глупыхъ австрійцевъ, гдѣ еще дымился въ котлахъ ихъ гороховый супъ. Онъ видѣлъ послѣ того бой у горной деревни, слышалъ рѣдкіе выстрѣлы пу-

шекъ и жужжащій полетъ чугунныхъ ядеръ. Ни на одну минуту онъ не испыталъ ни малѣйшаго страха. Онъ, какъ очарованный, повсюду ходилъ за молодымъ офицеромъ, и когда при переходѣ черезъ горную рѣчку тотъ остановился, заспернувъ ладонью воды и помочилъ свой горячій республиканскій лобъ, Кекко сдѣлалъ точь-въ-точь то же самое.

На томъ берегу этой рѣчки бѣлые мундиры, засьвъ въ кустарникъ, стрѣляли въ наступающихъ. Кекко съ любопытствомъ подобралъ у своихъ ногъ въ пескѣ круглую пулю. Справа и слѣва отъ него съ громкими и непонятными криками бѣжали впередъ, держа на-перевѣсъ ружья, красные колпаки. Пробираясь сквозь кусты, Кекко потерялъ своего офицера. Онъ перепрыгнулъ черезъ нѣсколько солдатъ, лежавшихъ на землѣ и запачканныхъ кровью. Совсѣмъ рядомъ съ собой онъ услышалъ оглушительный выстрѣль и почувствовалъ сильный и пріятный запахъ пороха. Сквозь сѣрый дымъ онъ увидѣлъ красное лицо и высокую мѣдную шапку стрѣлявшаго куда-то въ сторону австрійца. Онъ бросился на него сзади и схватилъ его за шею. Солдатъ содрогнулся, бросилъ ружье и, высвободившись изъ рукъ Кекко съ потерей своей мѣдной шапки, пустился бѣжать. Кекко подобралъ шапку, ружье и побрель впередъ.

Повсюду видѣлъ онъ теперь синіе мундиры и пожелтѣвшія отъ тревогъ и усталости лица французскихъ солдатъ. Никто изъ нихъ не обращалъ на него вниманія. Выстрѣлы грохотали уже далеко впереди и вдругъ умолкли. Долина наполнилась синимъ вечернимъ дымомъ, и два часа спустя, на берегу той же рѣки, у яркаго бивачнаго костра

Кекко нашелъ своего офицера. Радостно улыбаясь и не зная, что сказать, онъ протянуль ему мѣдную шапку и ружье австрійца.

— Храбрецъ! — воскликнуль тотъ, показывая на него своимъ товарищамъ. — Онъ закололь на моихъ глазахъ гренадера! Хочешь остаться съ нами? — спросилъ онъ по-итальянски.

— Да, — отвѣтилъ Франческо Руска и призвалъ въ свидѣтели святого Іосифа при снисходительномъ хохотѣ побѣдоносныхъ солдатъ Республики.

На другое утро ему дали амуницію убитаго на канунѣ конскрипта и сапоги, снятые съ одного изъ плѣнныхъ австрійцевъ. Проснувшись рано и увидѣвъ его спокойно спящимъ у потухшаго костра еще въ своемъ пастушьемъ нарядѣ изъ козьяго мѣха, лейтенантъ Депортъ, пріютившій его въ 11-й легкой полубригадѣ, произнесъ слѣдующій моно-логъ:

„—Мой другъ, ты напоминаешь мнѣ старинный разсказъ о фавнѣ, котораго привели римскому консулу Суллѣ его солдаты во время похода въ Эладу. Тотъ фавнъ не понялъ однако ни языка римскихъ воиновъ, ни ихъ славы; онъ не пожелалъ слѣдовать за римскими орлами и былъ мирно отпущенъ въ свои лѣса и пещеры. Справедливая и братская Французская Республика оказала болѣе могучее дѣйствіе на твое прикрытое козьей шерстью сердце. Древняя Италія пробуждается въ твоемъ лицѣ, чтобы принять участіе въ этой послѣдней войнѣ, послѣ которой наступятъ свобода и счастье для всего человѣчества. Демократія сдѣлаетъ войну невозможной, и ни одинъ ребенокъ не родится черезъ сто лѣтъ лишь для того, чтобы стать добычей жадныхъ пушекъ!“

Въ одеждѣ конскрипта Руска оказался высокъ и строенъ; пряди черныхъ волосъ падали изъ-подъ фригійского колпака на его низкій лобъ; большие, близко поставленные другъ къ другу глаза раздѣляль короткій, прямой носъ, сильно изогнутая линія рта придавала лицу упорное, упрямое выраженіе. Солдаты скоро перестали дразнить его: онъ былъ слишкомъ молчаливъ и какъ-то странно серьезенъ. Все, что ему говорили, онъ понималъ изумительно быстро, какъ будто сразу проснулись всѣ дремавшія въ немъ семнадцать лѣтъ способности ума и воли.

Продолжительный маршъ въ Пьяченцу онъ совершилъ безъ всякой усталости. Стояли очень жаркие, томительные дни, дороги были полны отсталыми; солдаты кляли походъ, кляли Бонапарта, австрійцевъ, войну. Руска одинъ оставался бодрымъ, легкимъ, воодушевленнымъ. Взглядъ лейтенанта останавливался на немъ съ одобрениемъ. Этотъ несчастный лейтенантъ погибъ вскорѣ вмѣстѣ съ генераломъ Лагарпомъ во время ночной тревоги въ Кодоньо, вызванной набѣгомъ непріятельской кавалеріи. Руска самъ вырылъ ему могилу въ саду среди персиковыхъ деревьевъ, похожихъ на маленькия деревца свободы.

Въ день Лоди Франческо Руска былъ въ составѣ штурмующей колонны, которая ворвалась въ городъ. Въ узкихъ, кривыхъ улицахъ городка французы и австрійцы стрѣляли другъ въ друга въ упоръ, дрались штыками, прикладами. Остатки непріятельского полка разбрелись, пробуя укрыться въ домахъ. Франческо издалека увидѣлъ австрійского знаменосца, который поспѣшно сорвалъ знамя съ древка и сталъ грузно перелѣзать черезъ стѣну монастыря. Кинувъ прочь ружье и вытащивъ свой

старый ножъ пастуха и сына разбойника, Франческо бросился за нимъ. Тамъ, на стѣнѣ, на которой одно мгновеніе они оба сидѣли верхомъ, лицомъ другъ къ другу, Франческо ударилъ австрійца ножомъ въ горло и выхватилъ у него изъ рукъ черное и желтое знамя съ императорскимъ орломъ, залитое горячей кровью. Затѣмъ онъ скочилъ внизъ, повязалъ окровавленную ткань вокругъ талии и побѣжалъ къ берегу Адды.

Первый эпизодъ боя при Лоди окончился. На берегу рѣки генералы и самъ Бонапартъ собирали знаменитую „адскую“ колонну, которая должна была перейти широкій и низкій мостъ безъ периль въ виду выстроившейся на противоположномъ берегу, какъ для парада, австрійской арміи. Адьютанть Ожеро, полковникъ Монфанонъ, замѣтилъ въ группѣ солдатъ молодаго черноволосаго конскрипта, безъ шапки и безъ ружья, испачканного кровью и перевязанного черно-желтымъ знаменемъ. Онъ подозвалъ его и, приказавъ ему слѣдовать за собой, подвелъ къ группѣ генераловъ.

— Гражданинъ-генераль,—сказалъ онъ громко,— вотъ первое знамя твоей сегодняшней побѣды.

Прямо передъ собой Руска увидѣлъ блескъ сѣрыхъ глазъ и ласково улыбающійся ротъ Бонапарта. Генераль положилъ ему на плечо маленькую руку. „Гдѣ же твое ружье?“ спросилъ онъ шутя и, не дожидаясь отвѣта добавилъ, слегка толкнувъ его: „Впрочемъ, оно тебѣ больше не нужно. Иди, ты—офицеръ“. Съ крестьянскимъ недовѣріемъ отдалъ Руска свое окровавленное знамя въ руки полковника Монфанона. Въ послѣдовавшей затѣмъ атакѣ онъ думалъ только о томъ, какъ бы не потерять изъ виду его высокую треугольную шляпу,

къ развѣвающимъ перьямъ которой была, какъ ему казалось, прикреплена теперь сама таинственная и прекрасная судьба.

Думая единственно только объ этихъ перьяхъ, онъ перебѣжалъ знаменитый Лодійскій мостъ подъ градомъ пуль и картечи, не колеблясь сталкивая въ воду раненыхъ, которые могли загородить ему дорогу. Несмотря на это онъ все-же потерялъ въ толпѣ блестящаго и наряднаго молодого полковника и нашелъ его лишь къ концу дня, занятаго пересчитыванiemъ плѣнныхъ, длинной вереницей спускавшихся на мостъ. У Франческо было такое твердое, упорное, почти злое выраженіе лица въ ту минуту, что легкомысленный и податливый Монфанонъ не то приказалъ, не то предложилъ ему оставаться въ числѣ офицеровъ-ординарцевъ Ожеро.

Въ штабѣ Ожеро Франческо Руска завелъ себѣ лошадь и сталъ носить треугольную шляпу. Онъ былъ исполнителенъ и храбръ, но товарищи мало любили его за то, что онъ никогда не смеялся. Вздорный и болтливый Ожеро, глядя на него, выдумалъ однажды цѣлую исторію, изъ которой слѣдовало, что Руска былъ незаконнымъ сыномъ архіепископа Кремонскаго и невѣдомой герцогини, познавшимъ истину якобинства въ хижинѣ бѣднаго савойскаго угольщика. Такъ какъ никто болѣе не помнилъ, откуда онъ взялся, то многіе этому вѣрили. Заnimъ утвердилась кличка „каноника“.

Онъ сражался при Кастильоне и Арколе, получивъ чинъ капитана, а когда, въ началѣ 1797 года, Ожеро былъ посланъ въ Парижъ, чтобы представить Директоріи знамена сдавшейся Мантуй, онъ былъ назначенъ въ числѣ прочихъ сопровождать генерала, быть-можетъ, чтобы показать парижанамъ

примѣръ „союзника и гражданина транспаданской республики“. Директорія произвела его въ полковники, заставивъ предварительно выслушать въ торжественной церемоніи длиннѣйшія рѣчи со ссылками на героевъ классической древности, въ которыхъ онъ не понялъ ни слова. Парижъ встрѣтилъ его какъ троумфатора.

„Каноникъ“ быстро пріобрѣлъ широкую славу въ игорныхъ залахъ Пале-Рояля и у вакхическихъ дамъ Директоріи. Фортуна картъ повиновалась ему сразу, признавъ въ немъ прирожденного игрока. Женщины сходили съ ума по вполнѣ достойномъ своего отца сынѣ старого бандита Руска. Его первобытная и дикая юность казалась опьяниительно свѣжей, какъ внезапно воскресшая юность всего героического и древняго міра. Разсказывали, что знаменитая Ла-Фейдо рѣшительно похитила его и пятнадцать дней держала въ своемъ загородномъ павильонѣ, жарко натопленномъ и уставленномъ лавровыми и лимонными деревьями, отдѣливъ его при помощи плотно запертыхъ дверей отъ ревнивыхъ взглядовъ соперницъ и освободивъ отъ какихъ бы то ни было одеждъ, въ которыхъ онъ совершилъ свои военные подвиги.

Къ этимъ подвигамъ Руска не слишкомъ спѣшилъ вернуться. Онъ мало огорчился, когда Ожерона отрѣзъ отказался взять его съ собой въ рейнскую армію. Руска быстро утѣшился выигрышемъ нѣсколькихъ битвъ на карточныхъ столахъ Пале-Рояля и нѣсколькими новыми побѣдами въ установленныхъ „античной“ мебелью салонахъ. Уже немного прискучившій всѣмъ шумъ военной славы сталъ слабо доходить вскорѣ изъ далекаго Египта. Мѣсяцы пролетали одинъ за другимъ среди удо-

вольствій и денежныхъ дѣлъ: Руска вступилъ въ весьма прибыльное товарищество для поставки на армію конской амуниціи.

Весной 1799 г. на него обрушилось нѣсколько несчастій. Онъ проигрался дотла; темныя личности, съ которыми онъ вступилъ въ прибыльную компанію, обокрали его; онъ заболѣлъ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ и, отказавшись по болѣзниѣ хать въ армію, былъ вычеркнутъ изъ списковъ военнаго министерства. Въ теченіе лѣта его дѣла шли все хуже и хуже, и съ наступленіемъ осени онъ былъ близокъ къ полному отчаянію. Съ его худыхъ щекъ не сходили теперь два яркихъ красныхъ пятна, и въ глазахъ его былъ блескъ голода и преступленія.

Въ одинъ ненастный ноябрьскій вечеръ онъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ въ дымной игорной залѣ Пале-Рояля и раздумывалъ, слѣдуетъ ли ему сдѣлаться тайнымъ агентомъ роялистовъ или попытаться убить и ограбить одного изъ знакомыхъ ему богатыхъ игроковъ. Во вновь вошедшемъ въ комнату высокомъ и стройномъ гостѣ онъ узналъ полковника, нынѣ генерала, Монфранона, недавно вернувшагося вмѣстѣ съ Бонапартомъ изъ Египта. Монфранонъ не былъ въ генеральскомъ мундирѣ; онъ не собирался играть; въ тотъ вечеръ онъ искалъ по всѣмъ притонамъ Парижа офицеровъ бывшей Италійской арміи. Увидѣвъ и узнавъ „каноника“ Руска, онъ, послѣ минутнаго колебанія, подошелъ къ нему и отвелъ его на площадку лѣстницы, где бесѣдовалъ съ нимъ полчаса.

Въ результатѣ этой бесѣды Руска сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ 18-го брюмера. Если бы ему приказали, онъ перестрѣлялъ бы какъ

куропатокъ народныхъ представителей, разбѣгавшихся въ своихъ туфляхъ съ пряжками по мокрымъ аллеямъ Сенъ-Клу! Такое крайнее его усердіе не понадобилось, но оно было оцѣнено, и онъ былъ представленъ Первому Консулу. Въ кампанію 1800 г. онъ вступилъ полковникомъ въ штабъ резервной арміи.

Сколько другихъ кампаній совершилъ Руска въ своей гладкой отнынъ, блестящей и героической карьерѣ! Итальянскіе „кастелли“, нѣмецкіе городки, тирольскія деревушки съ красными крышами смѣнялись передъ нимъ безконечной чередой. Возникали поля битвъ, прорѣзанныя рѣками, названія которыхъ исчезали изъ памяти на слѣдующій же день. Мелькали одинаково неподвижныя лица баварскихъ, ломбардскихъ, голландскихъ и богемскихъ крестьянъ, одинаково испуганныя лица свѣтловолосыхъ или черноволосыхъ женщинъ. На ночлегахъ пѣнилось пиво или краснѣло вино въ походныхъ стаканахъ, трещали на вертелѣ традиціонные гуси, возбуждая волчій аппетитъ и бесѣды, безконечные толки о наградахъ, о повышеніяхъ, о капризахъ Наполеона и бездарности его маршаловъ, о незаслуженныхъ удачахъ и вѣчныхъ несправедливостяхъ.

Произведенный послѣ Аустерлица въ бригадные генералы, Руска прославился своимъ искусствомъ и неумолимостью въ дѣлѣ взиманія контрибуцій. Онъ наказалъ плетьми двухъ лукавыхъ швабскихъ бургомистровъ и едва не повѣсили на деревѣ какого-то слишкомъ неуступчиваго финансового совѣтника въ Штиріи. Зато, будучи губернаторомъ въ Спалато, онъ оказался щедръ и великодушенъ. Онъ устроилъ великолѣпное праздне-

ство въ классическомъ родѣ на развалинахъ дворца Діоклетіана, при чёмъ самъ исполнялъ роль юнаго, но преисполненнаго мудрости Нумы Помпилія, тогда какъ прекрасная графиня Нани, жена бывшаго венецианскаго провведитора, была Рей Сильвіей.

Послѣ Ваграма онъ былъ произведенъ въ диви-
зіонные генералы и женился на Мартѣ д'Эгіеръ,
которая принесла ему въ приданое помѣстье того
же имени въ Провансѣ, близъ Авиньона. Пожа-
лованный въ бароны Имперіи, онъ принялъ титулъ
барона д'Эгіеръ. Онъ не былъ участникомъ похода
въ Россію, оставаясь съ Мармономъ въ Испаніи.
Но онъ продѣлалъ всю несчастную кампанію
1813 года, и при Лейпцигѣ былъ раненъ, а его
дивизія была изрублена вюртембергцами и раз-
стрѣляна саксонцами, внезапно передавшимися на
сторону врага. Съ подлиннымъ восторгомъ при-
вѣтствовалъ онъ императора въ послѣдній день
его европейской славы, при Ганау, но ужасный
походъ 1814 года истребилъ въ немъ всѣ источ-
ники энтузіазма. Больной, измученный, павшій ду-
хомъ, генераль безъ солдатъ, онъ машинально
слѣдовалъ за штабомъ Наполеона, снова, какъ во
времена своей юности, боясь только отиться,
чтобы не умереть отъ лишеній. Вѣсть объ отре-
ченіи императора онъ встрѣтилъ съ полнѣйшимъ
равнодушіемъ и вѣсть о мирѣ — съ радостнымъ
облегченіемъ. Удивило его лишь извѣстіе о возвра-
щеніи Божіей милостью короля Людовика XVIII.
По его глубокому убѣжденію, всѣ короли и
всѣ Людовики были давно казнены во Франціи.
Искреннее удивленіе барона д'Эгіера доставило
нѣсколько веселыхъ минутъ печальной главной
квартирѣ.

Онъ призналь однако подлинное существованіе Людовика, когда получилъ вмѣстъ съ отставкой предписаніе отправиться въ свое помѣстье Эгіеръ и жить тамъ безвыѣздно. Съ чувствомъ выздоравливающаго отъ какой-то странной и долгой болѣзни смотрѣлъ онъ на низкія поля и оливковыя рощи Прованса. Все было здѣсь до такой степени чужимъ для него и неизвѣстно откуда явившимся, что ему казалось цѣлые дни, будто онъ спить, не просыпаясь. Чужими и также слышащимися только во снѣ казались ему голоса дѣтей и плачъ жены, тоскующей о Парижѣ. Осеню онъ сталъ многоѣздить верхомъ, охотиться, проводя долгіе вечера у камина въ полномъ бездѣйствіи и неподвижности, вызывая этимъ у Марты д'Эгіеръ досаду и презрѣніе. Въ то же время онъ сильно привязался къ мѣстному курѣ Аんсельми, человѣку безхитростному и деревенскому. Этотъ курѣ напоминаль ему лицомъ до крайности дона Феличе его дѣтскихъ дней, хотя не быль никакъ похожъ на него нравомъ.

Сидя у камина или проѣзжая верхомъ среди оливковыхъ рощъ, Франческо Руска быль такъ погруженъ въ свои бесконечныя воспоминанія, и эти воспоминанія были такъ ярки и неотвязны, что настоящее казалось ему лишь блѣдной минутой его жизненного вѣка. Въ самый тихій вечеръ ему слышались отдаленные пушечные выстрѣлы, и ночью ему не даваль заснуть воображаемый скрипъ и грохотъ движущихся одна за другой по шоссе военныхъ повозокъ. Это прошлое, о которомъ онъ теперь такъ много думалъ, казалось ему уже не тѣмъ, какимъ оно было когда-то. Не тѣ были битвы, не тѣ были лица товарищѣй, не

тъ чувства. Онъ самъ, столько разъ видѣвшій подлинную войну, сталъ видѣть ее теперь такъ, какъ видѣли ее люди, знаяшіе ее лишь по картинамъ художниковъ. Ему рисовались красивые, правильные клубы дыма, развѣвающіяся знамена, героические жесты. Возвращаясь однажды на закатъ солнца домой, онъ остановился и долго глядѣть на груды облаковъ, скопившихся на западѣ, пронизанныя солнечными лучами и окаймленныя золотой полоской. Ему чудились тамъ дымы битвъ, тѣни героевъ, лучи и золото славы. Казалось, онъ понялъ теперь только впервые, что такое та слава, о которой столько разъ когда-то читалъ, зѣвая, въ приказахъ Наполеона.

Въ началѣ марта 1815 года Руска получилъ письмо, извѣщавшее его о бѣгствѣ Наполеона съ Эльбы и о движеніи его на Парижъ. Еще не дочитавъ всего до конца, онъ приказалъ закладывать лошадей въ дорожную карету. Затѣмъ онъ пошелъ на половину жены проститься. Марта д'Эгіеръ сидѣла въ креслѣ и вышивала; дѣти играли возлѣ нея на коврѣ. Она не оглянулась при его появлѣніи, а онъ, едва войдя въ комнату и сказавъ ей, что уѣзжаетъ на нѣсколько дней, повернулся и послѣдно вышелъ. Къ вечеру онъ уже вѣзжалъ въ городокъ, гдѣ долженъ былъ переѣхать черезъ Рону.

Узкія улицы городка были полны возбужденной толпой. Слухи о появлѣніи Наполеона привели въ волненіе его роялистическихъ гражданъ. Бѣлые кокарды виднѣлись повсюду, и ни одинъ изъ отпущеныхъ по домамъ солдатъ императора еще не рѣшался надѣть трехцвѣтную ленту. Когда карета барона д'Эгіера медленно громыхала по узкимъ

улицамъ, направляясь къ постоялому двору, въ дверцу ея просунулось и закивало любопытное и довольноное лицо кюрэ Ансельми. Для него, среди деревенской скуки, все это оживленіе было пріятнымъ и неожиданнымъ развлечениемъ. Жадный до новостей, онъ поспѣшилъ подѣлиться со всѣми своими многочисленными знакомыми новостью о внезапномъ прибытии генерала барона д'Эгера.

Часъ спустя, когда уже стало темнѣть и когда Руска сидѣлъ при зажженныхъ свѣчахъ въ залѣ гостиницы и ужиналь, дождаясь пока перепрягутъ лошадей, передъ „Золотой Лиліей“ собралась значительная толпа. Съ удивленіемъ Руска прислушивался къ ея говору и къ отдельнымъ доносившимся до него крикамъ: „Смерть корсиканцу! Смерть убійцѣ короля Людовика XVII! Смерть члену конвента и приспѣхнику Робеспьера!“ Со звономъ упали два стекла, разбитыя камнями. Руска отодвинулъ тарелку и всталъ. Блѣдный хозяинъ „Золотой Лиліи“ вѣжаль въ комнату и объявилъ, что толпа требуетъ выдачи генерала и немедленнаго суда надъ нимъ, „какъ надъ участникомъ поизорного конвента и пособникомъ негоднаго Робеспьера“. Руска пожалъ плечами, спросилъ, плотно ли заперты входныя двери, и, вспомнивъ тѣ прекрасныя рѣчи, которыя онъ говорилъ когда-то „народамъ Спалато“, рѣшительно вышелъ на балконъ. Толпа притихла. „Что вамъ нужно?—сказалъ онъ.—Я не сдѣлалъ никому никакого зла. Я не былъ членомъ конвента и никогда не зналъ Робеспьера. Въ тѣ дни я былъ далеко отсюда“, добавилъ онъ и невольно пріостановился. Камень, брошенный какимъ-томъ мальчикомъ, попалъ ему прямо

въ грудь, и крики толпы возобновились съ прежней яростью. Руска махнулъ рукой и вернулся въ комнату.

Спустя нѣкоторое время толпа стала рѣдѣть; явился жандармъ съ извѣщеніемъ отъ городскихъ властей, что хотя онъ и ручаются за безопасность и неприкосновенность генерала барона д'Эгіера, но считаютъ въ то же время невозможнымъ его выѣздъ изъ города безъ особаго на то разрѣшенія. Руска презрительно усмѣхнулся и, взглянувъ въ окно на опустѣвшую уже улицу, объявилъ хозяину и своимъ слугамъ, что выѣдетъ изъ города на разсвѣтъ.

Поздно вечеромъ къ нему въ комнату ворвался взволнованный кюрэ Ансельми и сталъ убѣждать его, что жизнь его въ опасности, что самые отчаянныя заговорщики остались караулить его на всю ночь, что единственный способъ спастись, это—немедленно бѣжать, переодѣвшись въ платье священника, назадъ въ Эгіерь и тамъ забыть объ участіи въ безумной попыткѣ Наполеона. Руска выслушалъ его внимательно, но отказался. Кюрэ истратилъ напрасно весь скромный запасъ своего деревенского краснорѣчія. Генералъ обнялъ его и простился съ нимъ почти насильно. Оставшись одинъ, онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Мысли тѣснились въ его умѣ; ему стало душно, онъ скинулъ сюртукъ, и его рубашка бѣлѣла, освѣщенная слабо горѣвшей свѣчой.

Вскорѣ послѣ полуночи онъ услышалъ осторожные шаги въ коридорѣ. Взявъ пистолеть, онъ смѣло подошелъ къ двери и распахнулъ ее. Двѣ или три тѣни шарагнулись въ сторону.—„Кто

здесь?" спросилъ онъ и сталъ поднимать пистолеть, но въ ту же минуту раздался выстрѣлъ, направленный ему въ сердце.

На другое утро толпа кинула тѣло Франческо Руска въ быструю и мутную Рону.

ЭНКАРНАСОНЪ.

(Эпизодъ войны въ Испані.)

Намъ трудно привыкнуть къ мысли, что Стэн达尔ъ занималъ нѣкогда маленькую интендантскую должность въ арміи Наполеона. Но это, быть-можеть, показываетъ только, какъ неполны наши представлія о людяхъ той уже далекой эпохи. Наше признанное и неоспоримое превосходство надъ ними въ иныя минуты кажется все же довольно спорнымъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ о войнѣ въ Испаніи 1809—1813 гг.“ Антуанъ Фе разсказываетъ, какъ имъ былъ подобранъ однажды на полѣ сраженія потерянный невѣдомымъ мудрецомъ томикъ Монтэня. Въ Хересѣ тотъ же Фе встрѣтилъ обознаго лейтенанта, читавшаго ему свою комедію „Бракъ Мольера“ и свои элегіи. Самъ Фе переводилъ въ походѣ Лукреція, Камоэнса, Аристо и писалъ классической трагедіи, о которыхъ мы, впрочемъ, не жалѣемъ, читая очаровательную книгу воспоминаній этого скромнаго военнаго фармацевта. Стэн达尔ъ и его жизненные обстоятельства становятся намъ сразу болѣе понятны! Мы видимъ какъ бы его роднаго брата въ этомъ Антуанѣ Фе или въ другомъ „военному фармацевту“, вмѣстѣ съ

которымъ Фе жилъ въ 1809 году у донъя Хуаны Эчеварія, на calle de los Remedios въ Мадридѣ. „Огюстъ Девержи,—пишеть авторъ воспоминаній,—быль моего возраста, моего роста, и среди блондиновъ онъ быль тѣмъ, чѣмъ быль я среди брюнетовъ. Въ страстиахъ онъ обнаруживалъ больше энергіи, и ему не всегда удавалось умѣрить ихъ силой своего разсудка. Онъ любилъ искусство и говорилъ о немъ очень хорошо; онъ писаль съ большой легкостью и даже изяществомъ. Онъ сочинялъ прекрасные стихи и декламироваль съ пониманіемъ отличнаго актера; кромѣ того, онъ быль музыкантомъ и слылъ среди насъ всегда веселымъ и остроумнымъ гостемъ“. Этотъ привлекательный образъ дополняеть нѣсколько ослѣпительная холодность, проявленная нашимъ героемъ въ одномъ, опущенномъ у Фе, эпизодѣ войны въ Испаніи,—въ эпизодѣ съ Энкарнасьонъ

На пути въ Севилью Огюстъ Девержи отсталъ отъ своего транспорта. Его слуга, по всѣмъ признакамъ—бѣглый солдатъ, баварецъ, внезапно бросиль его въ маленькой деревушкѣ, уведя съ собой лошадь и мула, нагруженного чемоданами. Положеніе Девержи сдѣлалось затруднительнымъ, хотя и не слишкомъ опаснымъ: инсургенты рѣже встрѣчались на дорогахъ Андалузіи, чѣмъ на дорогахъ Старой Кастиліи. Проклиная слугу, но жалѣя въ сущности только свои пистолеты, свои бритвы и свои неоконченныя рукописи, Девержи продолжалъ путь пѣшкомъ. Его больная еще съ Мадрида нога разболѣлась окончательно, и онъ еле при-

брель поздно вечеромъ въ Андухаръ, залитый бѣлымъ свѣтомъ яркой луны, сіявшей надъ широкой и пустынной улицей.

Ему не безъ труда удалось найти алькаада и получить отъ него билетъ на квартиру. На этомъ билетѣ онъ прочелъ при свѣтѣ луны название улицы и имя донъ Эстевана Караско. Это же имя онъ увидѣлъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, у желанной двери ночлега, съ присоединеніемъ званій „медика, хирурга, кровопускателя, зубоудалителя и акушера“. Девержи прочиталъ всѣ эти титулы, шевельнуль распухшой ногой, поморщился, усмѣхнулся и сталъ громко стучаться.

Заспанный донъ Эстеванъ, оказавшійся маленькимъ, сухимъ старичкомъ, самолично отворилъ дверь и съ равнодушіемъ привычнаго къ военнымъ постоямъ человѣка, живущаго въ 1811 году на большой дорогѣ изъ Мадрида въ Севилью, проводилъ его въ большую освѣщенную луной комнату. Не попросивъ даже ъсть и пить, не раздѣваясь, Девержи бросился на кровать. Онъ не заснулъ однако сразу отъ жара и боли въ ногѣ, отъ душнаго и сладкаго запаха сушившагося въ углу шафрана. Инстинктивно онъ всталъ, нащупалъ другую дверь и вышелъ въ садъ. Здѣсь ему пахнуло въ лицо невыносимо сильнымъ ароматомъ апельсинныхъ цвѣтовъ, розъ, олеандровъ, глициній. Задыхаясь, онъ свернуль въ траву, но и тамъ крѣпко благоухали раздавленные его ногой тминъ, шалфей, мята и лаванда. Внизу слабо журчала скучная водой рѣчка. Онъ добрался до нея и сѣлъ на камень, съ удовольствіемъ вдыхая свѣжесть и влагу. Здѣсь, не имѣя силъ встать, онъ забылся и продремалъ до разсвѣта.

На другой день донъ Эстеванъ перевязалъ ему больную ногу, болтая съ крайнимъ оживленіемъ по-испански и по-французски. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ Наполеона, пламеннымъ afrancezado, поклонникомъ Вольтера и конституціи. Онъ уложилъ гостя на три дня въ постель. Тотъ соскучился однако лежать уже черезъ нѣсколько часовъ и отправился на поиски вѣчно прохладной воды, хранящейся въ пористыхъ глиняныхъ alcarras.

Во внутреннемъ дворикѣ онъ наткнулся на двухъ закутанныхъ съ головой въ ветхія кружева, бѣдно одѣтыхъ женщинъ. Безъ всякихъ церемоній онъ взялся рукой за покрывало одной изъ нихъ. „Имя Божье! Уберите руку, сеньоръ“,—вскрикнула она. Удивленный звукомъ ея голоса, онъ опустилъ руку. На порогѣ показался донъ Эстеванъ.

— Не пора ли оставить маскарадъ, дочка,—сказалъ онъ,—мусье Девержи—молодой ученый ботаникъ и мой гость.

Онъ обратился къ французу: „Моя дочь, Энкарнасьонъ,—увы, вдова капитана національныхъ войскъ, убитаго при Оканѣ“.—Девержи низко поклонился. Когда онъ поднялъ голову, онъ увидѣлъ на одно мгновеніе блескъ большихъ и томящихся глазъ Энкарнасьонъ, откинувшей покрывало, и почувствовалъ на своемъ лицѣ легкій вѣтеръ кружева, когда она скользнула въ дверь вслѣдъ за служанкой.

Такой короткой, минутной встрѣчи оказалось достаточно, чтобы Энкарносьонъ преступно и сумасбродно влюбилась въ свѣтловолосаго, высокаго и тонкаго, какъ дѣвушка, молодого француза. Вечеромъ въ тотъ день она сидѣла на своей постели, подперевъ рукой щеку. Передъ ней на колѣняхъ

стояла старая служанка. „Напиши ему записку, госпожа, какъ тому конному офицеру въ Бильбао, говорила она, смѣясь беззубымъ ртомъ.—Донъ Рамонъ крѣпко спитъ и никогда не проснется“,—прибавила она.

— Онъ—врагъ, Марикита,—сказала Энкарнасьонъ мрачно. Помолчавъ немнога, она спросила: „Марикита, къ чему война?“

— Еретики,—сказала старуха,—вѣрятъ во что-то, французы не вѣрятъ ни во что, и оттого они во сто разъ хуже еретиковъ. Ихъ Наполеонъ—самъ сатана; они пьютъ кровь маленькихъ дѣтей и бросаются въ колодцы монахинь; они смѣются надъ Богомъ, Его святыми и чистилищемъ.

— Вздоръ,—спокойно сказала Энкарнасьонъ.—Видѣла ты хоть одного ребенка, убитаго здѣсь, въ Андухарѣ, гдѣ проходитъ столько французовъ; нашла ты хоть одну монахиню въ нашемъ колодѣ?

Энкарнасьонъ разсмѣялась. „А въ чистилище я вѣрю такъ же мало, какъ ты. Уйди, я знаю, что надо мнѣ дѣлать“.

На другой день Огюсть Девержи былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ въ скромной гостиной андухарскаго медика за стареньkimъ клавесиномъ нарядную и церемонную даму, съ достоинствомъ кивнувшую ему головой и пригласившую его сѣсть вполнѣ должностной французской фразой. По его просьбѣ Энкарнасьонъ сыграла и спѣла ему нѣсколько андалузійскихъ романсовъ. Онъ слушалъ ее, облокотившись на клавесинъ съ небрежностью моднаго эстампа. „Ахъ, мадамъ,—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, благодаря ее и цѣлуя ей руку,—такъ сладко и такъ грустно почувствовать себя у васъ совсѣмъ какъ въ Парижѣ“.

„Ты не можешь себѣ представить,—писалъ не-
ѣлю спустя Девержи своему другу,—какъ мнѣ
было пріятно встрѣтить здѣсь въ глухи Андалузіи
кое-какіе начатки образованности и современныхъ
понятій. Моя нога заживаетъ съ трудомъ, меня
кормятъ плохо и поять какимъ-то ужасно крѣпкимъ
и мутнымъ пойломъ, мой донъ Эстеванъ—изряд-
ный, видимо, плутъ и лицемѣръ, но я все-же чрез-
вычайно обязанъ ему за одну вещь. Ты знаешь,
какъ вѣчно томился я безъ порядочныхъ книгъ въ
нашихъ скитаніяхъ. Недавно мнѣ приснилось даже,
будто я вхожу въ отличную, богатую библіотеку,
гдѣ такъ славно пахнетъ мышами и старой кожей.
Я рассказалъ свой сонъ хозяину. *Sueno engano*,—
сказалъ онъ и лукаво улыбнулся. Вечеромъ онъ
попросилъ меня выйти съ нимъ изъ дома. Мы
прошли нѣсколько кварталовъ и очутились у двери,
которую онъ отперъ ключомъ. Мы поднялись по
лѣстницѣ пустого дома, и тамъ на чердакѣ—
о, чудо!—меня ожидали двѣ тысячи французскихъ,
итальянскихъ и латинскихъ томовъ, оставленныя
бѣднымъ вольнодумцемъ, котораго увѣли въ горы
эти разбойники. Донъ Эстеванъ спасъ и спряталъ
эту библіотеку Богъ знаетъ съ какими цѣлями.
Тебѣ, конечно, нечего говорить, что я вышелъ
оттуда съ нѣсколькими связками.

Что касается моей красавицы, то сближеніе наше
шло быстро, быстрѣе, можетъ быть, чѣмъ было
бы нужно для чести прекрасной Энкарнасьонъ,
Испаніи и всего женского пола. Ари въ гостиной,
долгія бесѣды въ *patio*, уединеніе въ саду, гдѣ
поцѣлуи кажутся сладкими и горькими, какъ запахъ
всѣхъ этихъ необычайныхъ цвѣтовъ,—ахъ, милый
другъ, какъ дика и опасна моя Энкарнасьонъ въ

эти минуты въ саду и какъ неприступна и разсудительна она за чашкой шоколада и стаканомъ ледяной воды въ patio! Иногда меня чертовски забавляетъ разыгryваемая нами комедія, иногда я самъ немного схожу съ ума. Послушай исповѣдь моего послѣдняго сумасбродства. Вчера съ утра дулъ этотъ проклятый горячій вѣтеръ. Все въ домѣ стучало, гудѣло, визжало, хлопало. Съ раздражениемъ я нѣсколько разъ бросаль въ сторону книгу, начатое письмо, задуманное стихотвореніе. Мелкій песокъ проникалъ сквозь всѣ щели дверей и оконъ; стояль необыкновенный зной. Нашъ домъ казался вымершимъ, опустѣлымъ. Я вышелъ напиться воды въ patio, гдѣ запахъ голубаго жасмина сдѣлался для меня нестерпимымъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, я сталъ подниматься по лѣстницѣ. Донъ Эстеванъ встрѣтился со мной на площадкѣ. Хотя мы съ нимъ еще не видѣлись съ самаго утра, онъ не остановился, не поздоровался и лишь взглянуль на меня угломъ глаза. Въ этомъ взглядѣ мнѣ почудилась ненависть, мнѣ ясно представилось, что онъ хочетъ убить меня. Я быстро обернулся, готовый схватить его за горло. Но онъ продолжалъ спускаться, и я побрель далѣе. Служанка проскользнула мимо меня въ коридорѣ, она смѣялась беззубымъ ртомъ и кивала мнѣ насосѣднюю дверь. Я грубо толкнулъ эту дверь. Въ горячемъ полусумракѣ комнаты я увидѣлъ прежде всего брошенное въ дикомъ беспорядкѣ на поль нарядное платье. Энкарнасьонъ, совершенно нагая, какъ будто дожидалась меня. Но я долженъ умолкнуть здѣсь, чтобы не скомпрометировать окончательно даму“.

Черезъ нѣсколько днѣй, когда садившееся въ горахъ солнце бросало свой единственный и тонкій, какъ стрѣла, лучъ сквозь щель въ закрытой съ утра спальни Энкарнасьонъ, старая Марикита говорила шопотомъ своей госпожѣ, лежавшей безъ движенія лицомъ къ стѣнѣ: „Ты несчастлива, дочь моя? Онъ уѣзжаетъ, онъ купилъ вчера мула на рынкѣ и нанялъ слугу. Смягчись сердцемъ, дитя мое, и помолись, чтобы тѣнь донъ Рамона не открыла тебѣ врата ада“. Энкарнасьонъ рѣзко двинулась и привстала. „Адъ во мнѣ и кругомъ меня,—крикнула она.—Будь проклята ты съ твоими бреднями и съ этимъ хитрымъ старикомъ, который называется моимъ отцомъ, и съ этимъ старымъ домомъ, и съ этимъ ничтожнымъ городишкомъ, и съ этими горами, и съ этой рѣкой! Я погребена заживо въ жалкой странѣ нищихъ, воровъ, монаховъ и погонщиковъ муловъ. Кости всѣхъ, кого я любила, развеяны войной по дорогамъ Испаніи. Годы,—не дни, а годы несчастій, годы слезъ и траура. Бѣдная Энкарнасьонъ!“

Было уже почти темно, когда Огюсть Девержи встрѣтилъ Энкарнасьонъ передъ внутреннимъ входомъ, гдѣ бѣлые камешки чертили на мозаичномъ полу надпись: Ave Maria Purissima. Опустивъ на мгновеніе къ этимъ словамъ свои томящіеся глаза, Энкарнасьонъ рѣшительно вскинула ихъ на француза и сказала: „Прощайте!“ Онъ слегка вздрогнулъ и взялъ ее за руку. „Я возвращусь, Энкарнасьонъ,—нѣжно началъ онъ.—Меня призываетъ вѣрность долгу и знамени!..“ Энкарнасьонъ рѣзко выдернула свою руку. Онъ едва видѣлъ теперь въ сумеркахъ ея лицо. Желая разглядѣть его, онъ нагнулся къ ней совсѣмъ близко. „Счастье этихъ немногихъ

дней,—началь онъ шопотомъ, но вдругъ остановился и отскочилъ назадъ, пораженный тяжелымъ презрѣніемъ, лившимся на него изъ чужихъ и вражескихъ глазъ. Энкарнасьонъ повернулась и медленно ушла.

Пройдя въ свою комнату, Девержи испыталъ жуткое чувство одиночества. Онъ зажегъ свѣчу и поглядѣлся въ зеркало. Собственное лицо показалось ему блѣднымъ, вытянутымъ и непріятнымъ по выраженію. Желая отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, онъ зашагалъ назадъ и впередъ, насыпывая бравурную арію. Внезапная мысль пришла ему въ голову: вмѣсто того, чтобы дожидаться утра, не лучше ли теперь же перебраться на постоянный дворъ, гдѣ ждали его муль и слуга, и отправиться въ путь съ разсвѣтомъ, минуя чувствительныя сцены прощанія съ гостепріимнымъ хозяиномъ и разлуки со слишкомъ требовательной красавицей. Девержи пріобрелся, весело и безшумно собирая свой небольшой дорожный мѣшокъ. Вынувъ кошелекъ и подумавъ минуту, онъ бросилъ на столъ нѣсколько наполеондоровъ. Затѣмъ онъ открылъ окно и соскочилъ въ садъ. Было тихо, очень темно, трещали цикады; вверху сильно мигали крупные звѣзды. Перелѣзая со своимъ мѣшкомъ черезъ стѣну, Девержи задѣлъ большую вѣтку глициніи, которая осыпалась на него дождемъ. Онъ съ досадой поморщился отъ этого послѣдняго приключенія душной андалузійской ночи.

Онъ снова попалъ въ Андухаръ лишь годъ спустя, во время отступленія французовъ изъ Андалузіи. Отступленіе это совершилось нѣсколько поспѣшно и беспорядочно. Стояла страшная жара, люди и лошади выбивались изъ силъ. Отступавшіе

попадали въ руки инсургентовъ, которые не жалѣли ни людей, ни животныхъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, черезъ которые проходила армія, жители совершили явно враждебныя дѣйствія, зная, что на нихъ некогда отвѣтить даже жестокостью.

Штабъ дивизіи, гдѣ служилъ Деверже, миновалъ Андухаръ благополучно. Герой нашего разсказа былъ оставленъ съ двумя конными егерями выручать повозку санитарного обоза, застрявшую на городской окраинѣ. Онъ убѣдился однако очень скоро, что ее придется бросить, и сталъ догонять свой обозъ рысью, задыхаясь въ облакахъ пыли, сквозь которыхъ виднѣлось бѣлое раскаленное солнце. Улица показалась ему знакомой. Онъ увидѣлъ доску медика и рѣзко остановилъ лошадь. Солдаты сдѣлали то же, поглядывая на него съ любопытствомъ. Нѣсколько темныхъ фигуръ, жившихся у пороговъ, наблюдали за нимъ съ вниманиемъ. Не замѣчая ничего, Девержи переводилъ духъ и глядѣлъ въ окна. Въ одномъ окнѣ онъ увидѣлъ женскую фигуру. „Энкарнасьонъ!—крикнулъ онъ.—Вы позабыли меня? Ради прежнихъ дней, ради вашей красоты, ради всѣхъ испанскихъ святыхъ—стаканъ холодной воды мнѣ и моимъ солдатамъ!“ Ему показалось, что фигура въ окнѣ сдѣлала движеніе. Онъ ждалъ и улыбался чернымъ отъ пыли лицомъ. Энкарнасьонъ показалась на порогѣ. Въ рукахъ у нея былъ пистолетъ; наведя его въ грудь Девержи, она выстрѣлила. Онъ инстинктивно ударилъ лошадь шпорами и поскакалъ прочь, не оглядываясь. Изъ оконъ домовъ, изъ-за стѣнъ, съ пороговъ посыпались выстрѣлы. Одинъ изъ конныхъ егерей упалъ въ пыль съ прострѣленнымъ сердцемъ.

„Ружья заговорили сами собой“,—такъ написано въ мѣстныхъ исторіяхъ, рассказывающихъ этотъ эпизодъ национальной войны. „Сигналъ къ благородному порыву гражданъ Андухара быль поданъ героической женщиной“. Эту героическую женщину уводила въ дальнія комнаты старая Марикита, въ то время какъ выскочившій на улицу донъ Эстеванъ прославлялъ подвигъ дочери и наступленіе новой эры для Андухара, возвращеннаго въ лоно благочестія, порядка и добрыхъ старинныхъ нравовъ.

СМЕРТЬ РУДИНА.

Ни для кого не тайна, что Рудинъ былъ лицо дѣйствительное. Внучатные племянники его здравствуютъ и понынѣ въ С* губерніи. Одному изъ нихъ, съ помощью семейныхъ преданій и документовъ, удалось возстановить обстоятельства, предшествовавшія смерти предка, трагически-кратко разсказанной Тургеневымъ. Печатаемое здѣсь представляетъ собой выдержки изъ этого интереснаго изслѣдованія.

Не послѣднимъ оказалось то путешествіе, которое Рудинъ совершилъ послѣ своей встречи съ Лежневымъ въ номерѣ С-кой гостиницы. Судьба еще однажды ему поблагопріятствовала. Въ недалекомъ разстояніи отъ деревеньки, гдѣ думалъ онъ окончить свои дни, поселилась въ богатомъ имѣніи семья князя Г*, разочарованного дворомъ, Петербургомъ и службой. Князь Г. былъ тучень тѣломъ, суровъ лицомъ, душой безобиденъ и слабъ; онъ проводилъ время въ праздности, предаваясь теченію мыслей безцѣльныхъ, докучливыхъ, не имѣющихъ ни начала, ни конца, какъ жужжаніе множества мухъ въ лѣтній день. Изнемогая отъ нихъ, онъ часто вздыхалъ, подолгу крестился вечеромъ и рано ложился спать.

Жена его, женщина дѣятельная и умная, вела хозяйство и воспитывала сына. Безъ сожалѣнія она разсталась съ Петербургомъ. Есть два разряда женщинъ: однѣ скучаютъ всегда и вездѣ, другія не умѣютъ скучать. Княгиня Надежда Петровна принадлежала къ послѣднему разряду. Единствен-но, что ея беспокоило, это образованіе сына. Вы-писаный изъ столицы гувернеръ-французъ увязъ въ весеннюю распутицу гдѣ-то на большой дорогѣ и, испугавшись С-кой грязи, бѣжалъ въ Москву. Происшествіе это предопредѣлило участъ Рудина. Проницательный взглядъ Надежды Петровны раз-личилъ въ немъ человѣка, которому можно было довѣрить воспитаніе Володи. Рудинъ былъ обла-сканъ ею и поднять на прежнюю свою высоту. Онъ сдѣлался частымъ гостемъ княгини, потомъ совѣтникомъ ея и наставникомъ молодого князя. Его пламенные рѣчи звучали сначала робко, по-томъ все смѣлѣ и смѣлѣ въ анфиладахъ заль и гостиныхъ. Тяжело дыша слушалъ его князь, тщет-но пытаясь собрать разбѣгавшіяся свои мысли; глаза Володи загорались энтузіазмомъ; Надежда Петровна была довольна. Въ началѣ лѣта Рудинъ вовсе оставилъ свою деревеньку и перебѣхалъ въ имѣніе князя.

Володѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ. Онъ обла-далъ душой привязчивой и чистой. Слова Рудина онъ впитывалъ въ себя такъ жадно, какъ губка вбираетъ воду. Голова его кружилась подчасъ отъ возвышенныхъ мыслей, и сердце колотилось въ груди отъ неизъяснимыхъ чувствъ. Иныя ночи онъ не спалъ напролѣтъ, измарывая листы бумаги, ко-торые сжигалъ послѣ тайкомъ въ печкѣ. Въ свою очередь Рудинъ полюбилъ его. Быть можетъ вто-

рой разъ въ жизни встрѣтился онъ съ подлиннымъ чувствомъ и откликнулся на него. Занятія и бесѣды ихъ перемежались съ прогулками въ старомъ саду, во время которыхъ, по молчаливому соглашенію, они не обмѣнивались ни единымъ словомъ, какъ будто давая своей душѣ прислушаться къ крѣпнувшей среди нихъ связи. Въ аллѣ липъ Рудинъ снималъ шляпу; сѣдые волосы густо покрывали его голову, еще красивую и одухотворенную. Съ нѣжной и разсѣянной улыбкой глядѣль онъ на стройнаго мальчика, шедшаго съ нимъ рука обь руку, полагая его своимъ сыномъ. За нѣсколькими ветхими дубами, гдѣ гнѣздились во множествѣ грачи, садъ внезапно оканчивался. Просыпалось поле, тянулись деревни. Здѣсь однажды старый и юный мечтатели кинулись другъ другу въ объятія, заплакали и дали вѣчный обѣтъ во взаимной вѣрности, въ любви къ человѣчеству, въ ненависти къ рабству.

Спустя два года, оставшихся счастливѣйшими въ жизни Рудина, здоровье князя потребовало заграничной поѣздки. Онъ сталъ еще болѣе тученъ тѣломъ, суровъ лицомъ и кротокъ душой. Онъ говорилъ еще рѣже и еще безсвязнѣе, и вздыхалъ еще чаще и продолжительнѣе. Неумѣвшая скучать Надежда Петровна крѣпилась, чтобы не разсердиться на вынужденный досугъ путешествія. Помолодѣвъ духомъ, вспоминая времена юности, Рудинъ прогуливался по тщательно выметеннымъ дорожкамъ моднаго нѣмецкаго курорта, положивъ руку на плечо выросшаго и возмужавшаго Володи.

Во время одной изъ такихъ прогулокъ онъ остановился какъ вкопанный, съ лица его сбѣжали немногія оставшіяся въ немъ краски, рука крѣпко

сжала плечо мальчика. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ шла Наталья Алексѣевна Волынцева; воспитательница катила за ней низкое кресло, гдѣ лежала хилая дѣвочка. За истекшіе годы Наталья Алексѣевна измѣнилась значительно: она была высока ростомъ, дѣвическая сутулость ея миновала. Профиль былъ твердо и сильно очерченъ, глаза глядѣли печально подъ тонкою чертою бровей; еще смуглѣе была ея кожа рядомъ съ узломъ черныхъ волосъ на затылкѣ и пестрой индійской шалью, наброшенной на плечи. Рудинъ снялъ шляпу, низко наклонилъ голову. Взглядъ Натальи Алексѣевны упалъ на него. Володя видѣлъ этотъ взглядъ: смущеніе вспыхнуло въ немъ на мигъ, смѣнившись гнѣвомъ, потомъ глубокой жалостью къ прошлому, думой о собственной жизни пошедшей путями мало счастливыми. Наталья Алексѣевна прошла мимо, не оборачиваясь; проскрипѣло дѣтское креслице по песку дорожки, оставивъ два узкихъ слѣда. Съ жаркимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ юноша вслѣдъ удалявшейся дамѣ.

Въ тотъ вечеръ, межъ двухъ сосенъ, испещренныхъ вырѣзанными девизами и пронзенными сердцами, въ развалинѣ которыхъ открывалась синѣющая долина, Рудинъ разсказалъ Володѣ грустную повѣсть своихъ прежнихъ лѣтъ. Многое въ ней было не тѣмъ, что мы о ней знаемъ. Мелодіи Шопена смѣнили въ этомъ разсказѣ скептическую прозу Тургенева. Володя прислушивался къ нимъ какъ очарованный, душа его волновалась, сладко ныла и замирала. Волшебные пейзажи любви впервые раскрылись передъ нимъ, и эту чужую и едва ли существовавшую любовь онъ ощутилъ какъ подлиннѣйшую и свою собственную.

Мысль о Натальи Алексеевне завладела отныне исключительно воображенiem юноши и его наставника. Тайна этой мысли соединила ихъ еще болѣе прочной связью. Рудинъ избѣгалъ новыхъ встрѣчъ, но старался, чтобы его присутствiе не было забыто. Ежедневно въ своихъ прогулкахъ Наталья Алексеевна видѣла красиваго мальчика, темные глаза котораго слѣдили за ней неотступно и лихорадочно. Она не сразу признала его, но вспомнила потомъ встрѣчу въ аллеѣ; ей стало жутко и холодно. Два или три раза она рѣзко и сердито отвертывалась, но скоро это заняло мѣсто въ монотонномъ ея существованіи. Она поймала себя однажды на томъ, что искала этотъ взглядъ среди вечерней толпы на музыкѣ и, найдя, помедлила на секунду опустить голову.

На слѣдующее утро, подойдя къ источнику и принимая кружку воды изъ рукъ говорливой нѣмки, Наталья Алексеевна была нервна и встревожена. Кто-то подошелъ сзади и остановился дожидаясь. Наталья Алексеевна оглянулась: мальчикъ ея встрѣчъ стоялъ передъ ней и протягивалъ ей письмо въ голубоватомъ конвертѣ. Дѣтское лицо его выражало неудержимое обожанiе. Наталья Алексеевна отшатнулась, нахмурилась, глаза ея взглянули строго, но рука упала безсильно, и губы не могли прошептать тѣхъ словъ укора, какiя надо было сказать. Плечистый и дурно одѣтый господинъ приближался къ нимъ; то быль ея мужъ. Съ сердитымъ непониманiемъ онъ наблюдалъ нѣмую сцену. Наталья Алексеевна ступила назадъ два-три шага, голубоватое письмо упало, Володя поднялъ его и поспѣшно скрылся.

На разспросы мужа Наталья Алексеевна не

отвѣчала ничего. Сергій Павловичъ Волынцевъ отяжелѣлъ и опустился съ годами. Молчаніе жены вызвало въ немъ на поверхность несложныя степнья чувства. Онъ не воздержался отъ браніи и угрозъ, потомъ раскаивался, цѣловалъ руки, пла-каль и жаловался на свое ничтожество, а вечеромъ, уйдя въ курсаль, выпилъ двѣ бутылки шампан-скаго и проигралъ три тысячи. Наталья Алексѣевна вздохнула съ облегченіемъ при его уходѣ. Ввезли ея больную дочь, и она припала къ ней сдер-живая рыданія. Дѣвочка расплакалась капризно и продолжительно. Лучъ блѣднаго нѣмецкаго солнца скользнулъ гдѣ-то вверху по бѣлой стѣнѣ гости-ночной комнаты и погасъ.

Въ эту-то равнодушную комнату съ невырази-мымъ трепетомъ, съ помошью замысловатыхъ и даже дерзкихъ ухищреній проникъ спустя два дня Володя, поддерживаемый непреклоннымъ желаніемъ передать во что бы то ни стало изъ рукъ въ руки драгоцѣнное письмо Рудина, гдѣ каждая строчка была известна ему и памятна до мелочей по дол-гимъ и пылкимъ предварительнымъ обсужденіямъ. Онъ всталъ у окна и ждалъ; сердце его билось такъ сильно, что онъ придерживалъ его обѣими руками. Отворилась дверь, Наталья Алексѣевна вошла и поставила на столъ зажженную свѣчу. Она была одна, но мало испугалась, когда Володя вышелъ изъ тѣни занавѣски. Эти дни она все время чего-то ждала. „Простите меня“, началъ онъ — „я не зналъ какъ... Умоляю васъ взять письмо. Оно отъ Дмитрія Николаевича Рудина. Онъ ждетъ, онъ проситъ“... Володя остановился.— „Отъ Рудина“... повторила машинально и холодно Наталья Алексѣевна. Ей сдѣлалось странно: какъ могла она

позабыть всѣ эти дни... Чего ждала она, на что надѣялась, чего желала? Туманъ застлалъ ей глаза; но она скрѣпилась, сдѣлала надъ собою усилие. „Хорошо“, вымолвила она, взяла письмо и спрятала его за корсажъ. „Какъ вы пришли? Уходите“. Володя не двигался и смотрѣлъ на нее. Наталья Алексѣевна не опустила головы, но глядѣла въ сторону; рука ея, опертая на столъ, замѣтно дрожала. Вѣчность пронеслась между нихъ въ это тихое мгновеніе.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, распахнулась дверь, и Волынцевъ вошелъ, возвратившись за деньгами для картъ. Разыгралась тяжелая, унизительная сцена. Волынцевъ кричалъ, задыхался въ слѣпой и постыдной ярости. Подойдя вплотную къ Володѣ, онъ осыпалъ его бранью и поднялъ на него руку. Наталья Алексѣевна сперва продолжала стоять у стола, какъ вкопанная, потомъ повалилась на полъ въ глубокомъ обморокѣ. Блѣднаго какъ полотно молодого князя, съ измятой въ рукахъ шляпой и съѣхавшимъ набокъ воротникомъ, ея мужъ крѣпко сжалъ за плечи и выталкалъ вонъ. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ отцу его грубое и неграмотное письмо.

Получивъ это письмо, князь Г* испыталъ необыкновенный приливъ мыслей, которыя переплетались, путались и стирали одна другую. Онъ попытался встать съ дивана, ловя что-то руками въ воздухѣ, но не могъ. Губы его шевелились, онъ весь осѣль и накренился въ сторону; первый ударъ хватилъ его. Въ то же время въ верхнихъ комнатахъ Надежда Петровна предалась отчаянію въ первый разъ въ своей жизни: Володя покушался на самоубійство, у него отняли пистолетъ, не заря-

женный впрочемъ, и объемистую тетрадь, озаглавленную „моя исповѣдь“. Эту тетрадь Надежда Петровна успѣла прочесть въ ту же ночь, несмотря на хлопоты, докторовъ и мельканье озабоченныхъ лицъ и зажженныхъ свѣчей изъ комнаты въ комнату. Вся она какъ-то ожила, пріободрилась, почти что обрадовалась. Къ утру она совершенно успокоилась, внимательно прочитывала тетрадь, качала головой и тихонько приговаривала: „дура я, дура!“

Рудинъ оказался приготовленнымъ и къ этому новому испытанію въ его жизни. Когда Надежда Петровна велѣла его позвать и, не здороваясь, кинула ему тетрадь Володи, когда изъ устъ ея посыпались злые упреки и обвиненія, разумность и справедливость которыхъ онъ не могъ не признать гдѣ-то въ своемъ сердцѣ,—онъ не удивился, не потерялся, принялъ все какъ должное. „Вы, вы научили его всѣмъ этимъ глупостямъ и низостямъ“, кричала Надежда Петровна. „Можетъ ли какая-нибудь женщина обратить вниманіе на васъ! Взглядните на себя! Вы хотѣли завлечь ее съ помощью мальчика...—„Перестаньте же, княгиня“, сказалъ Рудинъ, безъ труда сдерживаясь. „Я привыкъ къ оскорблѣніямъ“, добавилъ онъ съ большой искренностью.

Ему было предложено покинуть разстроенный домъ князя Г* и уѣхать въ тотъ самый день. Онъ попросилъ позволенія проститься съ Володей. Въ этомъ ему отказали рѣшительно. Онъ заговорилъ тогда о своемъ послѣднемъ долгѣ передъ человѣчествомъ, о давно задуманномъ „Опытѣ общественнаго устройства“, вся сущность котораго, планъ и подробности были давно у него въ головѣ. Этотъ

трудъ слѣдовало издать только въ столицѣ міра, Парижѣ, на распространеннѣйшемъ среди цивилизованныхъ націй французскомъ языкѣ. Но для того нужны были деньги... „Вы получите эти деньги“, сердито прервала его Надежда Петровна. Рудинъ низко ей поклонился.

Спустя нѣсколько дней дилижансъ высадилъ его въ Линдау на пути въ Парижъ, пролегавшемъ чрезъ Швейцарію. Нѣмецкій курортъ, встреча съ Натальей Алексѣевной, домъ князя Г* и самъ Володя были вытѣснены изъ его ума и сердца новыми мечтами и впечатлѣніями. Онъ сталъ только еще болѣе горбиться и сдѣлался замѣтно разсѣянъ. Иногда онъ горько улыбался своимъ мыслямъ и говорилъ вслухъ. Въ комнатѣ для путешественниковъ онъ собирался написать письмо, но, доставъ бумагу и чернила, вдругъ позабылъ объ этомъ, вышелъ наружу и сѣлъ на лавочку у дверей почты.

Начиналась осень 1847 года. Былъ вечеръ, солнце уже скрылось въ горахъ, изъ ущелій дулъ сильный холодный вѣтеръ, и озеро, насколько хваталъ глазъ, покрылось рябью короткихъ волнъ. Дорожная карета, мѣня лошадей, остановилась передъ почтовымъ домомъ, и вышедший изъ нея путешественникъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Рудина и глядѣлъ на озеро, кутаясь въ толстый плащъ и низко надвинувъ на глаза шляпу. Изъ кармана его торчалъ номеръ лондонской газеты. Рудинъ заговорилъ съ нимъ.

— „Что новаго въ Лондонѣ?“ спросилъ онъ. „Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти“, оживленно заговорилъ незнакомецъ, лишь слегка обернувшись и блеснувъ на Рудина черными глазами. „Изгнанники возвращаются на родину. Близится день осво-

божденія". Онъ пріостановился и еще разъ взглянуль на Рудина. „Ваше лицо внушаетъ мнѣ довѣріе“, продолжалъ онъ. „Послѣ пятнадцати лѣтъ изгнанія я возвращаюсь туда, гдѣ раздавлены порывы и вытоптаны надежды моей юности. Кровь мучениковъ, которыхъ я зналъ и любилъ на зарѣ ихъ жизни, лилась обильно за эти пятнадцать лѣтъ въ прекрасной и несчастной землѣ нашихъ отцовъ. Наступаетъ часъ возмездія. Ярмо чужеземца и деспота не прорастетъ цвѣтами грядущей весны. Кинжалъ свободолюбцевъ и мстителей вынутъ изъ ноженъ и отточенъ. Пламя восстанія тлѣеть въ народѣ, какъ уголь подъ пепломъ исторического зла. Съ первыми весенними днями оно вспыхнетъ, разольется пожаромъ. Изъ этого великаго пожара родится Нація и Республика“. Рудинъ выслушалъ незнакомца, предаваясь собственнымъ мыслямъ. „Вы правы“, вскричалъ онъ, „вы тысячу разъ правы. Я радъ пожать руку личности, мыслящей вышеенно и свободно. Но слѣдуетъ ли останавливаться тамъ, гдѣ останавливаешься вы? Человѣчество стремится къ безпредѣльному усовершенствованію. На обломкахъ старого порядка долженъ воздвигнуться новый, основанный на законахъ братской любви и святой справедливости. Устройство человѣческаго общества должно перестать быть случайностью и предразсудкомъ. Наблюденія естественныхъ наукъ и логика честнаго мышленія откроютъ намъ его сущность. Мы овладеемъ секретомъ преуспѣянія и нищеты, силы и слабости, господства и подчиненія. Изъ ряда аксиомъ и теоремъ мы выведемъ непогрѣшимую, математическую формулу блага и по этимъ формуламъ построимъ общество. Человѣчество обрѣтетъ тогда счастье

созданное имъ самимъ, и позабудеть сказки о божественномъ Промыслѣ, которыми его такъ долго обманывали“.

Лошади застучали копытами и зафыркали позади нихъ: нѣмецкіе мужики закладывали карету путешественника. Онъ продолжалъ нѣкоторое время глядѣть на югъ, потомъ встрепенулся, обнялъ Рудина и простился съ нимъ. — „Вы русскій?“ сказалъ онъ. „Возвращайтесь. Поймите родину въ обликъ рабскомъ и презрѣнномъ. Умѣйте дѣятельно любить и ненавидѣть. Заповѣдайте дѣтямъ вашимъ ждать лучшихъ дней. Они настанутъ“. Встрѣча эта растрогала Рудина и заняла его воображеніе, не измѣнивъ впрочемъ ни въ чёмъ его упрямой разсѣянности. Онъ продолжалъ свой путь.

Въ Парижѣ Рудинъ пережилъ февральскую революцію. Она окончательно нарушила равновѣсіе его поступковъ. Съ первыми же признаками броженія онъ твердо повѣрилъ въ наступленіе новаго и окончательного порядка вещей. Его беспокоило только то, что будетъ надѣлано множество ошибокъ, которыхъ можно было бы избѣжать, спросивъ у него совѣта и обратившись къ материаламъ его „Опыта“, который такъ и оставался ненаписаннымъ и ненапечатаннымъ. Рудинъ ожидалъ теперь, что Республика издастъ его на государственный счетъ и расклейтъ на стѣнахъ общественныхъ зданій.

Пребывая дни и ночи въ состояніи непрестаной восторженности, Рудинъ утратилъ, казалось, всякое чувство опасности. Во время перестрѣлки у Chateau d'Eau онъ бросался мирить враждующихъ, явно рискуя жизнью. Его видѣли во всѣхъ самыхъ горячихъ мѣстахъ уличныхъ боевъ. Вмѣстѣ съ толпой онъ ворвался въ Палату депутатовъ. Тамъ

ему удалось на короткое время завладеть трибуной. Его слушали одно мгновение, потомъ стащили прочь за фалды старомоднаго сюртука.

Послѣ того онъ говорилъ на собраніи рабочихъ, въ кружкахъ филантроповъ, въ общественныхъ залахъ, на улицахъ. Эта способность его была неисчерпаема, и часто, возвратившись домой послѣ цѣлаго дня рѣчей и споровъ, онъ пускался въ длинныя разсужденія передъ своей привратницей. Слушатели находились у него чаще всего изъ числа работниковъ въ синихъ блузахъ, женщинъ, спѣшащихъ куда-то съ корзиной на правой рукѣ, національныхъ гвардейцевъ съ ружьемъ за плечами и неопределенныхъ любопытныхъ парижской улицы въ высокихъ шляпахъ.

Менѣе всего этихъ слушателей было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходились соціальные реформаторы и революціонеры для обмѣна своими взглядами. Залы маленькихъ ресторановъ или кафе наполнялись лицами странными и разнообразными. Молодые люди съ блуждающими глазами и щедрыми жестами чередовались здѣсь со стариками, не видѣвшими ничего сквозь толстыя очки и передвигавшимися по улицѣ наподобіе крабовъ. Здѣсь можно было увидѣть сторонниковъ соціализма и коммунизма, вѣрующихъ въ фаланстеръ и въ Икарію. Одни основывали грядущее устройство человѣчества на наблюденіяхъ надъ жизнью муравьевъ и пчель, другіе, на логикѣ экономическихъ явлений, третьи—на вѣльніяхъ морали, четвертые—на законахъ ариѳметическихъ чиселъ.

Всѣ они равно не слушали, не понимали и не признавали другъ друга. Споры ихъ состояли въ томъ, что они жестикулировали и кричали одно-

временно, часто на разныхъ языкахъ. Изгнанники и бѣглецы всѣхъ странъ сходились здѣсь. Ирландецъ и венгерецъ вступали въ безплодные диспуты, пуская въ ходъ всѣ промежуточныя нарѣчія. Мелькали лица испанцевъ, поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ. Рядомъ съ растрепанной русской шевелюрой Рудина просовывалась иногда шерстистая и курчавая голова мулата. Никто не выходилъ изъ этихъ собраній въ чемъ-либо разубѣжденный и не являлся на нихъ безъ какой-либо одной идеи, исключавшей возможность всякой иной. То были самыя упрямые головы человѣчества, самые крѣпкіе его черепа, самые тупые лбы, способные прободать нѣжную ткань всякихъ сомнѣній и противорѣчій.

Общеніе съ ними Рудина не принесло ему ни вреда, ни пользы. Вѣра его въ себя не умалилась и не возросла. Довольная улыбка не сходила иногда съ его лица, выражая удовлетвореніе мыслями, сокровенными и непонятными. Съ теченіемъ времени однако къ этимъ мыслямъ понемногу стало примѣшиваться предчувствіе надвигающихся заботъ, привычное ощущеніе пустоты настоящаго, безвѣтности будущаго. Въ одинъ юньскій день онъ съ удивленіемъ испыталъ чувство голода. Деньги, которыми онъ не вѣлъ счета, охотно дѣлясь ими съ тѣми, у кого ихъ не было, оказались вдругъ на исходѣ. Привычки жизни его перемѣнились. Онъ безъ труда пріучился почти ничего не есть, питаясь водой и хлѣбомъ, но красться по лѣстницѣ дома и незамѣтно скользить мимо сердитой привратницы было для него тяжело и унизительно.

Революція также не шла тѣми путями, какіе онъ намѣчалъ для нея: никто не послушалъ его совѣта,

не обратился къ нему за помощью, не увѣровалъ въ его формулу. Никто не прочиталъ даже тѣхъ объемистыхъ докладныхъ записокъ, который онъ посыпалъ время отъ времени въ различныя министерства. Что касается до газетъ, то онъ презиралъ ихъ, и ни одна изъ нихъ не оказалась достойной изложить начала его „Опыта“.

И все-таки Рудинъ надѣялся, потому что ему рѣшительно не на что было надѣяться. Поднимаясь съ постели каждое утро, онъ продолжалъ проявлять нѣкоторую заботу о своей вѣнчности. Онъ долго и тщательно чистилъ щеткой свое обветшавшее платье. Въ одно іюльское утро, предаваясь этому занятію, онъ испыталъ головокруженіе и опустился на стулъ, съ которого перебрался кое-какъ на кровать. Въ тотъ день онъ не вышелъ изъ дома; начинилась болѣзнь. Сердитая привратница вспомнила о немъ, поднялась къ нему въ комнату и долго жаловалась, разводя короткими, какъ ласты, руками передъ самимъ его носомъ. Потомъ захлопотала, сама убрала комнату, позвала на свои деньги доктора и принялась лѣчить Рудина. Къ удивленію и другихъ онъ сталъ поправляться.

Онъ былъ еще нездоровъ, когда настали іюльскіе дни. На болѣзненное его воображеніе трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и гулъ пушекъ подѣйствовали чрезвычайно. Въ лихорадкѣ ночи ему грезились русская деревня, Наталья Алексѣевна въ старомъ образѣ молоденькой дѣвушки, разсерженная княгиня, Лежневъ, Володя. Отъ этихъ грезъ онъ отмахивался почти съ отвращенiemъ.

Рано утромъ 26 іюля онъ проснулся и нѣкоторое время лежалъ неподвижно, прислушиваясь. Потомъ поспѣшно сталъ одѣваться, не забывъ про-

вести нѣсколько разъ щеткой по бѣлѣвшимъ плечамъ сюртука. Ему удалось незамѣтно спуститься по лѣстницѣ и, дернувъ за веревку, открыть себѣ дверь; привратница кашляла и возилась въ своей комнатѣ. На улицѣ Рудинъ ступалъ шатаясь и придерживался рукой за дома. Солнце еще не успѣло подняться надъ крышами, но уже было душно. Запахъ гари и пороха носился въ тяжеломъ воздухѣ фобурговъ. По дорогѣ къ Сентъ Антуанской улицѣ Рудинъ встрѣчалъ отряды регулярныхъ войскъ. Солдаты съ истомленными, безсонными лицами смотрѣли на него равнодушно; въ тотъ ранній часъ никому не хотѣлось ни злобствовать, ни шутить.

Въ двухъ мѣстахъ его все же останавливали, но тотчасъ же отпускали прочь, когда онъ начиналь длинно и сложно объяснять свои намѣренія. Эти намѣренія не были впрочемъ ясны и для самого Рудина. Вышелъ на улицу онъ, руководимый желаніемъ послѣдняго подвига. Ему казалось, что онъ и только онъ можетъ остановить начавшееся кровопролитіе, спасти гибнущую революцію. Выслушавъ его, люди опустятъ ружья, сознаютъ свою ошибку, прольютъ слезы раскаянья, кинутся другъ другу въ объятія. Человѣчество будетъ спасено и пойдетъ вѣрнымъ путемъ къ счастливому устройству, описанному въ декретахъ Рудина, расклееннымъ красными афишами на всѣхъ стѣнахъ общественныхъ зданій. Но какъ этого добиться? Гдѣ тотъ центръ, куда сходились всѣ нити событий и действий?

Раздумывая объ этомъ, Рудинъ брель, опустивъ голову, по совершенно безлюдной улицѣ, когда не вдалекъ передъ нимъ прогремѣлъ ружейный залпъ.

Пули защелкали по стѣнамъ, зазвенѣло стекло; сзади него въ отвѣтъ послышались пистолетные выстрѣлы. Онъ пріостановился и сталъ озираться вокругъ. Невѣдомо откуда взявшаяся женщина схватила его за руку и насильно втащила въ дверь. Темными переходами и внутренними закоулками она вывела его къ стѣнѣ, гдѣ открывалась калитка въ другую улицу, кривую и узкую. Рудинъ безпрекословно ей повиновался.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ калитки, онъ оказался позади баррикады, сложенной изъ всякой рухляди и увѣнчанной продавленнымъ омнибусомъ. Десятка два рабочихъ тихо разговаривали позади нея, осматривая свои ружья. Нѣкоторые изъ нихъ выглядывали въ импровизированныя амбразуры. Одинъ изъ нихъ, молодой и добродушный гигантъ, опоясанный краснымъ шарфомъ, держалъ въ рукѣ красное знамя.

Къ этимъ людямъ воспрянувшій сразу духомъ Рудинъ обратился съ горячей и мало приличествовавшей случаю рѣчью о человѣческомъ братствѣ. Они выслушали его молча, съ напряженными лицами. Нѣкоторые поворачивались къ нему спиной и пожимали плечами. „Кто это?“ спросилъ, быстро обернувшись, стрѣлокъ, все время выглядывавшій въ амбразуру. „Полякъ“, отвѣтилъ увѣренно старый рабочій, „взорный, но храбрый народъ“. Добродушный гигантъ подошелъ къ Рудину, положилъ ему на плечо руку, повязалъ его красной тряпкой и далъ кривую и тупую саблю. „Возьми-ка это“, сказалъ онъ улыбаясь, „какъ разъ для тебя“.— „Стойте“, крикнулъ стрѣлокъ у амбразуры, „они привезли пушку“. О Рудинѣ мгновенно забыли.

Сжимая въ рукѣ безполезную саблю, присутствовалъ онъ при загорѣвшемся уличномъ боѣ. Инсургенты вначалѣ яростно отстрѣливались. Но скоро послышались мощные удары пушки, и ядра понеслись со свистомъ, сшибая углы домовъ, роя мостовую, проламывая бреши въ баррикадѣ. Одно изъ нихъ пронизало кузовъ омнибуса, другое за jakiло всѣ амбразуры. Часть защитниковъ оставила свое мѣсто и скрылась въ ближайшихъ домахъ. Другіе въ отчаяніи безсилія продолжали стрѣлять поверхъ обломковъ. Одному изъ нихъ на глазахъ Рудина оторвало руку, кровь хлынула на пыльные камни юльской улицы.

Рудинъ бросился ему на помощь. Сердце его разрывалось, и жажду подвига въ немъ смѣнило желаніе жертвы. Съ разметанными сѣдыми волосами и дико глядѣвшими глазами, въ сюртукѣ, перепачканномъ кровью, онъ былъ страшенъ въ эту минуту. Тѣмъ временемъ пушка придвигнулась и осыпала баррикаду картечью. Послѣдніе защитники ея разбѣжались. Молодой гигантъ съ краснымъ знаменемъ упалъ ничкомъ, пораженный картечной пулей. Рудинъ поднялъ знамя и легко взобрался на самый верхъ, поднявшись на продавленный кузовъ опрокинутаго омнибуса. По улицѣ осторожно приближались солдаты. Размахивая знаменемъ, Рудинъ кричалъ въ ихъ сторону напряженнымъ и тонкимъ голосомъ что-то о братствѣ и справедливости. Одинъ изъ солдатъ прицѣлился въ него— выстрѣлилъ... Тургеневъ изобразилъ его смерть: „Высокій человѣкъ выронилъ знамя и какъ мѣшокъ повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги комуто поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

— Tiens! сказалъ одинъ изъ убѣгавшихъ инсур-
гентовъ другому: on vient de tuer le Polonais.

„Bigre! отвѣтилъ тотъ, и оба скрылись въ подвалѣ
сосѣдняго дома, у котораго ставни были закрыты
и стѣны пестрѣли слѣдами пуль и ядеръ“.

ЛОНСКІЙ.

О сраженіи при Седанѣ Лонскій узналъ изъ газетъ въ „Antico caffé Greco“, на via Condotti въ Римѣ, гдѣ почти каждый вечеръ встрѣчались его соотечественники за чашкой традиціонно плохого кофе. Глядя на зеленоватую и порыжѣвшую отъ времени картину съ изображеніемъ трехъ колоннъ римскаго форума, онъ задумался и ощущилъ легкій уколъ волненія, свидѣтельствовавшаго для него безошибочно, что на этотъ разъ „ходъ историческихъ событий“ будетъ имѣть какое-то прямое къ нему отношеніе.

Онъ родился лѣтъ тридцать тому назадъ въ имѣніицѣ Лонки, къ сѣверу отъ Влошовы, среди лѣсовъ и песковъ прежняго Краковскаго воеводства. Въ 1861 году онъ былъ ученикомъ варшавской школы искусствъ и участникомъ всѣхъ трауровъ, всѣхъ уличныхъ демонстранцій, всѣхъ студенческихъ беспорядковъ и всѣхъ тайныхъ комитетовъ. Сама судьба готовила ему видную роль въ надвигавшемся возстаніи. Его отецъ, бывшій во время войны 1831 года кавалерійскимъ офицеромъ въ отрядѣ Дверницкаго, наполнилъ все его дѣтство рассказами о лихихъ атакахъ кракусовъ при Сточекѣ и Куроѣ. Въ низкомъ, какъ бы вросшемъ

въ землю, господскомъ домѣ Лонокъ было слишкомъ много всякаго оружія,—прадѣдовскія и дѣдовскія сабли, кавалерійскіе пистолеты отца, охотничы ружья разныхъ системъ и поколѣній. Въ свою полудеревенскую юность Лонскій былъ страстнымъ охотникомъ. Онъ исходилъ всѣ лѣса и болота, тянувшіеся на много верстъ къ Пшедборжу, и въ этихъ обширныхъ владѣніяхъ нѣкоего вельможнаго сосѣда зналъ не только всѣ мѣста и тропинки, но и всѣхъ лѣсниковъ. Они любили сына стараго „полковника“ Лонскаго, и ни одинъ изъ нихъ не задержалъ бы его какъ браконьера.

Объ этихъ лѣсникахъ Лонскій вель таинственная бесѣды со своими варшавскими друзьями. Лѣтомъ 1862 года онъ не охотился, но жилъ цѣлыми днями въ лѣсу, совѣщаюсь съ одними, убѣждая другихъ; въ глубинѣ лѣса ребята копали землянки, на фольваркѣ дѣвушки шили конфедератки и лили свинцовыя пули. Цѣлыми днями изъ лѣсовъ доносилась одиночная стрѣльба, иногда слышались залпы. Искусный плотникъ соорудилъ дубовую деревянную, стянутую желѣзными обручами, пушку. При пробѣ, однако, ее разорвало.

Въ одинъ сентябрьскій день старый Лонскій съ трудомъ влѣзъ на коня и послѣдоваль въ лѣсъ за своимъ сыномъ. Тамъ, на уединенной полянѣ, были выстроены въ одну линію восемьдесят стрѣлковъ въ конфедераткахъ. Большинство изъ нихъ были лѣсники и охотники, часть—дворовые Лонскихъ; лишь трое или четверо были крестьяне. Ксендзъ Бабякъ изъ Пшедборжа привелъ ихъ къ присягѣ; его худое лицо горѣло и глаза мрачно блестали. Старый Лонскій прослезился, обняль и расцѣлововалъ сына, сказалъ стрѣлкамъ краткое и горя-

чее слово. Черезъ два дни его сынъ уѣхалъ въ Варшаву, гордый тѣмъ отчетомъ, который могъ дать о своей „бандѣ“.

До тѣхъ поръ онъ, вообще говоря, мало заботился о смыслѣ всего происходящаго. Естественный порядокъ вещей, окружавшихъ его съ самаго дѣтства, опредѣлялъ его поступки. Ему не приходилось раздумывать или колебаться. Онъ дѣйствовалъ не изъ ненависти къ чему-либо и не изъ любви къ идеалу. Его увлекало само дѣйствіе, и только это дѣйствіе онъ видѣлъ со всей ясностью, со всей увлекательностью, со всѣми живыми подробностями. Онъ желалъ военныхъ и опасныхъ подвиговъ такъ же просто и опредѣленно, какъ другіе желають въ его годы спокойныхъ и выгодныхъ положеній. Не думая ни о людяхъ, съ которыми сталкивался, ни объ ихъ идеяхъ, онъ принялъ на себя роль солдата, готового безпрекословно исполнить все, что ему будетъ приказано.

Тѣмъ не менѣе онъ вернулся въ Лонки хмурый, недовольный, усталый. Варшавскія впечатлѣнія были на этотъ разъ слишкомъ ярки, чтобы на нихъ можно было закрыть глаза. Слишкомъ ясна вдругъ сдѣлалась для него слабость и шаткость задуманного предпріятія. Слишкомъ многіе изъ его друзей показались ему недальновидными, поверхностными и легковѣрными. Ихъ планы представились ему вдругъ очевидной и полной нелѣпостью. Но странно, при всемъ томъ онъ боялся лишь одного, — того, что всѣ его прекрасныя приготовленія окажутся вовсе ненужными и будутъ впослѣдствіи вспоминаться съ улыбкой снисхожденія. Въ первые дни новаго года онъ увѣрилъ себя, что именно такъ и случится, и предался отчаянію.

Въ концѣ января 1863 года прискакавшій въ та-
ратайкѣ ксендзъ Бабякъ сообщилъ ему о началѣ
возстанія. На другой день Лонскій ушелъ въ лѣса
со своей бандой, въ составѣ семидесяти двухъ
стрѣлковъ, трехъ конныхъ развѣдчиковъ, нѣсколь-
кихъ повозокъ со сѣстными и боевыми припасами
и пылкаго ксендза, высоко возсѣдавшаго на своей
таратайкѣ. Объ этихъ первыхъ дняхъ въ лѣсу
онъ сохранилъ на всю жизнь восторженныя воспо-
минанія. Молодость, запахъ хвои и дыма бивач-
ныхъ костровъ, глубокій и чистый песокъ ночле-
говъ, пѣсни стрѣлковъ, съ обожаньемъ смотрѣвшихъ
на своего предводителя, радостное чувство опас-
ности,—все это навсегда осталось его бѣднымъ и
единственнымъ счастьемъ. Со счастливымъ и пы-
лающимъ лицомъ двигался онъ сквозь сѣдые, туман-
ные, зимніе лѣса старой Польши, выѣзжая иногда
вмѣстѣ съ развѣдчиками на опушку и со сладкой
тревогой взглядываясь въ убѣгавшія черезъ поля
дороги.

Около трехъ недѣль пробуждалъ онъ такимъ
образомъ, пока не встрѣтился съ большой бандой
Езіоранскаго, спускавшейся къ югу изъ окрестно-
стей Иновлодзи. Согласно общей инструкціи, онъ
присоединился къ Езіоранскому. Этотъ немолодой
и опытный военный авантюристъ развили ему свой
взглядъ на дѣло возстанія. Онъ былъ сторонни-
комъ самостоятельныхъ дѣйствій множества мел-
кихъ партизанскихъ отрядовъ. Отрядъ Лонскаго
показался ему образцовымъ.

Но Езіоранскій не умѣлъ отстоять своихъ взгля-
довъ, когда его отрядъ вошелъ въ связь съ еще
болѣе многочисленнымъ отрядомъ Лангевича. Лан-
гевичъ потребовалъ, чтобы всѣ силы инсургентовъ

соединились подъ Малогощью. Ему мерещились большія сраженія, правильныя колонны, скачущіе адъютанты, длинныя реляціи. Самому себѣ онъ казался по меньшей мѣрѣ фельдмаршаломъ, сопровождаемымъ почтительными и важными генералами. Онъ носилъ блестящій мундиръ и былъ всегда окружены многолюднымъ штабомъ, въ составѣ котораго находились нѣсколько польскихъ дамъ въ амазонкахъ и дочь русскаго генерала, переодѣтая офицеромъ.

Въ лагерѣ подъ Малогощью собралось нѣсколько тысячи повстанцевъ. Большинство изъ нихъ были однако косиньеры,—люди въ крестьянскихъ кафтанахъ и высокихъ страшныхъ двурогихъ шапкахъ, вооруженные только косами, надѣтыми на длинныя палки. Всюду царствовалъ изумительный беспорядокъ. Громоздились сотни телѣгъ, нагруженныхъ нужнымъ и ненужнымъ добромъ, коляски Лангевича и другихъ „генераловъ“. Безчисленные ксендзы непрестанно служили мессы. Повара день и ночь готовили штабу гомерические обѣды, для которыхъ разставлялись подъ соснами столы, накрытые бѣлыми скатертями. Венгерское лилось въ изобиліи, и гремѣли тосты одинъ оглушительнѣе другого.

У Лонскаго явилось чувство, что онъ сдѣлался участникомъ какого-то грандиознаго трагического фарса. Езюранскій пожималъ плечами, угрюмый и храбрый старикъ Чаховскій банился и хмурился, но никто не принималъ никакихъ мѣръ порядка или охраненія. Атака русскихъ войскъ застала Лангевича совершенно врасплохъ. Когда нѣсколько гранатъ разорвались въ Малогощѣ, зажигая дома и производя смятеніе, Лангевичъ съ самой изумитель-

ной и съ самой искренней веселостью поздравилъ всѣхъ съ началомъ великой побѣдоносной битвы. Полчаса тому назадъ онъ не думалъ ни о какой битвѣ. Лонскій посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и негодованіемъ, но не могъ отказать ему въ какой-то своеобразной храбрости.

Въ этомъ бою, быстро окончившемся пораженіемъ Лангевича, стрѣлки Лонскаго сослужили свою службу. Оставаясь въ аріергардѣ упорного Чаховскаго, они долго и стойко отстрѣливались на высокой лѣсистой горѣ, прикрывая безпорядочное бѣгство косиньевовъ. Взявъ штуцеръ, Лонскій стрѣлялъ вмѣстѣ со своими лѣсниками какъ простой стрѣлокъ. Къ вечеру онъ перешелъ вбродъ ледяную зимнюю рѣчку и на ночлегѣ пересчиталъ своихъ людей. Около двадцати человѣкъ было убито и пропало безъ вѣсти.

Нестройно потянулись теперь разбитыя толпы повстанцевъ къ югу. Лангевичъ растерялъ половину своихъ людей, своихъ повозокъ, своихъ свѣтскихъ дамъ и ксендзовъ. Онъ однако былъ весель и оживленъ еще больше прежняго, и когда остатки отряда добрались до Пясковой Скалы, по прежнему запылали огни, застучали ножами повара, захлопотали слуги въ этомъ старинномъ замкѣ. Пяскова Скала понравилась Лангевичу, и онъ былъ здѣсь такъ же застигнутъ врасплохъ, какъ подъ Малогощью.

Браня „фельдмаршала“ на чёмъ свѣтъ стоитъ, Езіоранскій кое-какъ уставилъ аріергардъ, въ которомъ снова оказались стрѣлки Лонскаго. Засѣвъ со своими людьми на краю обрывистаго оврага, Лонскій успѣлъ задержать наступленіе русской пѣхоты. Онъ твердо рѣшилъ умереть. Смѣло выско-

чившее впередъ орудіе осыпало его стрѣлкою картечью. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Лонскій сталъ самъ прицѣливаться въ наводчика, когда пуля пронизала его насквозь ниже праваго плеча. Два лѣсника схватили его за руки и за ноги и понесли назадъ къ уже горѣвшему замку.

Кто-то сдѣлалъ ему первую перевязку, кто-то бросилъ его въ таратайку ксендза Бабяка, и долго послѣ того громыхала эта таратайка по Краковской дорогѣ, обгоняя бѣглецовъ Лангевича, увозя потерявшаго отъ страха голову ксендза и безжизненнаго Лонскаго. Онъ пришелъ въ сознаніе лишь нѣсколько дней спустя въ лазаретъ милосердныхъ и аристократическихъ дамъ, гдѣ-то подъ Краковомъ. Съдая графиня Скавинская, хорошо знавшая нѣкогда его отца, признала тамъ его первая, заплакала и назвала героемъ.

Онъ долго былъ между жизнью и смертью и ничего не зналъ о своей славѣ, которая росла за стѣнами больницы и на краковскихъ улицахъ. Однажды, открывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собой Лангевича, еще болѣе сіяющаго и важнаго, чѣмъ то было подъ Малогощью. „Диктаторъ“ былъ окружены цѣлой свитой; онъ держалъ въ руки почетный дипломъ на чинъ подполковника, который и положилъ на грудь Лонскаго. Онъ говорилъ что-то, что слышалось больному какъ бы очень издалека. У Лонскаго хватило силъ отвернуться къ стѣнѣ и закрыть глаза. Кто-то изъ свиты успѣлъ подхватить почетный дипломъ, соскользнувшій на полъ.

Лонскій всталъ съ постели въ концѣ марта, когда у доброй графини Скавинской, не оставлявшей его, явилось другое горе. Мужъ ея до-

чери Елены, молодой графъ Хржановскій, вступившій вмѣстѣ съ другими краковскими аристократами въ батальонъ зуавовъ Рошбрюна, быль убить во время второго и послѣдняго похода Лангевича, окончившагося его полнымъ разгромомъ.

Мать спѣшила увезти Елену Хржановскую отъ печальныхъ мѣсть и событий, и такъ какъ Лонскій еще нуждался въ лѣченіи и продолжительномъ отдыхѣ, она ласково предложила ему поѣхать въ Римъ вмѣстѣ съ ними. Онъ согласился; по извѣстіямъ изъ-за рубежа, Лонки были сожжены, его старый отецъ быль арестованъ, выпущенъ на свободу и скоропостижно умеръ въ Варшавѣ. Какъ солдатъ, Лонскій выбылъ изъ строя; стараясь не думать о дѣлахъ и людяхъ возстанія, онъ накоплялъ гдѣ-то новыя чувства и мысли. Кромѣ того неотвязно видѣлась ему теперь фигура молодой женщины, такъ глубоко одѣтой во все черное, съ такъ внезапно погасшими глазами. Онъ не могъ бы въ иномъ образѣ представить себѣ родину и все, что любилъ.

Елена была привѣтлива съ нимъ и внимательна. Въ Римѣ они много ходили вмѣстѣ съ ней по церквамъ. Ея движенія и звукъ ея голоса среди этихъ старыхъ камней напомнили Лонскому, что онъ быль живописцемъ. Елена Хржановская увлекалась розысками польскихъ гробницъ въ римскихъ церквахъ, и онъ рисовалъ для нея то мрачныя и пышныя аллегоріи барокко, то безстрастныхъ ангеловъ классицизма. О, какъ чисты и покойны были тѣ прохладныя струи смерти по сравненію съ непонятнымъ смятеніемъ житейскихъ волнъ!

Въ эти волны Лонскій погружался иногда по вечерамъ въ „Antico caffé Greco“. Онъ любилъ

видѣть, войдя туда, польскія лица. Онъ былъ радъ слушать споры, не особенно вникая въ ихъ смыслъ. Ему были милы и разочаровавшіеся, и отчаявшіеся, и разувѣрившіеся, и сохранившіе надежду. А такихъ еще было много, и еще отъ многихъ изъ нихъ пахло порохомъ. Въ приступѣ знаменитой *furie polonaise*, еще многіе изъ нихъ дрались за негровъ въ Америкѣ, за карлистовъ въ Испаніи, за Наполеона III въ Мексикѣ, какъ дрались ихъ дѣды и отцы подъ Сомма-Сьеррой, на Санть-Домінго, въ Сициліи, въ Венгріи, въ Валахіи,—вездѣ гдѣ лилась кровь и приносились тщетныя жертвы тираніи или свободѣ.

Однажды въ этомъ самомъ кафе кто-то изъ его друзей отвелъ его въ сторону и подъ секретомъ сообщилъ, что во владѣніяхъ аристократическаго изгнанника, графа Б., простиравшихся въ римской Кампаніѣ, уже началась подготовка пѣшихъ и конныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ польскихъ эмигрантовъ, что дѣло идетъ блестяще, что не такъ трудно достать и пушки, задача лишь въ томъ, какъ ихъ провезти. Возвращаясь домой въ этотъ вечеръ, Лонскій думалъ съ нѣжностью о неисправимо романтическомъ и рыцарственномъ воображеніи своего народа. Ему сдѣлалось ясно, что восстаніе, со времени котораго прошло уже два года, было одной изъ послѣднихъ вспышекъ старой вѣры дѣтскихъ сердцемъ народовъ въ чудеса исторической справедливости. Онъ предчувствовалъ съ содроганіемъ наступленіе новаго, не оставляющаго уже никакихъ иллюзій въ своей безпощадности, порядка исторіи.

Новый порядокъ Лонскій впервые ощутилъ особенно остро въ 1866 году, когда при Тауберби-

шофсхеймъ былъ убитъ одинъ его пріятель, молодой краснощекій баварскій художникъ, вѣчный гость артистической колоніи Олевано, поѣхавшій защищать свою старую Баварію отъ нашествія прусскихъ полчищъ. Съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ, съ какимъ злорадствомъ смотрѣлъ, вѣроятно, Бисмаркъ на неискусное и несчастное дѣло 1863 года! Торжество Пруссіи при Садовой подтвердило, казалось, догадки Лонскаго; въ день, когда онъ узналь объ этомъ, онъ почувствовалъ, что время поставило крестъ надъ всѣми надеждами его юности.

Объ этихъ вещахъ онъ не разъ пробовалъ говорить съ Еленой Хржановской. Она слушала его разсѣянно и равнодушно. Въ послѣднее время въ домѣ ея матери стало бывать много священниковъ, миссионеровъ, чиновниковъ Ватикана, ученыхъ Академіи и благочестивыхъ „черныхъ“ великосвѣтскихъ дамъ. Глаза молодой графини снова оживали, снова блестѣли, когда она говорила о силѣ и славѣ римской католической церкви, о великой роли, которая ожидаетъ ее въ самомъ близкомъ будущемъ.

Одно обстоятельство заставило косо смотрѣть на него друзей изъ „Кафе Греко“. Трагически погибшій баварскій художникъ познакомилъ его однажды со старицкомъ-профессоромъ, носившимъ нѣмецкую фамилію и состоявшимъ на службѣ у русскаго правительства. Уже нѣсколько лѣтъ этотъ профессоръ работалъ надъ составленіемъ обширнаго свода надписей и рисунковъ, встрѣчающихся въ катакомбахъ. Лонскій сталъ помогать ему въ качествѣ живописца, и скоро это сдѣлалось его главнымъ занятіемъ и преимущественнымъ источникомъ существованія.

Съ утра онъ и его молчаливый спутникъ отправлялись за одну изъ римскихъ заставъ, туда, гдѣ кипарисы указывали мѣсто какого-нибудь древняго цеметерія. Лонскій полюбилъ мракъ переходовъ, слабое пламя восковыхъ свѣчекъ, мягкий коричневый туфъ гробницъ, легкія фигурки, такъ скучо прибереженные для украшенія какой-нибудь одной крипты, четкія и краткія надписи, заносимыя съ величайшимъ тщаніемъ рукой стараго профессора. По выходѣ изъ катакомбъ всякой разъ ему казались чудесны деревья, трава, небо съ бѣлыми облаками, пѣніе птицъ и теплая земля. Менѣ всего это было похоже на то, какъ если бы Лонскій совершалъ что-то дурное. Иные, однако, его осудили, и онъ сталъ рѣжеходить въ „Кафе Греко“.

Въ теченіе 1870 года онъ началъ испытывать сильную тоску одиночества. Его старенький профессоръ внезапно умеръ. Елена Хржановская была съ головой погружена въ сложныя интриги, заплетавшіяся вокругъ того, кому вскорѣ готовилась участъ „ватиканскаго узника“. На другой день послѣ того, какъ онъ узналъ изъ газетъ о сраженіи при Седанѣ и о провозглашеніи Французской республики, онъ прибѣжалъ къ ней, чтобы разсказать обѣ охватившемъ на этотъ разъ и его приступѣ furie polonaise: онъ рѣшилъѣхать волонтеромъ во Францію. Она встрѣтила его, взволнованная единственной мыслью о приближеніи войскъ „узурпатора“ Виктора-Эммануила къ священнымъ стѣнамъ папскаго Рима. Грядущее Venti Settembre казалось ей величайшимъ изъ событий и преступленій исторіи.

— Вы живете въ фантасмагоріи,—сказалъ ей Лонскій съ горечью.

Ему хотѣлось еще сказать, что фантасмагоріей былъ ея вѣчный трауръ по мужу, котораго она никогда не любила и который никогда не былъ ея достоинъ. Но онъ не сказалъ этого и уѣхалъ изъ Рима, ни съ кѣмъ не простившись.

Спустя мѣсяцъ въ Отенѣ передъ Лонскимъ развернулась вся изумительная картина формированія „арміи“ Гарибальди. Въ этой картинѣ было такъ много для него знакомаго, такъ многое напомнило ему дни молодости! Начальникъ штаба Гарибальди, провансалецъ родомъ, „полковникъ“ Бордонъ, былъ вылитымъ вторымъ Лангевичемъ. Но о Лангевичѣ Лонскій думалъ безъ всякаго раздраженія, даже съ нѣжностью.

Казалось, ему былъ миль самый хаосъ, царившій въ отведенномъ для Гарибальди районѣ. Сюда стекались беспокойныя и горячія головы всѣхъ странъ Европы и двухъ Америкъ. Кромѣ итальянцевъ и французовъ, Лонскій встрѣтилъ здѣсь испанцевъ, португальцевъ, шотландцевъ, чеховъ, чилийцевъ, грековъ, мексиканцевъ и канадцевъ. Встрѣчалъ онъ, разумѣется, и своихъ соотечественниковъ. Всѣ эти люди питали отвращеніе къ регулярной службѣ. Они предпочитали образовывать отряды вольныхъ стрѣлковъ, носившіе самыя странныя и живописныя наименованія. Здѣсь были: „египетскіе егеря“, „батальоны равенства“, „восточные гверильясы“, „стрѣлки Атласа“ и „стрѣлки Монблана“, „стрѣлки смерти“ и „нантскіе медведи“. Обращаясь къ этимъ необыкновеннымъ войскамъ, Гарибальди писалъ въ своихъ приказахъ: „Юные милиты святого дѣла республики покажутъ врагамъ разницу, которая существуетъ между рабами деспота и защитниками свободы.“

Истина и справедливость начертаны на орифламмахъ нашихъ молодыхъ легіоновъ. Кровь, слезы и горе двухъ великихъ обманутыхъ народовъ скоро откроютъ новую эру, когда человѣческая семья обрѣтеть свой счастливый и естественный покой, забывъ окрававленныя страницы исторіи”...

Онъ получилъ вскорѣ чинъ лейтенанта, не менѣе фантастической, чѣмъ пожалованный ему когда-то Лангевичемъ чинъ подполковника. Ему дали командавать надъ ста пятьюдесятью „мстителями неотомщенныхъ“. Большинство этихъ юныхъ милитотовъ разбѣжалось еще до первой встречи съ непріятелемъ, но зато тѣ шестьдесятъ или семьдесятъ итальянцевъ, испанцевъ и поляковъ, которые остались съ нимъ, оказались рѣдкими храбрецами.

Снова, какъ и въ дни своей молодости, Лонскій увидѣлъ лѣса, и сердце его раскрылось. Жизнь, смерть, — все сдѣлалось легкимъ, неизбѣжнымъ, желаннымъ, какъ одно мгновеніе вѣчности. Спокойствіе не оставляло его теперь ни во время отважныхъ стычекъ съ нѣмецкими разъездами или нападеній на транспорты, ни во время тяжелыхъ лишеній, испытанныхъ съ наступленіемъ ранней и суровой зимы. Онъ не терялъ хладнокровія даже при видѣ того жестокаго эгоизма, съ которымъ крестьяне иногда отказывали его измученнымъ людямъ въ ночлегѣ. Это тоже напоминало ему 1863 годъ.

Въ январѣ, во время марша бригады фонъ-Кеттлера къ Дижону, зажиточные фермеры того округа, гдѣ оперировалъ отрядъ Лонскаго, рѣшили отდѣлаться отъ него навсегда. Лонскій отдыхалъ въ глухой лѣсной деревнѣ послѣ удачной засады, въ которую попалъ цѣлый взводъ померанскихъ

драгунъ, когда его застигла тамъ непріятельская пѣхота, приглашенная невѣдомымъ предателемъ. Его люди частью были переколоты, частью спаслись. Самъ онъ былъ взять съ оружiemъ въ рукахъ и послѣ допроса, на которомъ не сказалъ ни слова, приговоренъ къ немедленному разстрѣлянію.

Когда его вели по замерзшей землѣ къ унылымъ въ своей зимней оголенности виноградникамъ, онъ услышалъ, какъ одинъ изъ сопровождавшихъ его солдатъ сказалъ другому по-польски: „Эти разбойники застрѣлили здѣсь недавно пятнадцать драгунъ, и всѣ пятнадцать—наши“. Не оглянуться, не крикнуть—было самимъ труднымъ дѣломъ въ жизни Лонскаго и самимъ дѣйствительнымъ изъ его подвиговъ. Лишь немного спустя онъ попросилъ, чтобы ему не завязывали глаза, и за минуту до залпа видѣлъ передъ собой польскія лица.

МОДЪ КЕМРОНЪ.

Посвящается К. Ф. Н.

Модъ Кемронъ была на короткое время московской гостьей, и ея имя значилось въ программѣ у „Яра“ на почетномъ мѣстѣ, гдѣ-то въ самомъ концѣ Аллеи Петровскаго парка, устланная бѣлымъ снѣгомъ, иней на деревьяхъ, бѣгъ саней и нѣжный февральскій воздухъ привели ее въ восторгъ. Былъ радъ всему этому и ея неизмѣнныи спутникъ послѣднихъ лѣтъ, баронъ Лильенръ; для него наша зима не была новостью, но она напомнила ему его шведскую родину.

Баронъ Лильенръ служилъ въ молодости дипломатомъ и на этомъ поприщѣ испыталъ нѣсколько неудачъ и разочарованій. На тридцать восьмомъ году жизни онъ оказался „свободнымъ путешественникомъ“, какъ самъ опредѣлялъ себя съ улыбкой, успѣвшимъ однако написать среди своихъ долгихъ досуговъ нѣсколько недурныхъ книгъ о различныхъ диковинныхъ странахъ. Съ Модъ Кемронъ онъ встрѣтился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ.

Уже тогда она считалась очень известной артисткой изъ мюзикъ холла, и ея слава

далеко затмевала собой скромную литературную славу Лильерна. Она была достаточно хороша собой; все было въ ней мѣткимъ и легкимъ: движенія, слова, мысли. Вообще говоря, она была изумительно одарена физически; на той сценѣ мюзикъ холла, которая взываетъ къ самымъ разнообразнымъ и причудливымъ человѣческимъ способностямъ, она могла исполнять рѣшительно все. Въ ранней молодости она выступала въ роляхъ головоломно-акробатическихъ, позднѣе ей случалось отлично танцевать необыкновенные танцы съ экзотическими наименованіями или разыгрывать небольшія и стремительныя пантомимы. Въ послѣднее время она выступала только какъ пѣвица и въ этой роли стяжала себѣ наибольшіе лавры.

Она напѣвала искусно и выразительно старинные шотландскія пѣсенки, гдѣ говорилось объ оленяхъ, пьющихъ воду изъ горныхъ озеръ, о пастухахъ, играющихъ на волынкѣ среди скалъ и ветереска, о матросахъ въ далекихъ моряхъ и о послѣднихъ Стоартахъ. Она появлялась на сценѣ, одѣтая то подругой хайлэндра, то съдой маркизой временъ Куллодена. Шотландцы, многочисленные въ Лондонѣ и въ городахъ Америки, сбѣгались ее слушать и ею восхищаться. И въ одномъ изъ этихъ городовъ она покорила сердце шведского путешествующаго барона Лильерна, хотя онъ ничего не понялъ въ трудныхъ шотландскихъ словахъ, именахъ и названіяхъ.

Ему понравился необычайно высокій ростъ Модъ Кемронъ, за который ея товарищи по сценѣ звали ее „длинная Модъ“. Ему понравились ея сѣрые веселые и умные глаза, короткій носъ и немногого комичный большой ротъ, ея лукавый голосъ и ея

остриженные темные съ золотистымъ отливомъ волосы. Ея нравъ оказался открытымъ, мужественнымъ, нетерпѣливымъ и самостоятельнымъ. На сценѣ мюзикъ холла, гдѣ царствуютъ, не въ примѣръ прочимъ сценамъ, добрыя отношенія, всѣ ее особенно любили и уважали ея внезапную и бурную справедливость.

Лильерна поразили ея врожденный тактъ ума и чувства, ея природный вкусъ и та способность къ настоящей артистической работѣ, которая сказывалась въ выборѣ и исполненіи шотландскихъ пѣсень. Находчивость и мѣткая настороженность всей натуры не оставляли ее никогда, и она весьма кстати воспользовалась своимъ пребываніемъ въ Америкѣ, чтобы записать нѣсколько новыхъ пѣсенокъ, родившихся на фермахъ Дальнаго Запада и на плантацияхъ Луизіаны. Эти пѣсни создали ей новый успѣхъ по возвращеніи въ Европу, и ихъ-то какъ разъ она и исполняла у „Яра“ въ костюмѣ cowboy и въ пестромъ цвѣтномъ платьѣ мулатки, когда была у насъ въ Москвѣ проѣздомъ въ Китай.

Въ Китай Модъ Кемронъ привлекалъ исключительно выгодный ангажементъ, ибо европейцы, скучавшіе въ одномъ крупномъ центрѣ чайныхъ и хлопковыхъ концессій, готовы были платить дорого за удовольствіе видѣть знаменитостей на сценѣ своего Эксельсіоръ-отеля. Кромѣ того, эта поѣздка доставляла огромное удовольствіе Лильерну и еще больше привязывала его къ Модѣ. Въ послѣдніе годы что-то въ родѣ легкой тоски или даже страха сжимало иной разъ ея храбреое сердце, когда она думала о своей слишкомъ полной и рѣшительной свободѣ въ этомъ слишкомъ обширномъ мірѣ.

Такимъ-то образомъ Модъ Кемронъ и баронъ

Лильернъ очутились однажды въ вагонѣ нашего сибирского экспресса, наряженные настолько похоже на полярныхъ путешественниковъ, что они не могли посмотреть другъ на друга безъ смѣха. Въ поѣздѣ Модъ скучала: она любила дѣятельность, движение, чистый воздухъ; она любила чувствовать подъ своей быстрой ногой асфальтъ городовъ или мягкую землю деревни. Положительно Лильернъ сердилъ ее, когда терпѣливо сидѣлъ съ книжкой въ рукахъ за столикомъ въ вагонѣ-ресторанѣ и смотрѣлъ въ окно. У него былъ такой видъ, какъ будто онъ родился въ международномъ поѣздѣ, и Модъ казалось, что онъ едва ли понималъ что-нибудь въ тѣхъ странахъ, о которыхъ писалъ, глядя на нихъ вотъ такъ, изъ окна вагона.

Въ страшной и снѣжной Сибири за окнами поѣзда вѣяло уже однако весной; сливы и вишни цвѣли въ Нагасаки, куда доставилъ ихъ „Юшики-Мару“, и весеннія бури сильно трепали американскій пакетботъ, который привезъ ихъ изъ Японіи въ назначенный портъ Китая. Въ яркомъ солнцѣ синія блузы безчисленныхъ кули казались блѣдно-голубыми а красныя черепичныя изогнутыя крыши странного города—блѣдно-розовыми, когда передъ путешественниками и передъ ихъ сундуками раскрылись гостепріимныя двери бѣлоснѣжного и неожиданно-мавританскаго Эксельсіоръ-отеля.

Дальнѣйшее потекло довольно обычнымъ образомъ: Модъ дебютировала съ естественнымъ для нея успѣхомъ; многочисленные и здѣсь шотландцы, къ числу которыхъ принадлежалъ и генеральный британскій консулъ, изображали восторгъ въ своихъ дѣтскихъ глазахъ и на своихъ красныхъ ли-

цахъ; молодые негоціанты подготовляли краткія любовныя декларациі и дѣлали кислые мины, узнавъ о присутствіи шведскаго барона; эксцентричныя миссъ подражали Модъ Кемронъ въ манерахъ и мечтали познакомиться съ ней гдѣ-нибудь по дальше отъ родительскихъ гостиныхъ. Все это было нисколько не занимательно для барона Лильерна, съ привычной усталостью надѣвавшаго каждый вечеръ свой фракъ. Глупый Эксельсіоръ раздражалъ его, и безвкусица, царившая въ кварталѣ европейскихъ концессій, приводила его въ ужасъ. Не только его преслѣдовали днемъ, но и снились ему по ночамъ мавританскій Эксельсіоръ, сосѣдній съ нимъ домъ голландскаго купца, построенный въ египетскомъ стилѣ „Аиды“, и американскій банкъ, представлявшій собой уменьшенную копію Амьенскаго собора.

Отъ всего этого они оба отдыхали лишь во время прогулокъ по китайскому городу, безконечно растилавшемуся немнога въ сторонѣ отъ концессій. Огромная бѣло-желтая рѣка катила тамъ свои волны, колыхая несмѣтное множество причаленныхъ къ берегу лодокъ. На этихъ лодкахъ, въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, разбѣгавшихся отъ берега, кипѣла жизнь человѣческаго муравейника, древняя и юная, непонятная и привлекательная. Для Модъ Кемронъ она была источникомъ неизсякаемаго любопытства и удовольствія. Вмѣстѣ съ Лильерномъ Модъ бѣгала по лавкамъ, пробираясь на джонки, поднимавшія свои паруса изъ циновокъ, заходила въ бѣдные дома съ бумажными стѣнами и отважно пробовала въ народныхъ харчевняхъ необыкновенныя блюда, вопросительно глядя на смущеннаго Лильерна и на ослабившихся

китайцевъ. Они посещали храмы, кумирни, маленькие народные театрики и даже аристократическая курильни опіума, куда Модъ проникала, одѣтая въ мужской костюмъ, и гдѣ слѣдила она своимъ быстрымъ и проницательнымъ глазомъ за движениемъ китайскихъ танцовщицъ, — набѣленныхъ и нарумяненныхъ куколокъ, едва переступавшихъ крошечными ногами. По вечерамъ бумажные фонари съ черными и красными буквами зажигались на кишащихъ народомъ улицахъ и на безчисленныхъ лодкахъ, большая красная луна заманчиво висѣла надъ изогнутыми крышами, пахло рѣкой и китайской кухней. Утромъ сверкало солнце, тучи птицъ носились надъ водой, серебрились ивы, опускавшія къ ней тонкія вѣтви, нѣжно зеленѣли рисовые поля за городомъ. Въ одну изъ своихъ утреннихъ загородныхъ прогулокъ Модъ Кемронъ и Лильернъ набрели на заброшенную кумирню въ кедровой рощицѣ, гдѣ слабо звенѣли отъ вѣтра подвѣшенные Богъ вѣсть сколько вѣковъ тому назадъ къ крышѣ фарфоровые колокольчики. Это было такъ хорошо и неожиданно, что Модъ Кемронъ едва не расплакалась.

Въ концѣ-концовъ, когда истекъ недолгій періодъ ея гастролей, ни ей, ни ея спутнику не захотѣлось уѣхать. Лильернъ немного ожилъ, увлекшись древней китайской живописью. Онъ проводилъ цѣлые дни въ кварталѣ, казавшемся ему райскимъ, потому что то былъ кварталъ артистовъ, мудрецовъ и антикваріевъ. Старые китайцы въ круглыхъ очкахъ развертывали передъ его восхищенными взорами шелковые свитки съ аистами и цветами эпохи Сунгъ, съ торжественными портретами эпохи Мингъ. Чтобы онъ лучше могъ видѣть ихъ, они выносили

эти свитки изъ своихъ полутемныхъ и пыльныхъ лавокъ прямо на улицу, и тамъ однажды Лильернъ увидѣлъ передъ собой нѣжный горный пейзажъ рѣдчайшей эпохи Тангъ, тщетно стараясь прочесть на безстрастномъ лицѣ толстаго и важнаго торговца, держить ли онъ въ рукахъ драгоценныи перлъ или искуснѣйшую поддѣлку.

Модъ Кемронъ справедливо рѣшила, что это было несущественно, разъ только доставляло ему удовольствіе. Она была рада увлеченію Лильерна и сама не прочь была пожить въ Китаѣ, настойчиво пытаясь проникнуть въ тайну китайскаго танца, въ которомъ не ноги, но руки играли главную роль: ритмическая волна пробѣгала отъ шеи и плечъ къ безконечно гибкимъ, заостреннымъ и огненнымъ пальцамъ. Они поспѣшили только покинуть ненавистный имъ Эксельсіоръ и поселились въ обширномъ и низкомъ домѣ, охватывавшемъ цѣлый рядъ внутреннихъ дворовъ и крохотныхъ садиковъ, который принадлежалъ зажиточному китайцу Пеангу и былъ расположенъ на половинѣ пути между европейскими концессіями и стѣной китайскаго города.

Вскорѣ оказалось однако, что они выбрали не совсѣмъ удачное время для своего китайскаго перевоплощенія. Лильернъ за поисками блѣдныхъ шедевровъ и Модъ Кемронъ за мечтами о соколиной охотѣ среди рисовыхъ полей (ея послѣдняя фантазія) мало обращали вниманія на тѣ слухи и толки, которыми была занята вся европейская колонія. Однажды, наконецъ, генеральный консулъ, обѣдавшій съ ними въ Эксельсіорѣ на правахъ ходостяка и шотландца, предупредилъ ихъ, что по всѣмъ признакамъ разрастается опасное китайское

движеніе, что возможно повтореніе печальныхъ событій 1900 года, что на дніахъ ожидается пароходъ „Сингапуръ“, который увезетъ женщинъ и дѣтей европейской колоніи и что ихъ пребываніе за предѣлами концессіи является особенно рискованнымъ.

Модъ Кемронъ и Лильернъ беспечно видѣли приходъ и уходъ „Сингапура“ и дождались того, что въ устьѣ рѣки появился крейсеръ его британскаго величества „Прокрида“, пушки котораго были подняты и наведены на китайскій городъ. Ихъ образъ жизни нѣсколько измѣнился: Лильернъ пересталъ посещать свой любимый кварталь, и купцы приносили ему свитки въ домъ Пеанга, и этотъ домъ, „ея китайскій домъ“, сдѣлался главнымъ предметомъ для любопытства Модъ Кемронъ, стѣсненной теперь въ своихъ прогулкахъ.

Самъ Пеангъ сталъ прежде всего объектомъ ея наблюденій и причиной ея удивленныхъ не разъ размышеній. Ничего яснаго и отчетливаго, — такого яснаго и отчетливаго, какъ сама Модъ Кемронъ, — нельзя было прочесть на его желтомъ, морщинистомъ лицѣ. Оно казалось ей то добрымъ, то страшнымъ, то дѣтски наивнымъ, то безконечно мудрымъ; то ласковымъ, то враждебнымъ; то почтительнымъ, то насмѣшливымъ. Тѣни униженной покорности и дьявольского высокомѣрія скользили по немъ, непримѣтно смѣняя одна другую; тонкій ротъ улыбался съ двойственнымъ выраженіемъ; узкіе глаза смотрѣли глубоко и серезно, обращенные внутрь себя.

Не разъ Модъ Кемронъ обращалась къ Лильерну съ разспросами о китайцѣ. Тотъ могъ только пожимать плечами и не былъ въ состояніи удовлетворить ея любопытство. Изъ смутныхъ и сложныхъ

чувствъ, какія вызывалъ въ ней Пеангъ, вырастало съ теченіемъ дней одно чувство глубокаго уваженія къ тайнѣ, олицетвореннай этимъ человѣкомъ, къ тайнѣ всей этой безмѣрной и непроницаемой страны, погруженной въ свой очарованный сонъ. Модъ Кемронъ не удивилась, встрѣтивъ однажды въ дальнемъ дворикѣ дома группу пестро и картино одѣтыхъ людей съ каменными, жестокими лицами и странными предметами вооруженія въ рукахъ. Она ничего не сказала тогда Лильерну. Въ другой разъ она неожиданно встрѣтила въ этомъ уединенномъ дворикѣ самого Пеанга, открывавшаго небольшую зеленую дверь. Онъ замѣтно вздрогнулъ и прикрылъ дверь. Но въ то самое мгновеніе, когда Модъ Кемронъ повернулась, чтобы уйти, она почувствовала, что кто-то тихо взялъ ее за руку. Пеангъ глядѣлъ ей прямо въ лицо, и въ узкихъ глазахъ его блеснуло нѣчто безошибочно близкое къ довѣрію и симпатіи. Онъ вѣжливо говорилъ что-то по-китайски и настойчиво тянулъ Модъ за руку.

Они вошли въ просторную низкую комнату. „Моя дочь“,—сказалъ Пеангъ по-англійски. Модъ Кемронъ увидѣла крохотную женщину, неподвижно сидѣвшую въ низенькомъ причудливой формы креслѣ. Ея лицо было густо набѣлено и наrumяниено, волосы казались покрытыми чернымъ лакомъ; она была одѣта ярко и богато; красноватое золото тускло горѣло на ней среди зеленаго, желтаго и лиловаго шелка; крупные драгоценныя камни сверкали у нея на пальцахъ и на шеѣ. При видѣ вошедшихъ ея лицо не выразило ничего, но черезъ мгновеніе послышался ея тонкій, какъ бы искусственный голосъ. Быть-можеть, она молиласъ, пѣла

или читала стихи. Модъ Кемронъ смотрѣла на ея ярко красныя губы, которые почти не двигались. Ей стало вдругъ жутко, и она убѣжала.

Нѣсколько дней спустя генеральный консулъ вызвалъ къ себѣ Лильерна. Онъ вернулся вечеромъ, разстроенный и встревоженный. По словамъ консула, имъ необходимо было уѣхать. Взрывъ восстания ожидался на дняхъ: вчера исчезла шлюпка съ „Прокриды“, и сегодня въ рѣкѣ были найдены звѣрски обезглавленныя тѣла девяти бѣдныхъ матросовъ. Британскій флагъ остался въ рукахъ мятежниковъ. Но самое ужасное было то, что Пеангъ имѣлъ ко всему этому какое-то отношеніе. Повидимому онъ являлся соглядатаемъ заговорщиковъ, постоянно вертясь въ концессіи. Кроме того, у него оказывалась сумасшедшая дочь, которая играла у китайцевъ роль пророчицы, предсказывая имъ скорое изгнаніе варваровъ. Въ ближайшую ночь предстоялъ арестъ Пеанга отрядомъ англійскихъ моряковъ, и только для того, чтобы не возбуждать его подозрѣній, консулъ просилъ Лильерна остаться въ домѣ до утра.

Выслушавъ Лильерна, Модъ Кемронъ вышла изъ комнаты. Она разыскала Пеанга на дальнемъ дворѣ, и казалось, онъ понялъ все мгновенно, какъ только увидѣлъ ея свѣтлое лицо въ сумракѣ вечера. Безъ шума и безъ огней двое преданныхъ слугъ китайца перенесли на спѣхъ собранныя вещи въ лодку, причаленную у ограды сада. Затѣмъ со знаками величайшаго благоговѣнія они приблизились къ маленькому креслицу, гдѣ сидѣла дочь Пеанга. Но, повинуясь какому-то внезапному порыву, Модъ Кемронъ сама схватила въ объятія это непостижимое существо и, легко ставя свои длин-

ныя ноги среди карликовыхъ дёревьевъ китайского сада, побѣжала къ рѣкѣ. Тамъ она бережно опустила дочь Пеанга на цыновку. Пеангъ и слуга съ трудомъ поспѣвали за ней. Передъ тѣмъ какъ лодка отчалила, онъ кланялся, кланялся ей безъ конца и въ послѣднюю минуту передалъ ей длинный и узкий деревянный ящикъ, обвязанный шелковой тесьмой. Подарокъ смущилъ ее, но она все же не кинула его въ воду. Вернувшись къ Лильерну, она сказала: „Я предупредила ихъ. Это должно было быть сдѣлано. Я несла сейчасъ на рукахъ настоящую маленькую богиню, красивую какъ звѣзда и холодную какъ мраморъ“. Лильернъ, остылбенѣвшій отъ изумленія, былъ похожъ въ ту минуту на его любимую терракоту бонзы, давшаго вѣчный объѣтъ молчанія.

Лейтенанту, который явился съ отрядомъ матросовъ, Модъ Кемронъ мужественно рассказала все. Онъ вѣжливо выслушалъ ее и попросилъ обоихъ переселиться немедленно въ кварталь концессій. Лильернъ не успѣлъ собрать свой фарфоръ, свою глину и бронзу, своихъ Сунговъ и Минговъ. Онъ былъ совершенно убитъ и, очутившись въ Эксельсіорѣ, чувствовалъ себя преступникомъ, заключеннымъ въ тюрьму.

На разсвѣтѣ толпы причудливо и наивно вооруженныхъ китайцевъ съ криками „Чао, Чао!“, призывавшими къ убийству, вышли изъ воротъ старого города. Они дошли только до дома Пеанга, потому что нѣсколько шрапнелей, пущенныхъ съ „Прокриды“, разсѣяли ихъ и обратили въ бѣгство. Домъ Пеанга запылалъ, а черезъ нѣкоторое время десятка три бомбъ, брошенныхъ въ китайской городъ, зажгли и его. Лильернъ съ волненіемъ смотрѣлъ

на пожаръ, и ему казалось, что онъ различалъ дымъ, валившій изъ его любимаго квартала, и этотъ дымъ чудился ему особыеннымъ, драгоценнымъ.

Модъ Кемронъ повторила свои показанія подъ аккомпанементъ пушекъ. Ей обѣщали снисходительное сужденіе страннаго ея поступка, но указали, что молва о немъ можетъ облетѣть весь міръ и рѣшительно повредить ея сценической репутаціи въ глазахъ всѣхъ честныхъ и патріотическихъ гражданъ Британской имперіи.

Модъ Кемронъ не раскаивалась, но утомленіе охватило ее. Она слабо пробормотала какую-то благодарность консулу и вернулась въ Эксельсіоръ Лильернъ сидѣлъ въ залѣ и печально завтракалъ. Ей вдругъ сдѣлалось жаль его. Она наклонилась къ его уху и шепнула: „Пеангъ мнѣ подариль что-то. Онъ зналъ, какъ вы любите живопись, и я думаю, что это что-то очень хорошее“.

Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ, вошла въ свою комнату, достала длинный и узкій ящичекъ, развязала шелковую тесьму. Снявъ крышку, она увидѣла свернутый флагъ исчезнувшей шлюпки съ „Прокриды“.

ВЪРА МОРЕЛЛИ.

*Александру Андреевичу Карзинкину
на память о вечерѣ въ саду на Джудекѣ,
о Мальконентѣ и Стра, о
радостныхъ дняхъ Миланской осени.*

I.

Лѣто 1913 года московскій адвокатъ Н. со своей дочерью Вѣрой собирались прожить на Лидо. Но Лидо имъ не понравилось, и они остались въ Венеціи. Здѣсь они вели жизнь божественную въ своей легкости, благословляя каждый вечеръ небо за принятное ими рѣшеніе. Н. любилъ коллекціонировать художественную мелочь. Не было окна близъ Мерчери или близъ Фреццаріи, гдѣ бы не простоявалъ онъ часами, оперевшись на трость; не было антикварія на Большомъ каналѣ, куда не подтягивалъ бы дряхлый портьере крюкомъ его гондолу; не было чердака или склада въ подвалѣ старого дома, куда не вводилъ бы его со свѣчой въ рукѣ желтый и сладкорѣчивый левантинецъ.

Вѣра сопровождала отца въ этихъ экскурсіяхъ, то смертельно зѣвая, то бурно увлекаясь покупками. Не разъ брала она съ собой альбомъ и краски, и, сердито сосредоточиваясь, рисовала рыжія, табачныя и оранжевые стѣны, опрокинутыя въ зеле-

ную воду канала,—рисовала талантливо и ново, какъ рисовали ея московскіе и парижскіе друзья. Такъ же талантливо и ново она учились, читала и одѣвалась въ своей зимней московской жизни, танцевала въ пластической студіи и играла въ артистическомъ и философскомъ театрѣ.

Объ этой зимней жизни Вѣра мало думала, сидя гдѣ-нибудь на ступенькѣ въ пронизанной солнечными искрами тѣни и дожинаясь отца. Венецианская тишина растворяла въ себѣ заботы ума и печали сердца. Все, что съ ней было когда-то, казалось Вѣрѣ далекимъ, малымъ, недостовѣрнымъ. Еще немного отдалиться и умалиться этому прошлому, и Вѣра могла бы понять, какъ чувствуютъ себя души во второмъ воплощеніи.

Однажды ей случилось ждать отца въ антикварной лавкѣ Сканетти, укрывавшейся отъ глазъ покупателя въ отдаленномъ кварталѣ Кармине. Она покорно выслушала известные по прежнимъ посещеніямъ разсказы синьора Сканетти объ его блестящихъ дѣлахъ съ Китчинеромъ, остановившимся неизмѣнно въ скромномъ англійскомъ пансіонѣ „Ла Кальчина“, и теперь готовилась задремать въ низкомъ креслѣ съ цвѣточками, слушая лепеть неуспокоившагося антикваря и щелканье двухъ розовенькихъ круглыхъ попугайчиковъ въ огромной клѣткѣ, подвѣшенной у окна. Клѣтка покачивалась такъ мѣроно, что Вѣра, наконецъ, закрыла глаза. Синьоръ Сканетти и попугай поплыли въ радужныя страны, которыхъ не зналъ самъ Китчинеръ въ своихъ походахъ къ истокамъ Бѣлаго и Голубого Нила...

— Синьорина! — Вѣра вздрогнула и очнулась. Сканетти стоялъ передъ ней, улыбаясь старымъ

лицомъ и поддерживая обѣими руками большого золотого съ крылышками младенца.

— Что это? Какая прелестъ! Синьоръ Сканетти, Боже! — я беру его.— То былъ крупный, толстощекій и очень забавный со своимъ крошечнымъ ротикомъ и выпученными глазами деревянный позолоченный ангель, слетѣвшій въ лавку Сканетти съ алтаря какой-нибудь сельской церкви барокко.

Антикварій бережно опустилъ его на полъ, и Вѣра, вставъ на колѣни, наклонилась надъ нимъ, всплескивая руками отъ восхищенія, совсѣмъ какъ венецианка въ сценѣ „Найденного Моисея“ Париса Бордоне или Бонифаціо.

Черезъ нѣсколько мгновеній покупка была совершена. Вѣра не хотѣла ждать ни одной минуты, она не приняла услугъ посыльного и, довольная, что можетъ не встрѣтиться съ отцомъ въ столь критическихъ обстоятельствахъ для тонкаго коллекціонера, выхватила своего золотого младенца изъ рукъ Сканетти, обернула его кое-какъ въ нѣсколько нумеровъ „Гадзетино“ и пустилась бѣжать. На улицѣ мужество быстро покинуло ее. Не было человѣка, который не обернулся бы и не посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Двѣ венецианки въ черныхъ платкахъ замерли при ея приближеніи и вдругъ звонко захохотали. Младенецъ оказался тяжель, газета сползла и открыла венецианскому солнцу его безстыдныя золотыя округлости. Мальчишки уже собирались вокругъ Вѣры; на Кампо Санъ Поло изъ лавки цырюльника выбѣжали за ней два подмастерья и кліентъ съ намыленной щекой. Съ ужасомъ вспомнила она, что ей предстоитъ сейчасъ идти сквозь Ріальто.

Въ эту минуту молодой человѣкъ въ соломен-

ной шляпѣ и сѣромъ костюмѣ, появившійся невѣдомо откуда, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ рядомъ съ ней и затѣмъ рѣшительно взялъ у нея изъ рукъ ужаснаго „bambino“. „Вы устали, синьорина,— сказалъ онъ,— позвольте, я помогу вамъ“. Вѣра такъ упала духомъ, что не оказала сопротивленія.

Ріальто явилось нестрашнымъ въ сопровожденіи незнакомца. Вѣра украдкой поглядывала на него: онъ шагалъ молча и серьезно, поддерживая золотого младенца одной рукой. „Приключение,— подумала она,— красивъ итальянецъ!“,— и вдругъ совсѣмъ ободрилась и развеселилась. „Вы англичанинъ?— спросила она нарочно, взглянувъ еще разъ на его очень правильное бритое лицо съ твердо очерченнымъ ртомъ и свѣтлыми глазами. „Я изъ Милана,— отвѣтилъ онъ,— я только сегодня прїѣхалъ въ Венецию изъ Тріеста, по пути изъ Германіи, куда ъѣздила по дѣлу, и завтра слѣдую дальше“. „Вы, должно-быть, очень дѣловой человѣкъ“, сказала Вѣра. Миланецъ пріостановился, заглянулъ ей въ глаза, комическимъ жестомъ приподнялъ „bambino“ вмѣсто отвѣта и засмѣялся открыто и весело, сдѣлавшись похожимъ на маленькаго мальчика.

„Онъ пріятель, съ нимъ можно было бы подружиться“, думала Вѣра приближаясь къ отелю, въ то время какъ ея спутникъ говорилъ о своемъ интересѣ къ Россіи и о симпатіи къ русскимъ, которыхъ зналъ въ Италіи и въ Германіи. „Папа!“— вскрикнула Вѣра. Въ дверяхъ отеля показалась фигура сѣдого адвоката. Сцена знакомства была такъ неожиданна, что всѣ трое улыбались. Золотой „bambino“ перешелъ изъ рукъ итальянца въ руки Вѣринаго отца и, освободившись совсѣмъ

отъ газетъ, на рукахъ швейцара поплылъ въ вестибюль.

Только уже поднимаясь по лѣстницѣ, адвокатъ взглянула на дочь испытующе и сказала: „Слишкомъ красивъ этотъ Уго Морелли,—онъ взглянула на визитную карточку, провѣряя себя.—Гдѣ, скажи пожалуйста, ты его подобрала?“.—„Папа!—возмущилась Вѣра,—я тебѣ все рассказала!“

Въ тотъ вечеръ, сидя у Лавены, на площади, Уго Морелли думалъ, что никогда еще ему не случалось столь до странности явственно ощущать живую душу въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ у этой русской дѣвушки съ безконечно оживленнымъ лицомъ.

II.

Уго Морелли не уѣхалъ на другой день, потому что Вѣра встрѣтила его передъ вечеромъ, когда зажигались огни у витрины Найя, и гуляла съ нимъ въ этотъ чудесный для Венеции и магический для всякой архитектуры часъ между днемъ и ночью. Не уѣхалъ онъ и въ слѣдующіе дни, которые летѣли такъ, что хотѣлось имъ крикнуть „Стой, время!“ и удержать рукой молоты бронзовыхъ гигантовъ, отбивающихъ часы на Торре-дель-Оролоджіо.

Въ одно юльское утро Уго и Вѣра сошли съ парохода на пристани въ Фузинѣ, откуда бѣжитъ трамвай въ Падую, вдоль теченія Бренты. Голубоватыя, слабо окрашенныя воды лагуны разстилались за ними тихимъ зеркаломъ. Было очень жарко, все живое пряталось въ тѣнѣ. Вѣра и Уго,—кажется, одни,—сѣли въ душный вагончикъ трамвая. Онъ глядѣлъ на нее неотступно и влюбленно. Безъ шляпы онъ былъ прекрасенъ и юнъ и улыбался

простосердечно всѣмъ лицомъ и свѣтлыми глазами.

Вѣра мало говорила въ его обществѣ. „Я такъ плохо объясняюсь по-итальянски, что могу показаться вамъ глупѣе, чѣмъ я есть“, сказала она ему однажды. Она охотно слушала его длинныя подчасъ разсужденія, гдѣ затѣйливо переплетались энтузіазмъ расы и холодъ реальности, чувство исторіи и преклоненіе передъ современностью. „Я люблю старую Венеція,—сказалъ онъ ей какъ-то въ началѣ знакомства,—но когда я думаю о побѣдахъ науки и техники, о героическомъ напряженіи силъ нашей эпохи, у меня захватываетъ духъ отъ чувства ея величія“.

Эти слова поразили тогда Вѣру, и она вспомнила ихъ теперь, когда въ окнѣ двинувшагося, наконецъ, вагона показался стройный очеркъ Мальконтенты. „Чувствуемъ ли мы,—говорилъ Уго, указывая ей на палладіанскую виллу,—чувствуемъ ли мы красоту этихъ пропорцій, законъ этихъ простыхъ и малыхъ чиселъ такъ, какъ чувствовалъ его Палладіо? Быть-можетъ, нѣтъ, но зато въ числѣ и его законѣ мы чувствуемъ иное, чего не зналъ XVI вѣкъ. Намъ открывается путь къ познанію сказочно-большихъ чиселъ и фантастически-сложныхъ отношеній. Недалеко время, когда числа, выражаютія разстоянія планетъ или скорости частицъ эаира, когда самыя формулы, улавливающія законы механики, перестанутъ быть только мучительнымъ усилиемъ памяти, пустымъ звукомъ для воображенія“, и Уго прочиталъ нѣсколько строфъ изъ поэмы о силахъ и скоростяхъ невѣдомаго Вѣрѣ поэта, котораго называлъ своимъ другомъ...

Смутная тревога овладѣвала Вѣрой вотъ уже

нѣсколько дней. Приключеніе, которое только вѣселило ее въ первые дни, несло съ собой нѣчто иное, рѣшительное для нея и неотвратимое. У нея не было больше силъ бороться шуткой или легко-мыслиемъ противъ глубокой и простосердечной обращенности къ ней всего физического и духовнаго существа Уго. Чувство Уго раскрывалось передъ ней со страшной и безвыходной прямотой латинскихъ чувствъ, не знающихъ славянскихъ двойственостей. Оно было похоже на ту великую силу тяготѣнія, рождающую скорости и энергіи, о которой любили говорить его излюбленные поэты. Попавъ подъ дѣйствіе этой силы, Вѣра перестала чувствовать себя свободной.

Она думала объ этомъ какъ разъ наканунѣ, полная рѣшимости что-то сдѣлать, чтобы разрушить очарованіе. Но такъ жарокъ былъ тотъ день, такъ убаюкивалъ бѣгъ шаткихъ вагончиковъ, такъ безпощадно-плѣнительно было ясное въ эти часы любви, всегда близко къ ней обращенное лицо Уго, что она не сказала и не сдѣлала ничего. Уже подъ самой Падуей, взглянувъ на бѣжавшія подъ мостомъ рѣчныя струи, она мысленно сказала себѣ: „Пусть все течеть, какъ эта вода!“ сказала, вздохнула и съ чѣмъ-то простились въ своей жизни.

Послѣ завтрака въ Падуѣ Вѣра и Уго очутились на виллѣ Стра. Всльдъ за прихрамывающимъ сторожемъ они обошли рядъ историческихъ комнатъ и большую залу съ плафономъ Тьеполо. Краски великаго мастера свѣтились празднично и побѣдно. Куртизанки въ углахъ плафона улыбались Вѣрѣ безстыдно и соблазнительно. У нея слегка закружилась голова отъ глядѣнія вверхъ, и она взяла Уго подъ руку.

Знойный воздухъ послѣ полуудня охватилъ ее, когда они спустились во дворъ. Вѣра совсѣмъ поникла, и даже лабиринтъ изъ вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ, которому она такъ обрадовалась бы въ другое время, мало оживилъ ее. Очень близкіе другъ другу, они тихо шли по узенькой дорожкѣ между двумя зелеными стѣнами; сторожъ деликатно покинулъ ихъ. Зайдя въ одинъ изъ безчисленныхъ тупиковъ лабиринта, они остановились и поглядѣли другъ другу въ глаза. „Выхода нѣть“, сказаль Уго. Онъ наклонился къ ней и обнялъ ее. „Выхода нѣть“, повторила Вѣра и откинулась на горько пахнущій буксусъ.

III.

Сколько ни пожимала плечами Вѣра, сколько ни принимала смѣлыхъ и отчаянныхъ рѣшеній наединѣ съ собой, сколько ни высказывала свободныхъ и новыхъ взглядовъ въ разговорѣ съ отцомъ, свадьба ея должна была состояться въ Москвѣ ранней осенью. Вѣра была смѣла и свободна только въ отсутствіе Уго. При немъ она странно смирялась; отецъ видѣлъ это и слегка горевалъ.

Какъ во снѣ почти равнодушно простиась она съ Венецией, видѣла Миланъ и какихъ-то неожиданныхъ чужихъ людей, родныхъ Уго,—его отца, маленькаго сѣдаго старика, кажется, полковника въ отставкѣ, его двухъ сестеръ, некрасивыхъ и немолодыхъ жеманыхъ синьоринъ, съ которыми Уго былъ безхитростно нѣженъ. Всѣ вмѣстѣ, хозяева и гости, чинно сидѣли въ маленькомъ „sallotto“ съ кружевцами, салфеточками и занавѣсками.

Вѣра взглянула на своего отца. „Еще не поздно бѣжать!“ мелькнуло у нея въ умѣ. Въ тотъ самый вечеръ, идя вмѣстѣ съ Уго сквозь шумъ и огни на площади Дуомо, ощущая такъ близко къ себѣ легкую и жаркую энергию всего его существа, Вѣра чувствовала себя снова высоко,—выше, чѣмъ вотъ этотъ шпиль собора,—поднятой надъ толпой, надъ жизнью, надъ всѣмъ, что не она, не онъ и не ихъ любовь.

Россія, Москва произвели на Уго Морелли до странности малое впечатлѣніе. Бѣдному и грубому облику нашей городской жизни, однообразію нашихъ полей и лѣсовъ онъ не удивился. Великія пространства Россіи, теченіе воздуха, шумъ вѣтра въ ея безмѣрныхъ протяженіяхъ одни заставляли его отвести упорный взглядъ отъ глазъ Вѣры. „Онъ ничего не видить, кромѣ тебя“, смѣялся ея отецъ.

Вѣра хмурилась въ отвѣтъ. Она спѣшила со свадьбой и отъѣздомъ. Ей не нравилось пребываніе Уго въ Россіи. Ей было какъ-то неловко видѣть его на московскихъ улицахъ, въ деревенскомъ саду, на сжатомъ полѣ. Ни его прекрасное и правильное лицо, ни его элегантный костюмъ не имѣли никакого отношенія ни къ этимъ людямъ, ни къ этому пейзажу. Дѣйствительно, они настолько не имѣли къ этому никакого отношенія, что Уго Морелли простодушно не замѣтилъ ни людей ни пейзажа. Вѣра позволила ему быть въ деревнѣ только три дня и увезла въ Москву, по счастью, еще лѣтнюю, гдѣ не было ни друзей, ни знакомыхъ.

Въ октябрѣ началась ея итальянская жизнь. Всегда впослѣдствіи она вспоминала это время своей жизни съ легкимъ уколомъ грѣховности.

Она жила въ комнатѣ на маленькой виллѣ, стоявшей надъ озеромъ, въ двухъ часахъ пути оть Милана, гдѣ работалъ Уго въ качествѣ инженера и конструктора. Когда заходило солнце, слышень былъ шумъ его автомобиля на дорогѣ, или онъ поднимался со станціи пѣшкомъ и, перепрыгнувъ черезъ оградку, стучалъ въ окно. Вѣра выбѣгала ему навстрѣчу съ широко-раскрытыми неподвижными глазами, удерживая крѣпко бьющееся сердце. Уго безъ словъ сжималъ ея руки, цѣловалъ ее долго, безконечно; его лицо въ одну минуту худѣло отъ страсти, зубы стучали. Они спѣшили въ спальню, гдѣ онъ оставлялъ ее, когда утреннее солнце бросало косой лучъ сквозь пріотворенное окно, освѣщая наивныя крылышки и толстые щеки завѣтнаго золотого амура, подвѣшенного у изголовья.

Днемъ не то тревога сердца, не то физическая тоска съѣдали Вѣру. Книжка валилась у нея изъ рукъ, и она закрывала окно, чтобы не видѣть озера. Случалось, что она садилась въ поѣздъ иѣхала въ Миланъ. Съ вокзала такси везъ ее улицами, о существованіи которыхъ она раньше и не подозрѣвала въ Италіи. Тянулись ряды новыхъ каменныхъ „villino“, стѣны фабрикъ, трубы заводовъ. На пустырѣ, обнесенномъ рѣшеткой, располагались ряды сараевъ и мастерскихъ, назначеніе которыхъ было ей мало понятно. Ревѣли и жужжали моторы, звенѣлъ молотокъ по легкимъ металлическимъ трубамъ, вѣтеръ гудѣлъ въ натянутыхъ какъ струна проволокахъ. На зеленой лужайкѣ Вѣра видѣла простертымъ бѣлое крыло аэроплана.

То былъ заводъ, гдѣ служилъ Уго. Привѣтливо

кинувъ Вѣрѣ, кто-нибудь изъ рабочихъ пускался на его поиски, и появлялся онъ, взволнованный, приподнятый, съ лихорадкой любви и работы въ глазахъ, едва удерживающійся, чтобы не обнять ее крѣпко передъ сочувствующими и улыбающимися итальянцами. Тревога и тоска Вѣры разсѣивались.

Иногда они завтракали вмѣстѣ у Ковы, гдѣ знаменитые тенора и басы смотрѣли на нихъ такъ же привѣтливо и сочувственно, какъ рабочіе на заводѣ. Два или три раза за зиму они были въ драматическомъ театрѣ; тамъ Вѣра сердилась и пожимала плечами, а Уго былъ снисходителенъ и разсѣянъ, оторванный отъ напряженной работы и обычныхъ для него размышленій. Въ февралѣ онъ повезъ ее на торжественную товарищескую пирушку и познакомилъ со своими друзьями. Банкетъ былъ данъ въ честь Альдо Бонацци, по случаю его возвращенія изъ Ливіи, только-что завоеванной итальянцами. Тамъ на мѣстѣ одного изъ былыхъ эпикуреическихъ городовъ Киренаики и одного изъ будущихъ коммерческихъ портовъ Великой Италии Альдо Бонацци построилъ какой-то замѣчательный водопроводъ.

Вѣрѣ понравились друзья Уго,—маленький живой и страшно загорѣлый Альдо, неудержимо краснорѣчивый поэтъ Гвидо Тоеска, хрупкій и болѣзnenный живописецъ Сервіо Сербалліни, музыкантъ Перетти и еще многіе, многіе другіе, имена которыхъ она не запомнила. Ей понравилась обдуманная тщательность ихъ костюмовъ и театральная пламенность ихъ рѣчей. Ее пріятно удивило, какъ много было цветовъ, огней и красиваго стекла въ убранствѣ банкета и какъ скромны,

умъренны и трезвы были всѣ эти молодые артисты и отважные піонеры въ обращеніи съ виномъ, сигарнымъ дымомъ и гостями.

Ихъ было впрочемъ всего двѣ гости, вмѣстѣ съ храброй артисткой Джуліей Азоланъ, потому что Тереза Бонацци, величественная и картинная сестра Альдо, взяла на себя роль хозяеки банкета и распоряжалась имъ легкимъ мановеніемъ обнаженной руки, не мѣня торжественной позы и трагически-неподвижного лица. Вѣра съ ироническимъ любопытствомъ слѣдила за ней, немного утомившись рѣчами. Было слишкомъ много этихъ рѣчей. Вѣра слышала мечты о Великой Италии, о новой латинской цивилизаціи, о безчисленныхъ морскихъ и воздушныхъ флотиліяхъ новаго Рима, индустріального, научнаго, ультра-современаго, но вооруженнаго все той же молніей энергіи, которую держалъ въ своей руцѣ Юпитеръ старого Рима. Она слышала призывы къ дѣйствію во всѣхъ его видахъ и торжественные клятвы подчинить велѣніямъ цезаристического генія безславный и безцѣльный трудъ человѣческихъ множествъ. Уго, къ кому съ такимъ энтузіазомъ тянулись бокалы, говорилъ объ открытіи воздуха нашей эпохой,—открытіи, рядомъ съ которымъ дѣло Колумба кажется подвигомъ ребенка, потихоньку убѣжавшаго въ садъ и нашедшаго тамъ бесѣдку.

Поздно ночью автомобиль мчалъ Уго и Вѣру по пути къ озеру. Она сладко дремала, пока не проснулась на сильномъ толчкѣ. Въ ушахъ ея еще раздавались слова Гвидо Тоеска, выкрикивающаго поэму о сцѣпленіи кристалловъ и рожденіи математически прекрасной воли явленій изъ хаоса вещества. „Вы герои, вамъ нужны такія женщины,

какъ Тереза“,—сказала она. Уго, ласково придер-живавшій ее за талію, улыбнулся ей и не понялъ ея.

IV.

Весной, когда такъ томительно долго стояли безлистенные деревья подъ яркимъ синимъ небомъ и блестящимъ солнцемъ, Вѣра стала худѣть, нервничать и хворать. Озеро стало ей невыносимо, и она перѣхала бы въ Миланъ, если бы съ этимъ не было связано болѣе частое посѣщеніе семьи Морелли. Уго былъ все такъ же нѣженъ съ ней, но еще болѣе утомленъ мыслями и хлопотами о постройкѣ аэроплана созданнаго имъ новаго типа.

Ему Вѣра не находила силъ сказать ничего рѣзкаго въ самыя свои дурныя минуты, но съ поэтомъ Гвидо Тоеска она однажды сильно повздорила. „Вы, итальянцы, съ удовольствіемъ засадили бы насъ въ гинекей!“, сказала она ему въ концѣ жаркаго спора. „Что же, пусть гинекей!—кричалъ бурный Тоеска.—Величайшиe государственные организмы процвѣтали въ славѣ и могуществѣ, когда женщина была ограждена стѣнами дома,—таковъ Римъ консуловъ, такова Испанія конquistодоровъ. Сенсуализмъ, культь женщины, власть наслажденія—вотъ позорнѣйшее пятно нашей эпохи, и оно должно быть смыто потоками крови, которые прольютъ легіоны новаго Цезаря, если только это не будутъ полчища новаго Тамерлана“.

Въ концѣ іюня Вѣра присутствовала въ числѣ маленькой группы приглашенныхъ при испытаніи нового аппарата Морелли. Она сильно волновалась, но не боялась ни капельки: мысль о несчастіи съ Уго, о вторженіи слѣпого случая въ

его царство логического построения просто какъ-то не могла придти въ голову. Видѣть же высоко въ небѣ серебристую точку и въ ней угадать своего Уго—Вѣра еще не научилась. Ей показалось, что все кончилось очень скоро, когда аппаратъ покатился по землѣ и въ немъ мелькнуло дѣтски-улыбающееся ей лицо Уго, когда эксперты, друзья, журналисты и офицеры обступили ихъ, когда знаменитый авіаторъ, летавшій съ Уго, крѣпко пожималъ руки ей и ему, сверкая бѣлыми зубами на загорѣломъ лицѣ.

Въ тотъ самый день счастливый Уго и глядѣвшая на него съ ей самой непонятною жалостью Вѣра ъли мороженое въ одномъ изъ кафе Галлереи. „Какъ замкнуто, какъ далеко!“ думалось ей. „Не перейти грань“. Порогъ спальни предсталъ ей... Движеніе и крики газетчиковъ со свѣже отпечатанными листами прервали ея мысли, подсказали имъ, что произошло нѣчто чрезвычайное. Уго купилъ газету и прочелъ объ убийствѣ эрцгерцога. „Будетъ война“, сказалъ онъ коротко, вставая отъ волненія; глаза его блестѣли. „Развѣ возможны войны?—удивилась Вѣра.—Я не понимаю васъ всѣхъ, тебя. Это такой ужасъ и отвращеніе—война!“ Вѣра невольно содрогнулась. Уго опустился на свое мѣсто противъ нея. „Этого часа“, заговорилъ онъ, „въ томлѣніи однихъ, въ титаническомъ трудѣ другихъ, въ геніальномъ предвидѣніи третьихъ ждала годы и десятилѣтія вся Европы. Для него существуемъ я, мы, все наше поколѣніе. Участь наша предрешена: она страшна, блестательна, прекрасна и завидна. Мы исчезнемъ въ огняхъ неслыханной грозы, растворимся въ потокѣ освобожденной энергіи. Человѣчество воз-

вратить свободу скованнымъ, порабощеннымъ имъ силамъ природы. И оно не въ силахъ будетъ охватить смыслъ ихъ великой игры, прилагая къ ней жалкую схему гуманистическихъ понятій“.

Съ этого дня Вѣра не разъ пришлось думать о возможной войнѣ. Она не читала газетъ, но о событияхъ говорилъ ей Уго, говорили его друзья, разгадывая маккіавелическія тайны дипломатовъ, взвѣшивая военные шансы, придумывая каждый день новыя и новыя комбинаціи. Судьбы Италіи горячо волновали ихъ. Они бредили ея торжественнымъ и свѣтлымъ будущимъ. Вѣра уже настолько знала ихъ, что умѣла видѣть за этимъ страннымъ ихъ паѳосомъ, за этой риторикой, глубокую любовь къ отечеству и подлинное чувство жертвы.

Послѣднюю недѣлю Вѣра пережила очень тревожно. Уго объявилъ ей, что записался въ военно-авіаціонную школу. „Не надо обманывать себя,— сказалъ онъ.—Война неизбѣжна. Она будетъ продолжительна и жестока. Я хорошо знаю Германію. Мы еще не готовы, нужна чудовищная работа всей нації“. Тѣнь пробѣжала по его лицу. „О чёмъ ты?“ Вѣра подошла къ нему и взяла его за руку. „Франція слаба и беспечна“, вздохнулъ онъ. „Неужели опасность грозитъ Парижу?“ Уго утвердительно кивнулъ головой. „А Россія?“—съ робостью спросила Вѣра. Уго не отвѣтилъ и только широко развелъ руками.

Весь тотъ день Вѣра продумала о Россіи. Она достала и перечитала послѣднее письмо отца. Въ письмѣ не было ни тревогъ, ни событий,—текла жизнь московскаго лѣта, немного вялая. Отецъ жаловался на докучныя дѣла, на усталость, мечталъ о деревнѣ. Вѣра вдругъ ясно представила

себѣ Горенки, потемнѣвшій отъ дождей домъ и смоленскую дорогу, уносившую куда-то вкось чрезъ бугры порѣдѣвшіе свои ряды старыхъ березъ. Здѣсь, говорили, шелъ Наполеонъ, и дѣвочкой Вѣра, видя дальнюю пыль на дорогѣ, думала о войнѣ по „Войнѣ и миру“.

Она легла, закрывши глаза на кушетку. Необычныя мысли тѣснились въ ея умѣ; кружилась слегка голова. Комната, окно, озеро — все было иллюзіей, атрибутомъ магического сна, разбить оковы котораго ей захотѣлось мучительно. „Не поздно, нѣть“, — подумала она, глядя въ пустыя глаза золотого bambino, надувавшаго свои глупыя щеки. Она встала, сняла его и положила бережно въ дальній уголъ.

Вечеромъ того дня она должна была встрѣтиться съ Уго у Бонацци. На вокзалѣ необычайное движеніе поразило ее. Ея сердце сжалось. Становилось подлинностью все то, что до сихъ поръ было темой газетъ и разговоровъ. Ей послышалась русская рѣчь. Кто-то рядомъ сказалъ по-итальянски: „Русскіе бѣгутъ изъ Германіи“. Вѣра увидѣла нѣсколько знакомыхъ растерянныхъ фигуръ. Одно семейство расположилось на платформѣ со своими пожитками. Немолодая дама и дѣвочка сидѣли на чемоданахъ, господинъ въ крылаткѣ тщетно пытался объясниться съ носильщикомъ.

Послѣ минутнаго колебанія Вѣра помогла имъ, уговорила переночевать въ знакомомъ отелѣ. Дама благодарила со слезами на глазахъ. Вѣра Морелли довела ихъ до извозчика. „Какъ тебя зовутъ?“ — спросила она, цѣлуя на прощанье дѣвочку. „Вѣра“, отвѣтила та едва слышно.

Уго не оказалось у Бонацци: онъ выѣхалъ въ

Парму, спѣшно вызванный по дѣламъ авіаціи. Вѣра съ тоской подумала о виллѣ на озерѣ. Вдругъ вспомнила отель, указанный ею русскимъ, и рѣшила переночевать въ городѣ.

Ту ночь она не могла заснуть вовсе. Кто-то тихо говорилъ и тихо плакалъ за стѣнкой. Вѣра на минуту закрывала глаза,—ей представлялись вокзалы, поѣзда, говоръ толпы, крики газетчиковъ и испуганное лицо маленькой дѣвочки, которая чуть слышно говоритъ: „Вѣра“. Съ ужасающей яркостью ей представилось вдругъ, какъ мятется сейчасъ въ смертельной бѣдѣ вся перевернутая сверху донизу Россія.

Когда уже всходило солнце Вѣра вышла на балконъ. Городъ спалъ еще въ розовой мглѣ; кое-гдѣ на влажныхъ крышахъ блестѣли золотые лучи. Слухъ Вѣры уловилъ чуть слышное жужжаніе далекаго аэроплана. Она обратилась въ ту сторону и долго слушала Богъ знаетъ съ какими молитвенными мыслями о будущемъ и о прошломъ. А утромъ она постучалась въ дверь къ новымъ знакомымъ. Всѣ трое они стояли посреди комнаты, болѣе испуганные ею, чѣмъ обрадованные. „Подождите меня,—сказала Вѣра Морелли;—сегодня вечеромъ яѣду вмѣстѣ съ вами въ Неаполь, а потомъ,—она махнула рукой,—въ Россію!“

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	7
Лероскій зм'їй	11
Морт да Фельтре	19
Конквистадоры	31
Поэтъ въ изгнаніи	41
Осада Левеллина	54
Приключеніе Казановы, неразсказанное имъ самимъ	65
Карьера Руска	76
Энкарнасьонъ	92
Смерть Рудина	103
Лонскій.	121
Модъ Кемронъ.	135
Вѣра Морелли.	147
Оглавленіе	165
Обложка работы Валентины Ходасевичъ.	

12

КНИГИ П. МУРАТОВА.

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ. Т. 1. (Венеция.—Путь къ Флоренції.—Флоренція.—Города Тасканыи.) Издание 3-е. „Научное Слово“. М., 1917 г.

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ. Т. 2. (Римъ.—Лаціумъ.—Неаполь и Сицилія.) Издание 2-е. „Научное Слово“. М., 1913 г.

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ. Т. 3. (Умбрія.—Лѣтнія странствія.—Съверъ.—Венеціанскій эпилогъ.) Готовится къ печати.

ПЕРЕВОДЫ.

НОВЕЛЛЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. Т. 1. (Части первая и вторая: Новеллисты треченто и новеллисты кватроченто.) Т. 2. (Часть третья: Новеллисты чинквеченто.) Издание К. Ф. Некрасова. М., 1912—1913 г.

УОЛТЕРЪ ПАТЕРЪ. Воображаемые портреты. Издание 2-е. К. Ф. Некрасова. М., 1916 г.

БЕРНХАРДЪ БЕРНСОНЪ. Живопись итальянского Возрождения. (Въ четырехъ частяхъ). Издание Г. И. Лемана и С. И. Сахарова. Готовится къ печати.

КАРЛЪ ГОЦЦИ. Ненужные воспоминанія. Издание М. и С. Сабашниковыхъ. Готовится къ печати.

50-00

~~10/-
15/-~~

Marsai N 43
10 P

17-50
060830/11084

84P5
M91
КБ 68359

Цена 6 р. 60 к.

BIBLIOTEKA TURGENEVA

068359

1050